

ДЭН БРАУН

Ангелы и демоны

Annotation

Иллюминаты. Древний таинственный орден, прославившийся в Средние века яростной борьбой с официальной церковью. Легенда далекого прошлого? Возможно... Но – почему тогда на груди убитого при загадочных обстоятельствах ученого вырезан именно символ иллюминатов? Приглашенный из Гарварда специалист по символике и его напарница, дочь убитого, начинают собственное расследование – и вскоре приходят к невероятным результатам...

Дэн Браун

Ангелы и демоны

События, описанные в этой книге, являются художественным вымыслом. Упоминаемые в ней имена и названия – плод авторского воображения. Все совпадения с реальными географическими названиями и именами людей, ныне здравствующих или покойных, случайны.

Блайз посвящается...

Крупнейшему международному научно-исследовательскому учреждению – Европейскому центру ядерных исследований (ЦЕРН)^[1] – недавно удалось получить первые образцы антивещества. Антивещество идентично обычному веществу, за исключением того, что его частицы имеют электрические заряды, противоположные зарядам знакомой нам материи.

Антивещество представляет собой самый мощный из известных человечеству источников энергии. Оно высвобождает ее со 100-процентной эффективностью (коэффициент полезного действия ядерной цепной реакции составляет 1,5 процента). При этом не происходит ни загрязнения окружающей среды, ни заражения ее радиоактивным излучением. Крошечная капля антивещества могла бы в течение целого дня обеспечивать энергией такой город, как Нью-Йорк.

Здесь есть, однако, одно обстоятельство...

Антивещество крайне нестабильно. Оно высвобождает энергию при любом малейшем контакте... даже с воздухом. Один грамм антивещества заключает в себе энергию 20-килотонной атомной бомбы – такой, какая была сброшена на Хиросиму.

До недавнего времени антивещество получали лишь в мизерных количествах (несколько атомов за один раз). Однако сейчас ЦЕРН запустил свой новый замедлитель антипротонов – усовершенствованное устройство для производства антивещества, которое позволит значительно увеличить получаемые объемы.

Остается один вопрос. Спасет ли эта крайне неустойчивая и капризная, но взрывоопасная субстанция мир или она будет использована для создания самого смертоносного оружия, которое когда-либо попадало в руки человека?

От автора

В книге упоминаются реальные гробницы, склепы, подземные ходы, произведения искусства и архитектурные памятники Рима, местоположение которых точно соответствует действительному. Их и сегодня можно видеть в этом древнем городе.

Братство «Иллюмината» также существует по сию пору.

Пролог

Физик Леонардо Ветра почувствовал смрадный запах горелого мяса и понял, что это прижигают его собственную плоть. Он в ужасе вскинул глаза на нависшую над ним темную фигуру.

– Что вам от меня нужно?

– *La chiave*, – проскрипел в ответ резкий злой голос. – Пароль.

– Но... Я не...

Мучитель склонился ниже, раскаленное добела железо еще глубже проникло в грудь Леонардо Ветра. Зашипела лопающаяся от жара кожа.

– Нет никакого пароля! – вскрикнул от нестерпимой боли ученый, чувствуя, что начинает проваливаться в беспамятство.

– *Ne avaro paura*, – проскрежетал его истязатель. – Этого я и боялся.

Леонардо Ветра изо всех сил старался не потерять сознание, но непроглядный мрак стремительно надвигался на него со всех сторон. Единственным утешением ему служила мысль, что безжалостному палачу никогда не получить того, чего он так добивался. Однако через мгновение в руке у того появился кинжал, и остро отточенный металл блеснул у самого лица Ветра. Лезвие опускалось медленно и неотвратно, с хирургической точностью и расчетливостью.

– О Господи! – взмолился Ветра. – Ради всего святого...

Слишком поздно.

Молодая женщина на самом верху лестницы, ведущей к пирамидам Гизы,^[2] звонко расхохоталась.

– Пошевеливайся, Роберт! – крикнула она с кокетливой улыбкой. – Так и знала, что мне следовало искать мужа помоложе!

Он заторопился, но его ноги будто налились свинцом.

– Подожди меня, – окликнул он ее. – Прошу, пожалуйста...

Он из последних сил одолевал ступеньку за ступенькой, перед глазами у негоплыли кровавые круги, а в ушах звучал заунывный звон. «Я должен до нее добраться!» Однако когда он вновь поднял глаза, женщина уже исчезла. На ее месте стоял старик, смотревший на него сверху вниз с кривой ухмылкой, обнажавшей редкие гнилые зубы. Из груди потерявшего жену страдальца вырвался вопль муки и отчаяния, эхом прокатившийся по бескрайней пустыне.

Роберт Лэнгдон вздрогнул и вынырнул из ночного кошмара. У его кровати пронзительно звонил телефон. Еще не стряхнув остатки сна, он поднял трубку.

– Алло!

– Мне нужен Роберт Лэнгдон, – ответил мужской голос.

Лэнгдон, пытаясь привести в порядок разбегающиеся мысли, спустил ноги с кровати и скосил глаза на дисплей электронных часов. 5:18 утра.

– Слушаю.

– Я должен немедленно с вами встретиться.

– Кто говорит?

– Максимилиан Колер – физик, изучающий элементарные частицы.

– Кто? – изумился Лэнгдон. – А вы уверены, что вам нужен именно я?

– Уверен. Вы профессор Гарвардского университета, специализируетесь в области религиозной символики. Написали три книги и...

– А вы знаете, который час? – возмущенно перебил его Лэнгдон.

– Прошу меня извинить. Мне необходимо вам кое-что показать. По телефону объяснить не могу.

Из груди Лэнгдона вырвался стон. Еще один... Такое уже бывало не раз. Неизбежное зло – звонки от свихнувшихся фанатиков, требующих, чтобы он толковал знамения, которые явил им сам Господь. Только в прошлом месяце какая-то стриптизерша из Оклахомы обещала Лэнгдону секс, которого он в жизни еще не имел, за то, чтобы он прилетел к ней в гости и подтвердил подлинность отпечатка креста, чудесным образом появившегося на ее простынях. Плащаница из Талсы, посмеялся тогда Лэнгдон.

– Как вы узнали номер моего телефона? – Несмотря на ранний час, Лэнгдон пытался говорить вежливо.

– Во Всемирной паутине. На сайте о ваших книгах.

Лэнгдон недоуменно сдвинул брови. Он был абсолютно уверен, что на этом сайте не указан номер его домашнего телефона. Его собеседник явно лжет.

– Мне необходимо вас видеть, – настаивал тот. – Я вам хорошо заплачу.

Вот теперь Лэнгдон разозлился по-настоящему.

– Простите, однако я действительно...

– Если не станете тратить время на пререкания, то сможете быть у меня к...

– И с места не тронусь! Пять часов утра! – Лэнгдон бросил трубку и, рухнув в постель, закрыл глаза и попытался заснуть.

Бесполезно. Память все подсовывала увиденную в кошмарном сне картину. Поворочавшись на сбитых простынях, он нехотя влез в халат и спустился вниз.

Роберт Лэнгдон босиком бродил по своему пустому викторианскому дому в Массачусетсе, бережно сжимая в ладонях дымящуюся кружку с неизменным снадобьем от бессонницы – волшебным напитком «Нестле». Апрельская луна лила через окна призрачный свет, который затейливыми пятнами играл на восточных коврах. Коллеги Лэнгдона постоянно подтрунивали над тем, что его жилище больше смахивает на антропологический музей, нежели на домашний очаг. Полки в комнатах заставлены занятыми вещицами со всего мира. Жутковатая маска из Ганы, золотой крест из Испании, фигурка облаченного в тунику божества из Эгеи, символ неувядаемой силы юного воина с Борнео.

Лэнгдон, присев на окованный медью сундук из Бомбея, наслаждался живительным теплом ароматного шоколада. Боковым зрением он видел в оконном стекле свое отражение. Искореженное, бледное... настоящее привидение. К тому же стареющее привидение, подумал он, – беспощадное напоминание о том, что его по-прежнему молодая душа заключена в брентную оболочку.

Хотя сорокапятилетний Лэнгдон и не был красив в классическом понимании этого слова, у него, как выражались его сотрудницы, была внешность «эрудита»: седые пряди в густых каштановых волосах, пытливые пронизательные голубые глаза, обворожительно сочный низкий голос, уверенная беззаботная улыбка спортсмена из университетской команды. Занимавшийся прыжками в воду в школе и колледже, Лэнгдон сохранил телосложение пловца – шесть футов тренированных мышц. Он тщательно поддерживал физическую форму, ежедневно по пятьдесят раз покрывая дорожку в университетском бассейне.

Друзья Лэнгдона всегда считали его некой загадкой, человеком, заблудившимся где-то между столетиями. В выходные его можно было увидеть в окружении студентов, когда он, примостившись в вытертых джинсах прямо на каком-нибудь камне, обсуждал с ними головомные вопросы компьютерной графики или не менее сложные проблемы истории религии. Однако он выглядел столь же естественно, когда в твидовом пиджаке от Харриса читал лекцию на открытии какой-нибудь музейной выставки, где его весьма охотно фотографировали для элитарных иллюстрированных журналов.

Хотя как преподаватель Лэнгдон и был приверженцем строгих правил и жесткой дисциплины, он первым среди профессуры ввел в практику то, что сам называл «забытым искусством доброй невинной забавы». Он с заразительным фанатизмом исповедовал и проповедовал внедрение в учебный процесс необходимых для восстановления способности к умственной деятельности развлечений, чем заслужил братское отношение со стороны студентов. Они прозвали его Дельфином, имея в виду и его легкий дружелюбный характер, и легендарную способность во время игры в водное поло внезапно глубоко нырнуть и с помощью хитрых маневров чуть ли не у самого дна бассейна оставить в дураках всю команду противника.

Лэнгдон одиноко сидел в пустом доме, уставившись в темноту невидящим взглядом. Вдруг тишину вновь разорвал звонок, на этот раз факса. Разозлиться как следует сил у него не хватило, и он лишь хохотнул, устало и совсем не весело.

«Ох уж эти мне Божьи твари! – подумал он. – Вот уже две тысячи лет ждут своего мессию и все никак не уймутся».

Он отнес пустую кружку на кухню и неторопливо прошлепал босыми ступнями в обшитый дубовыми панелями кабинет. На поддоне факса лежал лист бумаги. С горестным вздохом он взял его в руки, и в тот же миг на него стремительно накатил приступ тошноты.

Ученый не мог оторвать взгляда от изображения трупа. Шея у совершенно обнаженного человека была свернута так, что виден был только затылок. На груди чернел страшный ожог. Кто-то заклеил свою жертву... выжег одно-единственное слово. Слово, которое Лэнгдон знал. Знал наизусть. Не веря своим глазам, он всматривался в витиеватую вязь букв.

Иллюминати

– Иллюминати... – запинаясь произнес он вслух, чувствуя, как сердце гулко забилося о ребра. Не может быть...

Медленным-медленным движением, уже заранее зная, что он увидит, Лэнгдон перевернул текст факса вверх ногами. И, беззвучно шевеля губами, прочитал напечатанное там слово. Противясь очевидному, не веря своим глазам, он вновь и вновь вертел в руках лист бумаги...

– Иллюминати, – почему-то прошептал он наконец.

Совершенно ошеломленный, Лэнгдон упал в кресло. Посидел некоторое время, приходя в себя и пытаясь собраться с мыслями. И только потом заметил мигающий красный индикатор факса. Тот, кто отправил ему факс, все еще оставался на линии... хотел, видимо, с ним поговорить. Лэнгдон в нерешительности долго смотрел на дразняще подмигивающий огонек.

Затем, дрожа словно в ознобе, поднял трубку.

– Надеюсь, теперь вы уделите мне немного внимания? – услышал он мужской голос.

– Да, сэр, не сомневайтесь. Может быть, вы все же объясните, что происходит?

– Я уже пытался это сделать. – Голос звучал механически, без всяких интонаций. – Я физик, руковожу исследовательским центром. У нас произошло убийство. Труп вы видели сами.

– Как вы меня нашли? – Перед глазами у Лэнгдона стояла полученная по факсу фотография, он никак не мог сосредоточиться и задал первый пришедший в голову вопрос.

– Я уже говорил. Через Всемирную паутину. На сайте о вашей книге «Искусство иллюминатов».

Лэнгдон попытался привести мысли в порядок. Его книга была абсолютно неизвестна в широких литературных кругах, однако получила множество откликов в Интернете. Тем не менее заявление его собеседника звучало совершенно неправдоподобно.

– На той странице не указаны мои контактные телефоны, – твердо сказал он. – Я в этом совершенно уверен.

– У меня в лаборатории есть умельцы, которые способны получить любую информацию о пользователях Интернета.

– Похоже, ваша лаборатория неплохо ориентируется в Сети, – все еще недоверчиво протянул Лэнгдон.

– А как же иначе, ведь это мы ее изобрели!

Что-то в голосе собеседника убедило Лэнгдона в том, что он не шутит.

– Мне необходимо с вами встретиться, – настойчиво продолжал тот. – По телефону такие вещи не обсуждают. Из Бостона до моей лаборатории всего час лёта.

Лэнгдон стоял в густом полумраке кабинета, рассматривая факс, который он все еще судорожно сжимал подрагивающими пальцами. Он не мог отвести взгляд от изображения, возможно, представлявшего собой эпитафическую^[3] находку века, один-единственный символ, вобравший в себя десять лет кропотливого труда.

– Дело не терпит отлагательства, – настаивал его собеседник.

Лэнгдон впился глазами в надпись. «Иллюмината», – читал и перечитывал он. Его работа была связана с древними документами и преданиями, своего рода эквивалентами ископаемых останков, но эта символика относилась и к сегодняшнему дню. К настоящему времени. Он чувствовал себя палеонтологом, который нос к носу столкнулся с живым динозавром.

– Я взял на себя смелость послать за вами самолет, – сообщил ему собеседник. – Он будет в Бостоне через двадцать минут.

В горле у Лэнгдона пересохло. Всего час лёта...

– Простите мне самонадеянность, но вы мне крайне нужны здесь, – произнес голос.

Лэнгдон вновь взглянул на факс, на отпечатанное на нем подтверждение древнего мифа. Его пугали возможные последствия произошедшего. Он рассеянно посмотрел в окно. Сквозь кроны берез на заднем дворе робко пробивались первые лучи солнца, но этим утром давно ставшая привычной картина выглядела как-то по-другому. Лэнгдона охватило странное смешанное чувство безоглядного восторга и гнетущего ужаса, и он понял, что выбора у него нет.

– Ваша взяла, – сдался он. – Объясните, как мне найти ваш самолет.

Глава 3

В двух тысячах миль от дома Лэнгдона происходила другая беседа. Говорившие сидели в полутемной каморе с каменными стенами и потолком, как в мрачное Средневековье.

– Тебе все удалось, Бенвенуто? – властным тоном поинтересовался один из собеседников, почти невидимый в густой тени.

– Sì, perfettamente, ^[4] – отозвался другой.

– И ни у кого не возникнет сомнений в том, кто именно несет ответственность за происшедшее?

– Никаких.

– Превосходно. Ты принес то, что я просил?

Темные, как мазут, глаза убийцы сверкнули. Он поставил на стол тяжелый электронный прибор.

– Молодец, – довольным голосом произнес первый.

– Служить братству для меня высокая честь, – ответил убийца.

– Скоро начнется второй этап. Тебе нужно немного отдохнуть. Сегодня вечером мы изменим этот мир.

«Сааб» Роберта Лэнгдона вырвался из тоннеля Каллахэн и оказался в восточной части Бостонского порта неподалеку от въезда в аэропорт Логана. Следуя полученным указаниям, Лэнгдон отыскал Авиэйшн-роуд и за старым зданием компании «Истерн эйрлайнс» свернул налево. В трехстах ярдах от дороги он разглядел едва заметные в темноте очертания ангара, на стене которого была выведена гигантская цифра «4». Лэнгдон зарулил на стоянку и выбрался из автомобиля.

Из-за ангара появился круглолицый субъект в голубом комбинезоне.

– Роберт Лэнгдон? – приветливо окликнул он его с незнакомым акцентом.

– Он самый, – отозвался Лэнгдон, запирая машину.

– А вы чертовски пунктуальны. Я только что приземлился. Прошу за мной, пожалуйста.

Идя вокруг ангара, Лэнгдон вдруг ощутил, как напряжены его нервы. Ученый не привык к таинственным телефонным звонкам и секретным встречам с незнакомцами. Не зная, что его ждет, он выбрал одежду, которую обычно надевал на занятия, – прочные хлопчатобумажные брюки, свитер и пиджак из мягкого твида. Лэнгдон вспомнил о лежащем во внутреннем кармане пиджака факсе. Он все еще не мог заставить себя до конца поверить в реальность того, что на нем было изображено.

Пилот, похоже, уловил владевшее Лэнгдоном напряженное беспокойство и спросил:

– А как вы переносите перелеты, сэр? Без проблем, надеюсь?

– Нормально, – ответил он и подумал: «Перелет я как-нибудь переживу, а вот клейменные трупы для меня действительно проблема».

Они прошли вдоль длиннющей стены ангара и очутились на взлетной полосе.

Лэнгдон застыл как вкопанный, уставившись на приникший к бетону самолет.

– Мы что, полетим вот на этой штуке?

– Нравится? – расплылся в широкой улыбке пилот.

– А что это вообще такое?

Перед ними громоздился самолет гигантских, чудовищных размеров, отдаленно напоминавший космический «челнок», за исключением того, что верхняя часть его фюзеляжа была абсолютно плоской. Создавалось впечатление, что сверху она срезана. Более всего летательный аппарат походил на клин колоссальных размеров. Лэнгдону на мгновение даже показалось, что он видит сон. С виду диковинная машина была столь же пригодна для полетов, как гусеничный трактор. Крылья практически отсутствовали. Вместо них из задней части фюзеляжа торчали какие-то коротенькие обрубки. Над обрубками возвышались два киля. Все остальное – сплошной фюзеляж. Длиной около 200 футов и без единого иллюминатора.

– Двести пятьдесят тысяч килограммов с полной заправкой! – хвастливо проинформировал Лэнгдона пилот – так молодой папаша горделиво сообщает данные о весе своего первенца. – Работает на жидком водороде. Корпус из титана, армированного кремнево-карбидным волокном. Соотношение тяги к весу – двадцать к одному, а у большинства реактивных самолетов оно не превышает семи к одному. Нашему директору, видно, и вправду не терпится с вами повидаться. Обычно он этого великана за своими гостями не высылает.

– И эта... этот... оно летает? – не без сарказма вскинул брови Лэнгдон.

– Еще как! – снисходительно усмехнулся пилот. – Выглядит, конечно, немного необычно, может, даже страшновато, но советую привыкать. Уже через пять лет в воздухе ничего, кроме этих милашек, не останется. Высокоскоростное гражданское средство передвижения. Наша лаборатория одна из первых приобрела такой самолет.

«Да, ничего себе лаборатория, не из бедных», – мелькнуло в голове у Лэнгдона.

– Перед вами прототип «Боинга X-33», – продолжал пилот. – Однако уже сегодня существуют десятки других моделей. У американцев, русских, британцев. Будущее за ними, нужно только некоторое время, чтобы внедрить их в сферу общественного транспорта. Так что можете прощаться с обычными реактивными самолетами.

– Лично я предпочел бы обычный, – искренне признался Лэнгдон, с опаской поглядывая на титанового монстра.

Пилот подвел его к трапу.

– Сюда, пожалуйста, мистер Лэнгдон. Смотрите не споткнитесь.

Через несколько минут Лэнгдон уже сидел в пустом салоне. Пилот усадил его в первом ряду, заботливо застегнул на нем ремень безопасности и скрылся в носовой части самолета. К его удивлению, салон напоминал те, к которым уже привыкли пассажиры широкофюзеляжных лайнеров. Единственное отличие состояло в том, что здесь не было ни одного иллюминатора. Лэнгдону это обстоятельство пришлось не по душе. Всю жизнь его преследовала умеренной тяжести клаустрофобия – следствие одного инцидента в раннем детстве, избавиться от которой до конца он так и не сумел.

Эта боязнь замкнутого пространства никоим образом не сказывалась на здоровье Лэнгдона, но причиняла ему массу неудобств и потому всегда его раздражала. Проявляла она себя в скрытой форме. Он, например, избегал спортивных игр в закрытых помещениях, таких как ракетбол и сквош. Он охотно, даже с радостью выложил круглую сумму за свой просторный викторианский дом с высоченными потолками, хотя университет был готов предоставить ему куда более дешевое жилье. Лэнгдона частенько навешали подозрения, что вспыхнувшая в нем в юности тяга к миру искусства была порождена любовью к огромным музейным залам.

Где-то под ногами ожили двигатели, корпус самолета отозвался мелкой дрожью. Лэнгдон судорожно сглотнул и замер в ожидании. Он почувствовал, как самолет вырулил на взлетную полосу. Над его головой негромко зазвучала музыка «кантри».

Дважды пискнул висящий на стене телефон. Лэнгдон снял трубку.

– Алло!

– Как самочувствие, мистер Лэнгдон?

– Не очень.

– Расслабьтесь. Через час будем на месте.

– Где именно, нельзя ли поточнее? – Только сейчас до него дошло, что он так и не знает, куда они направляются.

– В Женеве, – ответил пилот, и двигатели взревели. – Наша лаборатория находится в Женеве.

– Ага, значит, Женеве, – повторил Лэнгдон. – На севере штата Нью-Йорк. Кстати, моя семья живет там, неподалеку от озера Сенека. А я и не знал, что в Женеве есть физическая лаборатория.

– Не та Женева, что в штате Нью-Йорк, мистер Лэнгдон, – рассмеялся пилот. – А та, что в Швейцарии!

Потребовалось некоторое время, чтобы до Лэнгдона дошел весь смысл услышанного.

– Ах вот как? В Швейцарии? – Пульс у Лэнгдона лихорадочно зачастил. – Но мне показалось, вы говорили, что нам лететь не больше часа...

– Так оно и есть, мистер Лэнгдон! – коротко хохотнул пилот. – Эта малышка развивает скорость пятнадцать махов.^[5]

Убийца ловко лавировал в толпе, заполнившей шумную улицу большого европейского города. Смуглый, подвижный, могучего телосложения и все еще взбудораженный после недавней встречи.

Все прошло хорошо, убеждал он себя. Хотя его работодатель никогда не показывал ему своего лица, само общение с ним было большой честью. Неужели после их первого контакта прошло всего лишь пятнадцать дней? Убийца помнил каждое слово из того телефонного разговора.

– Меня зовут Янус, – представился его собеседник. – Нас с вами связывают почти кровные узы. У нас общий враг. Говорят, вы предлагаете желающим свои услуги?

– Все зависит от того, кого вы представляете, – уклончиво ответил убийца.

Собеседник сказал ему и это.

– Вы шутите?

– Так, значит, вы о нас слышали?

– Конечно. О братстве ходят легенды.

– Ну вот, а вы сомневаетесь.

– Так ведь все знают, что братья давно превратились в прах.

– Всего лишь блестящая тактическая уловка с нашей стороны. Согласитесь, самый опасный противник тот, кого все перестали опасаться.

– Значит, если я вас правильно понял, братство выжило? – по-прежнему недоверчиво произнес убийца.

– Именно так, только оно ушло в еще более глубокое подполье. Мы проникаем повсюду... даже в святая святых нашего самого заклятого врага.

– Но это же невозможно. Эти враги неприступны и неуязвимы.

– У нас очень длинные руки.

– Но не настолько же!

– Очень скоро вы в этом сами убедитесь. Уже получено неопровержимое доказательство всемогущества братства. Один-единственный акт измены – и...

– И как вы поступили?

Собеседник посвятил его в подробности.

– Невероятно. Просто невысказано! – воскликнул убийца.

На следующий день газеты разнесли эту сенсацию по всему миру. Убийца обрел веру.

И вот сейчас, пятнадцать дней спустя, он уже настолько укрепился в этой своей вере, что не испытывал более ни тени сомнений. Братство живет, ликовал он. Сегодня они явятся белому свету, чтобы показать всем свою неодолимую силу.

Убийца пробирался хитросплетениями улиц, его темные глаза зловеще и в то же время радостно мерцали от предвкушения предстоящих событий. Его призвало служить себе одно из самых тайных и самых страшных сообществ среди тех, которые когда-либо существовали на этой земле. Они сделали правильный выбор, подумал он. Его умение хранить секреты уступало только его умению убивать.

Он служил братству верой и правдой. Расправился с указанной жертвой и доставил требуемый Янусу предмет. Теперь Янусу предстоит применить все свои силы и влияние, чтобы переправить предмет в намеченное место.

Интересно, размышлял убийца, как Янусу удастся справиться с подобной, практически невыполнимой задачей? У него туда явно внедрены свои люди. Власть братства, похоже, действительно безгранична.

Янус, Янус... Несомненно, псевдоним, подпольная кличка, решил убийца. Только вот что здесь имеется в виду – двуликое божество Древнего Рима... или спутник Сатурна? Хотя какая разница! Янус обладает непостижимой и неизмеримой властью. Он доказал это наглядно и убедительно.

Убийца представил себе, как одобрительно улыбнулись бы ему его предки. Сегодня он продолжает их благородное дело, бьется с тем же врагом, против которого они сражались столетиями, с одиннадцатого века... с того черного дня, когда полчища крестоносцев впервые хлынули на его землю, оскверняя священные для нее реликвии и храмы, грабя, насилуя и убивая его сородичей, которых объявляли нечестивцами.

Для отпора захватчикам его предки собрали небольшую, но грозную армию, и очень скоро ее бойцы получили славное имя «защитников». Эти искусные и бесстрашные воины скрытно передвигались по всей стране и беспощадно уничтожали любого попавшегося на глаза врага. Они завоевали известность не только благодаря жестоким казням, но и тому, что каждую победу отмечали обильным приемом наркотиков. Излюбленным у них стало весьма сильнодействующее средство, которое они называли гашишем.

По мере того как росла их слава, за этими сеющими вокруг себя смерть мстителями закрепилось прозвище «гашишин», что в буквальном переводе означает «приверженный гашишу». Почти в каждый язык мира это слово вошло синонимом смерти. Оно употребляется и в современном английском... однако, подобно самому искусству убивать, претерпело некоторые изменения.

Теперь оно произносится «ассасин».^[6]

Через шестьдесят четыре минуты Роберт Лэнгдон, которого все-таки слегка укачало во время полета, сошел с трапа самолета на залитую солнцем посадочную полосу, недоверчиво и подозрительно глядя по сторонам. Прохладный ветерок шаловливо играл лацканами его пиджака. От представшего перед его глазами зрелища на душе у Лэнгдона сразу полегчало. Прищурившись, он с наслаждением рассматривал покрытые роскошной зеленью склоны долины, взмывающие к увенчанным белоснежными шапками вершинам.

Чудесный сон, подумал он про себя. Жаль будет просыпаться.

– Добро пожаловать в Швейцарию! – улыбнулся ему пилот, стараясь перекричать рев все еще работающих двигателей «х – зз».

Лэнгдон взглянул на часы. Семь минут восьмого утра.

– Вы пересекли шесть часовых поясов, – сообщил ему пилот. – Здесь уже начало второго.

Лэнгдон перевел часы.

– Как самочувствие?

Лэнгдон, поморщившись, потер живот.

– Как будто пенопласта наелся.

– Высотная болезнь, – понимающе кивнул пилот. – Шестьдесят тысяч футов как-никак.

На такой высоте вы весите на треть меньше. Вам еще повезло с коротким подскоком. Вот если бы мы летели в Токио, мне пришлось бы поднять мою детку куда выше – на сотни и сотни миль. Ну уж тогда бы у вас кишки и поплясали!

Лэнгдон кивнул и вымученно улыбнулся, согласившись считать себя счастливым. Вообще говоря, с учетом всех обстоятельств полет оказался вполне заурядным. Если не считать зубодробительного эффекта от ускорения во время взлета, остальные ощущения были весьма обычными: время от времени незначительная болтанка, изменение давления по мере набора высоты... И больше ничего, что позволило бы предположить, что они несутся в пространстве с не поддающейся воображению скоростью 11 000 миль в час. «Х-33» со всех сторон облепили техники наземного обслуживания. Пилот повел Лэнгдона к черному «пежо» на стоянке возле диспетчерской вышки. Через несколько секунд они уже мчались по гладкому асфальту дороги, тянувшейся по дну долины. В отдалении, прямо у них на глазах, вырастала кучка прилепившихся друг к другу зданий.

Лэнгдон в смятении заметил, как стрелка спидометра метнулась к отметке 170 километров в час. Это же больше 100 миль, вдруг осознал он. Господи, да этот парень просто помешан на скорости, мелькнуло у него в голове.

– До лаборатории пять километров, – обронил пилот. – Доедем за две минуты.

«Давай доедем за три, но живыми», – мысленно взмолился Лэнгдон, тщетно пытаясь нащупать ремень безопасности.

– Любите Рибу? – спросил пилот, придерживая руль одним пальцем левой руки, а правой вставляя кассету в магнитолау.

«Как страшно остаться одной...» – печально запел женский голос.

Да чего там страшного, рассеянно возразил про себя Лэнгдон. Его сотрудницы частенько упрекали его в том, что собранная им коллекция диковинных вещей, достойная любого музея, есть не что иное, как откровенная попытка заполнить унылую пустоту, царящую в его доме. В доме, который только выиграет от присутствия женщины. Лэнгдон же всегда

отшучивался, напоминая им, что в его жизни уже есть три предмета самозабвенной любви – наука о символах, водное поло и холостяцкое существование. Последнее означало свободу, которая позволяла по утрам валяться в постели, сколько душа пожелает, а вечера проводить в блаженном уюте за бокалом бренди и умной книгой.

– Вообще-то у нас не просто лаборатория, – отвлек пилот Лэнгдона от его размышлений, – а целый городок. Есть супермаркет, больница и даже своя собственная киношка.

Лэнгдон безучастно кивнул и посмотрел на стремительно надвигающиеся на них здания.

– К тому же у нас самая большая в мире Машина, – добавил пилот.

– Вот как? – Лэнгдон осмотрел окрестности.

– Так вам ее не увидеть, сэр, – усмехнулся пилот. – Она спрятана под землей на глубине шести этажей.

Времени на то, чтобы выяснить подробности, у Лэнгдона не оказалось. Без всяких предупреждений пилот ударил по тормозам, и автомобиль под протестующий визг покрышек замер у будки контрольно-пропускного пункта.

Лэнгдон в панике принялся шарить по карманам.

– О Господи! Я же не взял паспорт!

– А на кой он вам? – небрежно бросил пилот. – У нас есть постоянная договоренность с правительством Швейцарии.

Ошеломленный Лэнгдон в полном недоумении наблюдал, как пилот протянул охраннику свое удостоверение личности. Тот вставил пластиковую карточку в щель электронного идентификатора, и тут же мигнул зеленый огонек.

– Имя вашего пассажира?

– Роберт Лэнгдон, – ответил пилот.

– К кому?

– К директору.

Охранник приподнял брови. Отвернулся к компьютеру, несколько секунд вглядывался в экран монитора. Затем вновь высунулся в окошко.

– Желаю вам всего наилучшего, мистер Лэнгдон, – почти ласково проговорил он.

Машина вновь рванулась вперед, набирая сумасшедшую скорость на 200-ярдовой дорожке, круто сворачивающей к главному входу лаборатории. Перед ними возвышалось прямоугольное ультрасовременное сооружение из стекла и стали. Дизайн, придававший такой громаде поразительную легкость и прозрачность, привел Лэнгдона в восхищение. Он всегда питал слабость к архитектуре.

– Стекланный собор, – пояснил пилот.

– Церковь? – решил уточнить Лэнгдон.

– Отнюдь. Вот как раз церкви у нас нет. Единственная религия здесь – это физика. Так что можете сколько угодно поминать имя Божье всуе, но если вы обидите какой-нибудь кварк [7] или мезон, [8] тогда вам уж точно несдобровать.

Лэнгдон в полном смятении заерзал на пассажирском сиденье, когда автомобиль, завершив, как ему показалось, вираж на двух колесах, остановился перед стеклянным зданием. Кварки и мезоны? Никакого пограничного контроля? Самолет, развивающий скорость 15 махов? Да кто же они такие, черт побери, эти ребята? Полированная гранитная плита, установленная у входа, дала ему ответ на этот вопрос.

– Ядерных исследований? – на всякий случай переспросил Лэнгдон, абсолютно уверенный в правильности своего перевода названия с французского.

Водитель не ответил: склонившись чуть ли не до пола, он увлеченно крутил ручки автомагнитолы.

– Вот мы и приехали, – побряхтывая, распрямил он спину. – Здесь вас должен встречать директор.

Лэнгдон увидел, как из дверей здания выкатывается инвалидное кресло-коляска. Сидящему в ней человеку на вид можно было дать лет шестьдесят. Костлявый, ни единого волоска на поблескивающем черепе, вызывающе выпяченный подбородок. Человек был одет в белый халат, а на подножке кресла неподвижно покоились ноги в сверкающих лаком вечерних туфлях. Даже на расстоянии его глаза казались совершенно безжизненными – точь-в-точь два тускло-серых камешка.

– Это он? – спросил Лэнгдон.

Пилот вскинул голову.

– Ох, чтоб тебя... – Он с мрачной ухмылкой обернулся к Лэнгдону. – Легок на помине!

Не имея никакого представления о том, что его ждет, Лэнгдон нерешительно вылез из автомобиля.

Приблизившись, человек в кресле-коляске протянул ему холодную влажную ладонь.

– Мистер Лэнгдон? Мы с вами говорили по телефону. Я Максимилиан Колер.

Генерального директора ЦЕРНа Максимилиана Колера за глаза называли кайзером. Титул этот ему присвоили больше из благоговейного ужаса, который он внушал, нежели из почтения к владыке, правившему своей вотчиной с трона на колесиках. Хотя мало кто в центре знал его лично, там рассказывали множество ужасных историй о том, как он стал калекой. Некоторые недолюбливали его за черствость и язвительность, однако не признавать его безграничную преданность чистой науке не мог никто.

Пробыв в компании Колера всего несколько минут, Лэнгдон успел ощутить, что директор – человек, застегнутый на все пуговицы и никого близко к себе не подпускающий. Чтобы успеть за инвалидным креслом с электромотором, быстро катившимся к главному входу, ему приходилось то и дело переходить на трусцу. Такого кресла Лэнгдон еще никогда в жизни не видел – оно было буквально напичкано электронными устройствами, включая многоканальный телефон, пейджинговую систему, компьютер и даже миниатюрную съемную видеокамеру. Этаким мобильный командный пункт кайзера Колера.

Вслед за креслом Лэнгдон через автоматически открывающиеся двери вошел в просторный вестибюль центра.

Стеклянный собор, хмыкнул про себя американец, поднимая глаза к потолку и увидев вместо него небо.

Над его головой голубовато отсвечивала стеклянная крыша, сквозь которую послеполуденное солнце щедро лило свои лучи, разбрасывая по облицованным белой плиткой стенам и мраморному полу геометрически правильные узоры и придавая интерьеру вестибюля вид пышного великолепия. Воздух здесь был настолько чист, что у Лэнгдона с непривычки даже защекотало в носу. Гулкое эхо разносило звук шагов редких ученых, с озабоченным видом направлявшихся через вестибюль по своим делам.

– Сюда, пожалуйста, мистер Лэнгдон.

Голос Колера звучал механически, словно прошел обработку в компьютере. Дикция точная и жесткая, под стать резким чертам его лица. Колер закашлялся, вытер губы белоснежным платком и бросил на Лэнгдона пронзительный взгляд своих мертвенно-серых глаз.

– Вас не затруднит поторопиться?

Кресло рванулось по мраморному полу.

Лэнгдон поспешил за ним мимо бесчисленных коридоров, в каждом из которых кипела бурная деятельность. При их появлении ученые с изумлением и бесцеремонным любопытством разглядывали Лэнгдона, стараясь угадать, кто он такой, чтобы заслужить честь находиться в обществе их директора.

– К своему стыду, должен признаться, что никогда не слышал о вашем центре, – предпринял Лэнгдон попытку завязать беседу.

– Ничего удивительного, – с нескрываемой холодностью ответил Колер. – Большинство американцев отказываются признавать мировое лидерство Европы в научных исследованиях и считают ее большой лавкой... Весьма странное суждение, если вспомнить национальную принадлежность таких личностей, как Эйнштейн, Галилей и Ньютон.

Лэнгдон растерялся, не зная, как ему реагировать. Он вытащил из кармана пиджака факс.

– А этот человек на фотографии, не могли бы вы...

– Не здесь, пожалуйста! – гневным взмахом руки остановил его Колер. – Дайте-ка это мне.

Лэнгдон безропотно протянул ему факс и молча пошел рядом с креслом-коляской.

Колер свернул влево, и они оказались в широком коридоре, стены которого были увешаны почетными грамотами и дипломами. Среди них сразу бросалась в глаза бронзовая доска необычайно больших размеров. Лэнгдон замедлил шаг и прочитал выгравированную на металле надпись:

ПРЕМИЯ АРС ЭЛЕКТРОНИКИ

«За инновации в сфере культуры в эру цифровой техники» присуждена Тиму Бернерсу-Ли и Европейскому центру ядерных исследований за изобретение Всемирной паутины.

«Черт побери, – подумал Лэнгдон, – а ведь этот парень меня не обманывал». Сам он был убежден, что Паутину изобрели американцы. С другой стороны, его познания в данной области ограничивались нечастыми интернет-сеансами за выдавшим виды «Макинтошем», когда он заходил на сайт собственной книги либо осматривал экспозиции Лувра или музея Прадо.

– Всемирная паутина родилась здесь как локальная сеть... – Колер вновь закашлялся и приложил к губам платок. – Она давала возможность ученым из разных отделов обмениваться друг с другом результатами своей повседневной работы. Ну а весь мир, как водится, воспринимает Интернет как очередное величайшее изобретение Соединенных Штатов.

– Так почему же вы не восстановите справедливость? – поинтересовался Лэнгдон.

– Стоит ли беспокоиться из-за пустячного заблуждения по столь мелкому поводу? – равнодушно пожал плечами Колер. – ЦЕРН – это куда больше, нежели какая-то глобальная компьютерная сеть. Наши ученые чуть ли не каждый день творят здесь настоящие чудеса.

– Чудеса? – Лэнгдон с сомнением взглянул на Колера.

Слово «чудо» определенно не входило в словарный запас ученых Гарварда. Чудеса они оставляли ребятам с факультета богословия.

– Вижу, вы настроены весьма скептически, – заметил Колер. – Я полагал, что вы занимаетесь религиозной символикой. И вы не верите в чудеса?

– У меня пока нет сложившегося мнения по поводу чудес, – ответил Лэнгдон. – Особенно по поводу тех, что происходят в научных лабораториях.

– Возможно, я употребил не совсем подходящее слово. Просто старался говорить на понятном вам языке.

– Ах вот как! – Лэнгдон вдруг почувствовал себя уязвленным. – Боюсь разочаровать вас, сэр, однако я исследую религиозную символику, так что я, к вашему сведению, ученый, а не священник.

– Разумеется. Как же я не подумал! – Колер резко притормозил, взгляд его несколько смягчился. – Действительно, ведь чтобы изучать симптомы рака, совсем не обязательно самому им болеть.

Лэнгдону в своей научной практике еще не доводилось сталкиваться с подобным тезисом.

Колер одобрительно кивнул.

– Подозреваю, что мы с вами прекрасно пойдем друг друга, – с удовлетворением в голосе констатировал он.

Лэнгдон же в этом почему-то сильно сомневался.

По мере того как они продвигались по коридору все дальше, Лэнгдон начал скорее ощущать, чем слышать непонятный низкий гул. Однако с каждым шагом он становился все сильнее и сильнее, создавалось впечатление, что вибрируют даже стены. Гул, похоже, доносился из того конца коридора, куда они направлялись.

– Что это за шум? – не выдержал наконец Лэнгдон, вынужденный повысить голос чуть ли не до крика. Ему казалось, что они приближаются к действующему вулкану.

– Ствол свободного падения, – не вдаваясь ни в какие подробности, коротко ответил Колер; его сухой безжизненный голос каким-то невероятным образом перекрыл басовитое гудение.

Лэнгдон же ничего уточнять не стал. Его одолевала усталость, а Максимилиан Колер, судя по всему, на призы, премии и награды за радушие и гостеприимство не рассчитывал. Лэнгдон приказал себе держаться, напомнив, с какой целью он сюда прибыл. «Иллюмината». Где-то в этом гигантском здании находился труп... труп с выжженным на груди клеймом, и чтобы увидеть этот символ собственными глазами, Лэнгдон только что пролетел три тысячи миль.

В конце коридора гул превратился в громоподобный рев. Лэнгдон в буквальном смысле ощутил, как вибрация через подошвы пронизывает все его тело и раздирает барабанные перепонки. Они завернули за угол, и перед ними открылась смотровая площадка. В округлой стене были четыре окна в толстых массивных рамах, что придавало им неуместное здесь сходство с иллюминаторами подводной лодки. Лэнгдон остановился и заглянул в одно из них.

Профессор Лэнгдон много чего повидал на своем веку, но столь странное зрелище наблюдал впервые в жизни. Он даже поморгал, на миг испугавшись, что его преследуют галлюцинации. Он смотрел в колоссальных размеров круглую шахту. Там, словно в невесомости, парили в воздухе люди. Трое. Один из них помахал ему рукой и продемонстрировал безукоризненно изящное сальто.

«О Господи, – промелькнула мысль у Лэнгдона, – я попал в страну Оз».

Дно шахты было затянуто металлической сеткой, весьма напоминающей ту, что используют в курятниках. Сквозь ее ячейки виднелся бешено вращающийся гигантский пропеллер.

– Ствол свободного падения, – нетерпеливо повторил Колер. – Парашютный спорт в зале. Для снятия стресса. Простая аэродинамическая труба, только вертикальная.

Лэнгдон, вне себя от изумления, не мог оторвать глаз от парившей в воздухе тройцы. Одна из летунов, тучная до неприличия дама, судорожно подергивая пухлыми конечностями, приблизилась к окошку. Мощный воздушный поток ощутимо потряхивал ее, однако дама блаженно улыбалась и даже показала Лэнгдону поднятые большие пальцы, сильно смахивающие на сардельки. Лэнгдон натянуто улыбнулся в ответ и повторил ее жест, подумав про себя, знает ли дама о том, что в древности он употреблялся как фаллический

символ неисчерпаемой мужской силы.

Только сейчас Лэнгдон заметил, что толстушка была единственной, кто пользовался своего рода миниатюрным парашютом. Трепетавший над ее грузными формами лоскуток ткани казался просто игрушечным.

– А для чего ей эта штука? – не утерпел Лэнгдон. – Она же в диаметре не больше ярда.

– Сопротивление. Ухудшает ее аэродинамические качества, иначе бы воздушному потоку эту даму не поднять, – объяснил Колер и вновь привел свое кресло-коляску в движение. – Один квадратный ярд поверхности создает такое лобовое сопротивление, что падение тела замедляется на двадцать процентов.

Лэнгдон рассеянно кивнул.

Он еще не знал, что в тот же вечер эта информация спасет ему жизнь в находящейся за сотни миль от Швейцарии стране.

Когда Колер и Лэнгдон, покинув главное здание ЦЕРНа, оказались под яркими лучами щедрого швейцарского солнца, Лэнгдона охватило ощущение, что он перенесся на родную землю. Во всяком случае, окрестности ничем не отличались от университетского городка где-нибудь в Новой Англии.

Поросший пышной травой склон сбегал к просторной равнине, где среди кленов располагались правильные кирпичные прямоугольники студенческих общежитий. По мощеным дорожкам сновали ученого вида индивиды, прижимающие к груди стопки книг. И словно для того, чтобы подчеркнуть привычность атмосферы, двое заросших грязными волосами хиппи под льющиеся из открытого окна общежития звуки Четвертой симфонии Малера^[9] азартно перебрасывали друг другу пластиковое кольцо.

– Это наш жилой блок, – сообщил Колер, направляя кресло-коляску к зданиям. – Здесь у нас работают свыше трех тысяч физиков. ЦЕРН собрал более половины специалистов по элементарным частицам со всего мира – лучшие умы планеты. Немцы, японцы, итальянцы, голландцы – всех не перечислить. Наши физики представляют пятьсот университетов и шестьдесят национальностей.

– Как же они общаются друг с другом? – потрясенно спросил Лэнгдон.

– На английском, естественно. Универсальный язык науки.

Лэнгдон всегда полагал, что универсальным средством общения в науке служит язык математики, однако затевать диспут на эту тему у него уже не было сил. Он молча плелся вслед за Колером по дорожке. Где-то на полпути им навстречу трусцой пробежал озабоченного вида юноша. На груди его футболки красовалась надпись «ВСУНТЕ – ВОТ ПУТЬ К ПОБЕДЕ!».

– Всуньте? – со всем сарказмом, на который был способен, хмыкнул Лэнгдон.

– Решили, что он малограмотный озорник? – вроде бы даже оживился Колер. – ВСУНТЕ расшифровывается как всеобщая унифицированная теория. Теория всего.

– Понятно, – смутился Лэнгдон, абсолютно ничего не понимая.

– Вы вообще-то знакомы с физикой элементарных частиц, мистер Лэнгдон? – поинтересовался Колер.

– Я знаком с общей физикой... падение тел и все такое... – Занятия прыжками в воду внушили Лэнгдону глубочайшее уважение к могучей силе гравитационного ускорения. – Физика элементарных частиц изучает атомы, если не ошибаюсь...

– Ошибаетесь, – сокрушенно покачал головой Колер и снова закашлялся, а лицо его болезненно сморщилось. – По сравнению с тем, чем мы занимаемся, атомы выглядят настоящими планетами. Нас интересует ядро атома, которое в десять тысяч раз меньше его самого. Сотрудники ЦЕРНа собрались здесь, чтобы найти ответы на извечные вопросы, которыми задается человечество с самых первых своих дней. Откуда мы появились? Из чего созданы?

– И ответы на них вы ищете в научных лабораториях?

– Вы, кажется, удивлены?

– Удивлен. Эти вопросы, по-моему, относятся к духовной, даже религиозной, а не материальной сфере.

– Мистер Лэнгдон, все вопросы когда-то относились к духовной, или, как вы

выражаетесь, религиозной сфере. С самого начала религия призывалась на выручку в тех случаях, когда наука оказывалась неспособной объяснить те или иные явления. Восход и заход солнца некогда приписывали передвижениям Гелиоса и его пылающей колесницы. Землетрясения и приливные волны считали проявлениями гнева Посейдона. Наука доказала, что эти божества были ложными идолами. И скоро докажет, что таковыми являются все боги. Сейчас наука дала ответы почти на все вопросы, которые могут прийти человеку в голову. Осталось, правда, несколько самых сложных... Откуда мы появились? С какой целью? В чем смысл жизни? Что есть вселенная?

– И на такие вопросы ЦЕРН пытается искать ответы? – недоверчиво взглянул на него Лэнгдон.

– Вынужден вас поправить. Мы отвечаем на такие вопросы.

Лэнгдон вновь замолчал в некотором смятении. Над их головами пролетело пластиковое кольцо и, попрыгав по дорожке, замерло прямо перед ними. Колер, будто не заметив этого, продолжал катить дальше.

– S’il vous plaît!^[10] – раздался у них за спиной голос.

Лэнгдон оглянулся. Седовласый старичок в свитере с надписью «ПАРИЖСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» призывно махал руками. Лэнгдон подобрал кольцо и искусно метнул его обратно. Старичок поймал снаряд на палец, крутнул несколько раз и, не глядя, столь же ловко перебросил его через плечо своему партнеру.

– Merci! – крикнул он Лэнгдону.

– Поздравляю, – усмехнулся Колер, когда Лэнгдон вприпрыжку нагнал его. – Вот и поиграли с нобелевским лауреатом Жоржем Шарпаком – знаменитым изобретателем.

Лэнгдон согласно кивнул. Действительно, вот счастье-то привалило.

Через три минуты Лэнгдон и Колер достигли цели. Это было просторное ухоженное жилое здание, уютно расположенное в осиновой роще. По сравнению с общежитиями выглядело оно просто роскошно. На установленной перед фасадом каменной плите было высечено весьма прозаическое название – «Корпус Си».

Какой полет фантазии, издевательски ухмыльнулся про себя Лэнгдон.

Тем не менее архитектурное решение корпуса «Си» полностью соответствовало утонченному вкусу Лэнгдона – оно несло на себе печать консервативности, солидной прочности и надежности. Фасад из красного кирпича, нарядная балюстрада, состоящая из симметрично расположенных изваяний. Направляясь по дорожке ко входу, они прошли через ворота, образованные двумя мраморными колоннами. Одну из них кто-то украсил жирной надписью «ДА ЗДРАВСТВУЮТ ИОНИКИ!».

Граффити в Центре ядерных исследований? Лэнгдон оглядел колонну и не смог сдержать иронического смешка.

– Вижу, даже самые блестящие физики иногда ошибаются, – не без удовольствия констатировал он.

– Что вы имеете в виду? – вскинул голову Колер.

– Автор этой здравицы допустил ошибку. Данная колонна к ионической архитектуре не имеет никакого отношения.^[11] Диаметр ионических колонн одинаков по всей длине. Эта же кверху сужается. Это дорический ордер,^[12] вот что я вам скажу. Впрочем, подобное заблуждение весьма типично, к сожалению.

– Автор не хотел демонстрировать свои познания в архитектуре, мистер Лэнгдон, – с

сожалением посмотрел на него Колер. – Он подразумевал ионы, электрически заряженные частицы, к которым, как видите, он испытывает самые нежные чувства. Ионы обнаруживаются в подавляющем большинстве предметов.

Лэнгдон еще раз обвел взглядом колонну, и с его губ непроизвольно сорвался тягостный стон.

Все еще досадуя на себя за глупый промах, Лэнгдон вышел из лифта на верхнем этаже корпуса «Си» и двинулся вслед за Колером по тщательно прибранному коридору. К его удивлению, интерьер был выдержан в традиционном французском колониальном стиле: диван красного дерева, фарфоровая напольная ваза, стены обшиты украшенными искусной резьбой деревянными панелями.

– Мы стараемся сделать пребывание наших ученых в центре максимально комфортабельным, – заметил Колер.

Оно и видно, подумал Лэнгдон.

– Так, значит, тот человек с фотографии как раз здесь и жил? Один из ваших высокопоставленных сотрудников?

– Совершенно верно, – ответил Колер. – Сегодня утром он не явился ко мне на совещание, на вызовы по пейджеру не отвечал. Я отправился к нему сам и обнаружил его мертвым в гостиной.

Лэнгдон поежился от внезапно охватившего его озноба, только в эту минуту осознав, что сейчас увидит покойника. Он не отличался крепким желудком, каковую слабость открыл в себе еще студентом на лекциях по искусствоведению. Это обнаружилось, когда профессор рассказал им, что Леонардо да Винчи достиг совершенства в изображении человеческого тела, выкапывая трупы из могил и препарируя их мускулы.

Колер покати́л в дальний конец коридора. Там оказалась единственная дверь.

– Пентхаус, как говорят у вас в Америке. – Он промокнул платком покрытый капельками пота лоб.

Табличка на дубовой створке гласила: «Леонардо Ветра».

– Леонардо Ветра, – прочитал вслух Колер. – На следующей неделе ему бы исполнилось пятьдесят восемь. Один из талантливейших ученых нашего времени. Его смерть стала тяжелой утратой для науки.

На какое-то мгновение Лэнгдону почудилось, что на жесткое лицо Колера легла тень присущих нормальным людям эмоций, однако она исчезла столь же молниеносно, как и появилась. Колер достал из кармана внушительную связку ключей и принялся перебирать их в поисках нужного.

В голову Лэнгдону пришла неожиданная мысль. Здание казалось абсолютно безлюдным. Это обстоятельство представлялось тем более странным, что через какую-то секунду они окажутся на месте убийства.

– А где же все? – спросил он.

– В лабораториях, конечно, – объяснил Колер.

– Да нет, а полиция где? Они что, уже здесь закончили?

– Полиция? – Протянутая к замочной скважине рука Колера с зажатым в ней ключом повисла в воздухе, их взгляды встретились.

– Да, полиция. Вы сообщили мне по факсу, что у вас произошло убийство. Вы, безусловно, обязаны были вызвать полицию!

– Отнюдь.

– Что?

– Мы оказались в крайне сложной и запутанной ситуации, мистер Лэнгдон. – Взгляд безжизненных серых глаз Колера ожесточился.

– Но... ведь наверняка об этом уже еще кто-нибудь знает! – Лэнгдона охватила безотчетная тревога.

– Да, вы правы. Приемная дочь Леонардо. Она тоже физик, работает у нас в центре. В одной лаборатории с отцом. Они, если можно так сказать, компаньоны. Всю эту неделю мисс Ветра отсутствовала по своим служебным делам. Я уведомил ее о гибели отца, и в данный момент, думаю, она спешит в Женеву.

– Но ведь совершенно убий...

– Формальное расследование, несомненно, будет проведено, – резко перебил его Колер. – Однако в ходе его придется проводить обыск в лаборатории мистера Ветра, а они с дочерью посторонних туда не допускали. Поэтому с расследованием придется подождать до возвращения мисс Ветра. Я убежден, что она заслуживает хотя бы такого ничтожного проявления уважения к их привычкам.

Колер повернул ключ в замке.

Дверь распахнулась, лицо Лэнгдона обжег поток ледяного воздуха, стремительно рванувшегося из нее в коридор. Он испуганно отпрянул. За порогом его ждал чужой неведомый мир. Комната была окутана густым белым туманом. Его тугие завитки носились среди мебели, застилая гостиную плотной тусклой пеленой.

– Что... это? – запинаясь спросил Лэнгдон.

– Фреон, – ответил Колер. – Я включил систему охлаждения, чтобы сохранить тело.

Лэнгдон машинально поднял воротник пиджака. «Я попал в страну Оз, – вновь подумал он. – И как назло забыл свои волшебные шлепанцы».

Лежащий перед Лэнгдоном на полу труп являл собой отталкивающее зрелище. Покойный Леонардо Ветра, совершенно обнаженный, распростерся на спине, а его кожа приобрела синевато-серый оттенок. Шейные позвонки в месте перелома торчали наружу, а голова была свернута затылком вперед. Прижатого к полу лица не было видно. Убитый лежал в замерзшей луже собственной мочи, жесткие завитки волос вокруг съежившихся гениталий были покрыты инеем.

Изо всех сил борясь с приступом тошноты, Лэнгдон перевел взгляд на грудь мертвеца. И хотя он уже десятки раз рассматривал симметричную рану на присланной ему по факсу фотографии, в действительности ожог производил куда более сильное впечатление. Вспухшая, прожженная чуть ли не до костей кожа безукоризненно точно воспроизводила причудливые очертания букв, складывающихся в страшный символ.

Лэнгдон не мог разобраться, колотит ли его крупная дрожь от стоящей в гостиной лютой стужи или от осознания всей важности того, что он видит собственными глазами.

С бешено бьющимся сердцем Лэнгдон обошел вокруг трупа, чтобы убедиться в симметричности клейма. Сейчас, когда он видел его так близко и отчетливо, сам этот факт казался еще более непостижимым... невероятным.

– Мистер Лэнгдон, – окликнул его Колер.

Лэнгдон его не слышал. Он пребывал в другом мире... в своем собственном мире, в своей стихии, в мире, где сталкивались история, мифы и факты. Все его чувства обострились, и мысль заработала.

– Мистер Лэнгдон! – не унимался Колер.

Лэнгдон не отрывал глаз от клейма – его мышцы напряглись, а нервы натянулись, как перед ответственным стартом.

– Что вы уже успели узнать? – отрывисто спросил он у Колера.

– Лишь то, что смог прочитать на вашем сайте. «Иллюмината» значит «Просвещенные». Какое-то древнее братство.

– Раньше это название вам встречалось?

– Никогда. До той минуты, пока не увидел клеймо на груди мистера Ветра.

– Тогда вы занялись поисками в Паутине?

– Да.

– И обнаружили сотни упоминаний.

– Тысячи, – поправил его Колер. – Ваши материалы содержат ссылки на Гарвард, Оксфорд, на серьезных издателей, а также список публикаций по этой теме. Видите ли, как ученый я пришел к убеждению, что ценность информации определяется ее источником. А ваша репутация показалась мне достойной доверия.

Лэнгдон все еще не мог оторвать глаз от изуродованного трупа.

Колер смолк. Он просто смотрел на Лэнгдона в ожидании, когда тот прольет свет на возникшую перед ними загадку.

Лэнгдон вскинул голову и спросил, оглядывая заиндедевшую гостиную:

– А не могли бы мы перейти в более теплое помещение?

– А чем вам тут плохо? – возразил Колер, который, похоже, лютого холода даже не замечал. – Останемся здесь.

Лэнгдон поморщился. История братства «Иллюмината» была не из простых. «Я околел до смерти, не рассказав и половины», – подумал ученый. Он вновь посмотрел на клеймо и опять испытал прилив почти благоговейного трепета... и страха.

Хотя в современной науке о символах имеется множество упоминаний об эмблеме «Иллюмината», ни один ученый еще никогда не видел ее собственными глазами. В старинных документах этот символ называют амбиграммой – от латинского *ambi*, что означает «кругом», «вокруг», «оба». Подразумевается, что амбиграммы читаются одинаково, даже если их повернуть вверх ногами. Симметричные знаки достаточно широко распространены в символике – свастика,^[13] инь и ян,^[14] иудейская звезда,^[15] первые кресты у христиан. Тем не менее идея превратить в амбигramму слово представлялась невыносимой. Современные ученые потратили многие годы, пытаясь придать слову «иллюмината» абсолютно симметричное написание, однако все их усилия оказались тщетными. В итоге большинство исследователей пришли к выводу, что символ этот представляет собой очередной миф.

– Так кто же они такие, эти ваши иллюминаты? – требовательно спросил Колер.

«А действительно, кто?» – задумался Лэнгдон. И приступил к повествованию.

– С незапамятных времен наука и религия враждовали друг с другом, – начал Лэнгдон. – Подлинных ученых, не скрывавших своих воззрений, таких как Коперник...

– Убивали, – перебил его Колер. – За обнародование научных открытий их убивала церковь. Религия всегда преследовала и притесняла науку.

– Совершенно верно. Однако примерно в 1500-е годы группа жителей Рима восстала против церкви. Некоторые из самых просвещенных людей Италии – физики, математики, астрономы – стали собираться на тайные встречи, чтобы поделиться друг с другом беспокойством по поводу ошибочных, как они считали, учений церкви. Они опасались, что монополия церкви на «истину» подорвет благородное дело научного просвещения по всему миру. Эти ученые мужи образовали первый на земле банк научной мысли и назвали себя «Просвещенные».

– Иллюминаты!

– Да, – подтвердил Лэнгдон. – Самые пытливые и великие умы Европы... искренне преданные поиску научных истин.

Колер погрузился в задумчивое молчание.

– Католическая церковь, конечно, подвергла орден «Иллюмината» беспощадным гонениям. И лишь соблюдение строжайшей секретности могло обеспечить ученым безопасность. Тем не менее слухи об иллюминатах распространялись в академических кругах, и в братство стали вступать лучшие ученые со всех концов Европы. Они регулярно встречались в Риме в тайном убежище, которое называлось «Храм Света».

Колер шевельнулся в кресле и зашелся в новом приступе кашля.

– Многие иллюминаты предлагали бороться с тиранией церкви насильственными методами, однако наиболее уважаемый и авторитетный из них выступал против такой тактики. Он был пацифистом и одним из самых знаменитых ученых в истории человечества.

Лэнгдон был уверен, что Колер догадается, о ком идет речь. Даже далекие от науки люди прекрасно знают, какая печальная участь постигла астронома, который дерзнул объявить, что центром Солнечной системы является вовсе не Земля, а Солнце. Инквизиторы схватили его и едва не подвергли казни... Несмотря на то что его доказательства были неопровержимы, церковь самым жестоким образом наказала астронома, посмеявшегося утверждать, что Бог поместил человечество далеко от центра Своей вселенной.

– Этого астронома звали Галилео Галилей.

– Неужели и Галилей... – вскинул брови Колер.

– Да, Галилей был иллюминатом. И одновременно истовым католиком. Он пытался смягчить отношение церкви к науке, заявляя, что последняя не только не подрывает, а даже, напротив, укрепляет веру в существование Бога. Он как-то писал, что, наблюдая в телескоп движение планет, слышит в музыке сфер голос Бога. Галилей настаивал на том, что наука и религия отнюдь не враги, но союзники, говорящие на двух разных языках об одном и том же – о симметрии и равновесии... аде и рае, ночи и дне, жаре и холоде, Боге и сатане. Наука и религия также есть часть мудро поддерживаемой Богом симметрии... никогда не прекращающегося состязания между светом и тьмой... – Лэнгдон запнулся и принялся энергично приплясывать на месте, чтобы хоть как-то согреть ооченевшие ноги.

Колер безучастно наблюдал за его упражнениями, ожидая продолжения.

– К несчастью, – возобновил свой рассказ Лэнгдон, – церковь вовсе не стремилась к объединению с наукой...

– Еще бы! – вновь перебил его Колер. – Подобный союз свел бы на нет притязания церкви на то, что только она способна помочь человеку понять Божьи заповеди. Церковники устроили над Галилеем судилище, признали его виновным в ереси и приговорили к пожизненному домашнему аресту. Я неплохо знаю историю науки, мистер Лэнгдон. Однако все эти события происходили многие столетия назад. Какое отношение могут они иметь к Леонардо Ветра?

Вопрос на миллион долларов. Лэнгдон решил перейти ближе к делу:

– Арест Галилея всколыхнул сообщество «Иллюмината». Братство допустило ряд ошибок, и церкви удалось установить личности четырех его членов. Их схватили и подвергли допросу. Однако ученые своим мучителям ничего не открыли... даже под пытками.

– Их пытали?

– Каленым железом. Заживо. Выжгли на груди клеймо. Крест. Зрачки Колера расширились, и он непроизвольно перевел взгляд на безжизненное тело коллеги.

– Ученых казнили с изощренной жестокостью, а их трупы бросили на улицах Рима как предупреждение всем, кто захочет присоединиться к ордену. Церковь подбиралась к братству «Иллюмината» все ближе, и его члены были вынуждены бежать из Италии. – Лэнгдон сделал паузу, чтобы подчеркнуть важность этих слов. – Они ушли в глубокое подполье. Там неизбежно происходило их смешение с другими изгоями, спасавшимися от католических чисток, – мистиками, алхимиками, оккультистами, мусульманами, евреями. С течением времени ряды иллюминатов начали пополняться новыми членами. Стали появляться «просвещенные», лелеющие куда более темные замыслы и цели. Это были яростные противники христианства. Постепенно они набрали огромную силу, выработали тайные

обряды и поклялись когда-нибудь отомстить католической церкви. Их могущество достигло такой степени, что церковники стали считать их единственной в мире по-настоящему опасной антихристианской силой. Ватикан назвал братство «Шайтаном».

– «Шайтаном»?

– Это из исламской мифологии. Означает «злой дух» или «враг»... враг Бога. Церковь выбрала ислам по той причине, что считала язык его последователей грязным. От арабского «шайтан» произошло и наше английское слово... сатана.

Теперь лицо Колера выражало нескрываемую тревогу.

– Мистер Колер, – мрачно обратился к нему Лэнгдон, – я не знаю, как это клеймо появилось на груди вашего сотрудника... и почему... но перед вашими глазами давно утраченная эмблема старейшего и самого могущественного в мире общества поклонников сатаны.

Переулок был узким и безлюдным. Ассасин шел быстрым размашистым шагом, его темные глаза горели предвкушением. Приближаясь к своей цели, он вспомнил прощальные слова Януса: «Скоро начнется второй этап. Тебе нужно немного отдохнуть».

Ассасин презрительно фыркнул. Он не спал всю ночь, однако об отдыхе не помышлял. Сон – для слабых телом и духом. Он же, как и его предки, воин, а воины с началом сражения глаз не смыкают. Его битва началась, ему была предоставлена высокая честь пролить первую кровь. И сейчас у него есть два часа, чтобы, перед тем как вернуться к работе, отпраздновать свою победу.

Спать? Есть куда лучшие способы отдохнуть...

Страсть к земным утехам он унаследовал от своих предков. Они, правда, увлекались гашишем, однако он предпочитает другие пути к наслаждению. Он гордился своим телом, безукоризненно отлаженным, не дающим сбоя смертоносным механизмом. И вопреки обычаям и традициям своих прародителей отказывался травить его наркотиками. Он нашел гораздо более эффективное средство, нежели дурман...

Чувствуя, как в нем растет знакомое предвкушение, он заторопился к неприметной двери в конце переулка. Позвонил. Сквозь приоткрывшуюся в створке щель его пыгливо оглядели два карих глаза. Потом дверь гостеприимно распахнулась.

– Добро пожаловать, – с радушной улыбкой приветствовала его со вкусом одетая дама.

Она провела его в изысканно обставленную гостиную, неярко освещенную слабо горящими светильниками. Воздух здесь был пропитан ароматом драгоценных духов и пряным запахом мускуса.

– Позовите меня, как только сделаете свой выбор. – Дама протянула ему альбом с фотографиями и удалилась.

Ассасин расплылся в довольной улыбке.

Удобно устроившись на обтянутом плюшем мягком диване, он уложил альбом на колени и ощутил, как его охватывает похотливое нетерпение. Хотя его соплеменники не праздновали Рождество, он подумал, что подобные чувства должен испытывать христианский мальчик, собирающийся заглянуть в чулок с рождественскими подарками. Ассасин открыл альбом и принялся рассматривать фотографии. Эти снимки могли пробудить самые немислимые сексуальные фантазии.

Мариза. Итальянская богиня. Вулкан страсти. Вылитая Софи Лорен в молодости.

Сашико. Японская гейша. Гибкая и податливая. Несомненно, весьма опытная и умелая.

Канара. Сногсшибательная чернокожая мечта. С развитой мускулатурой. Сплошная экзотика.

Дважды изучив альбом от корки до корки, он наконец сделал выбор и нажал кнопку звонка, встроенную в журнальный столик. Через минуту появилась встречавшая его дама. Он показал ей фотографию. Дама цепко глянула на него и понимающе улыбнулась:

– Пойдемте.

Покончив с финансовыми расчетами, хозяйка заведения позвонила по телефону и, выждав несколько минут, пригласила его подняться по винтовой лестнице в роскошный холл.

– Золотая дверь в самом конце, – сказала она и добавила: – У вас прекрасный вкус.

«Еще бы, – мысленно согласился он с ней, – я ведь большой знаток».

Ассасин крался к двери, как пантера, предвкушающая вкус крови долгожданной добычи. Подойдя к ней, он расплылся в торжествующей ухмылке: створка уже приоткрыта... его ждут с нетерпением.

Вошел. Увидел свою избранницу и понял, что не ошибся. В точности как он хотел... Обнаженная, она лежит на спине, руки привязаны к спинке кровати толстыми бархатными шнурами.

В два шага он пересек комнату и провел пальцами по атласно-гладкой и нежной впадине ее живота, и его жесткая ладонь показалась особенно смуглой на фоне как будто светящейся изнутри кожи цвета слоновой кости.

«Вчера я убил врага, – подумал он, – и ты мой трофей».

– Что вы сказали? – Колер приложил к губам платок, борясь с приступом кашля. – Это эмблема сатанистского культа?

Лэнгдон забежал по гостинной, чтобы согреться.

– Иллюминаты были сатанистами. Правда, не в нынешнем смысле этого слова.

Лэнгдон кратко пояснил, что, хотя большинство обывателей считают последователей сатанистских культов злодеями, сатанисты исторически были весьма образованными людьми, выступающими против церкви. «Шайтанами». Байки о приношениях в жертву животных и пентаграммах, о черной магии и кошмарных ритуалах сатанистов есть не что иное, как ложь, старательно распространяемая церковниками, чтобы очернить своих врагов. С течением времени противники церкви, соперничавшие с братством и стремившиеся не просто подражать ему, но превзойти и вытеснить его, начали верить в эти выдумки и воспроизводить их на практике. Так родился современный сатанизм.

– Все это быльем поросло! – неожиданно резко воскликнул Колер. – Мне нужно выяснить, как этот символ появился здесь и сейчас!

Лэнгдон, успокаивая себя, сделал глубокий вдох.

– Сам этот символ был создан неизвестным художником из числа иллюминатов в шестнадцатом веке. Как дань приверженности Галилея симметрии. Он стал своего рода священной эмблемой братства. Оно хранило его в тайне, намереваясь, как утверждают, открыть людским взорам лишь после того, как обретет достаточную силу и власть для достижения своей конечной цели.

– Следовательно, наш случай означает, что братство выходит из подполья?

Лэнгдон задумался.

– Это невозможно, – ответил он наконец. – В истории братства «Иллюмината» есть глава, о которой я еще не упомянул.

– Ну так просветите меня! – повысив голос, потребовал Колер.

Лэнгдон неторопливо потер руки, мысленно перебирая сотни документов и статей, которые он прочитал или написал сам.

– Видите ли, иллюминаты боролись за выживание, – объяснил он. – После бегства из Рима они прошли всю Европу в поисках безопасного места для восстановления своих рядов. Их приютило другое тайное общество... братство состоятельных баварских каменщиков, которые называли себя масонами.

– Масонами, говорите? – вздрогнул Колер. – Не хотите ли вы сказать, что масоны принадлежат к сатанистам?

Лэнгдон совсем не удивился тому, что Колер слышал об этой организации. На сегодняшний день масонское общество насчитывает свыше пяти миллионов членов по всему миру, половина из них проживают в Соединенных Штатах, а более миллиона обосновались в Европе.

– Конечно, нет. Масоны пали жертвой собственной благожелательности и добросердечия. Предоставляя убежище беглым ученым в восемнадцатом веке, они, сами того не подозревая, стали ширмой для братства «Иллюмината». Члены последнего набирались сил, постепенно прибирая крукам власть в масонских ложах. Они негласно восстановили свое братство – так появилось тайное общество внутри тайного общества. А затем

иллюминаты стали использовать хорошо налаженные и весьма широкие связи масонов для распространения своего влияния по всему миру. – Лэнгдон перевел дух, набрав полные легкие ледяного тумана. – Основной идеей братства «Иллюмината» была ликвидация католицизма. Братство утверждало, что церковь с навязываемыми ею суевериями и предрассудками является злейшим врагом человечества. Иллюминаты опасались, что если религии позволить и дальше распространять ложные мифы в качестве непреложных фактов, то научный прогресс прекратится и человечество, став заложником невежества, будет обречено на бессмысленные и кровавые священные войны.

– Что мы и имеем сегодня, – ворчливо вставил Колер.

Он прав, подумал Лэнгдон. Священные войны все еще не сходят с первых страниц газет. Мой Бог лучше твоего. И сдастся, ряды таких правоверных все ширятся, что ведет к колоссальным человеческим жертвам.

– Продолжайте, – попросил Колер.

Лэнгдон помолчал, собираясь с мыслями.

– Братство «Иллюмината», окрепнув в Европе, обратило свои взоры на Америку, где многие лидеры были масонами – Джордж Вашингтон, например, или Бенджамин Франклин... Честные и богобоязненные люди, они даже не подозревали, что братство держит масонов за горло мертвой хваткой. Иллюминаты же проникали повсюду и участвовали в учреждении банков, основании университетов, развитии промышленности, чтобы добывать средства на финансирование своего последнего похода... – Лэнгдон вновь сделал паузу. – А его целью было образование единого мирового порядка – создание своего рода светского всемирного государства.

Колер замер в своем кресле, внимая каждому слову Лэнгдона.

– Да, в их планы входило установить новый мировой порядок, основанный на научном просвещении, – повторил тот. – Сами они называли эту концепцию «доктриной Люцифера». Церковники ухватились за этот факт и обвинили иллюминатов в связях с сатаной, однако братство настаивало на том, что имеет в виду Люцифера в его подлинной ипостаси светоча. [16] Или «Иллюминатора».

– Присядьте, пожалуйста, мистер Лэнгдон, – внезапно предложил Колер.

Лэнгдон не без страха примостился на краешке заиндевшего кресла.

Колер подкатил кресло-коляску чуть ли не вплотную к его коленям.

– Не уверен, что понял все из того, что вы мне только что рассказали. Но одно у меня не вызывает сомнений: Леонардо Ветра был одним из наших ценнейших сотрудников. И моим другом. Я прошу вас помочь мне найти братство «Иллюмината».

Лэнгдон растерялся. А он, оказывается, шутник!

– Найти братство «Иллюмината»? – переспросил он. – Боюсь, сэр, это совершенно невозможно.

– Это почему же? Вы что...

– Мистер Колер! – остановил его Лэнгдон, не зная, как заставить этого человека понять то, что он собирался сказать. – Я еще не закончил. Абсолютно невероятно, чтобы этот знак был оставлен здесь одним из иллюминатов. За последние полвека не появлялось никаких свидетельств их существования, и большинство исследователей сходятся во мнении, что орден давным-давно почил в бозе.

Воцарилось тягостное молчание. Колер, словно в оцепенении, отрешенно смотрел прямо перед собой в белесый туман.

– Какого черта вы мне рассказываете, что братство исчезло, когда их эмблема выжжена на груди лежащего перед вами человека! – вдруг очнувшись, вспыхнул он.

Лэнгдон и сам ломал голову над этой загадкой все утро. Появление амбиграммы сообщества «Иллюмината» было фактом поразительным и необъяснимым. Исследователи символов по всему миру будут ошеломлены и озадачены. И все же ученый в Лэнгдоне был твердо уверен, что это событие никоим образом не может служить доказательством возрождения братства.

– Символы не есть подтверждение жизнедеятельности их первоначальных авторов, – с непреклонной уверенностью произнес он.

– Что вы хотите этим сказать?

– Только то, что, когда высокоорганизованные идеологические системы, такие как братство «Иллюмината», прекращают существование, их символы... продолжают использовать другие группировки. Такое встречается сплошь и рядом. Нацисты заимствовали свастику у индусов, крест христианам достался от египтян...

– Когда сегодня утром я ввел в компьютер слово «Иллюмината», – бесцеремонно оборвал тираду ученого Колер, – он выдал мне тысячи ссылок, относящихся к нашему времени. Совершенно очевидно, что множество людей считают братство активно действующим и по сей день.

– Пропагандистский вздор! – резко возразил Лэнгдон.

Его всегда раздражали всевозможные теории заговоров, в изобилии распространяемые современной массовой культурой. Средства массовой информации наперегонки пророчат близкий конец света, самозванные «эксперты» наживаются на искусственно раздуваемой шумихе вокруг наступления 2000 года, выступая с измышлениями о том, что братство «Иллюмината» не только здравствует и процветает, но исподволь ведет работу по установлению нового мирового порядка. Не так давно газета «Нью-Йорк таймс» сообщила о зловещих масонских связях огромного числа известнейших личностей – сэра Артура Конан Дойла, герцога Кента, Питера Селлерса,^[17] Ирвинга Берлина,^[18] принца Филиппа,^[19] Луи Армстронга, а также целого сонма нынешних промышленных и финансовых магнатов.

– А это вам не доказательство? – Колер возмущенным жестом указал на труп Ветра. – Тоже пропагандистский вздор, скажете?

– Я осознаю, как это может восприниматься на первый взгляд, – призывая на помощь все свои дипломатические способности, осторожно ответил Лэнгдон. – Однако на деле мне представляется куда более правдоподобным то объяснение, что какая-то иная организация завладела эмблемой иллюминатов и использует ее в своих собственных целях.

– В каких там еще целях! Чего они добились этим убийством?

Еще один хороший вопрос, хмыкнул про себя Лэнгдон. Он, сколько ни напрягал свое недюжинное воображение, не мог себе представить, где после четырехсот лет небытия могла отыскаться амбиграмма «Иллюмината».

– Скажу только одно, – решительно тряхнул головой Лэнгдон. – Даже если допустить факт возрождения «Иллюмината», каковую возможность я отвергаю напрочь, братство все равно не могло быть причастно к смерти Леонардо Ветра.

– Неужели?

– Никоим образом. Иллюминаты могли ставить своей целью искоренение христианства, однако для ее достижения они бы использовали свои политические и финансовые ресурсы и никогда не стали бы прибегать к террористическим актам. Более того, у братства

существовал строгий моральный кодекс, четко обозначавший круг их врагов. К ученым они относились с необыкновенным пиететом. Убийство коллеги, в данном случае Леонардо Ветра, для них было бы просто невыносимо.

– Возможно, вы так уверены потому, что не знаете одного важного обстоятельства, – поднял на него холодный взгляд Колер. – Леонардо Ветра был отнюдь не обычным ученым.

– Мистер Колер, – досадливо поморщился Лэнгдон, – у меня нет сомнений в том, что Леонардо Ветра был разносторонне талантливым человеком, но факт остается фактом...

Колер вдруг развернул свое кресло-коляску и помчался прочь из гостиной, оставляя за собой взвихрившиеся клубы студеного тумана.

«Господи, да что же он вытворяет?» – мысленно простонал Лэнгдон.

Он последовал за сумасбродным директором и увидел, что Колер поджидает его у небольшой ниши в дальнем конце коридора.

– Это кабинет Леонардо... – Колер указал на дверь. – Думаю, после его осмотра вы несколько измените свое мнение.

Он неловко изогнулся в кресле и, покряхтывая, принялся возиться с дверной ручкой. Наконец створка плавно скользнула в сторону.

Лэнгдон с любопытством заглянул в кабинет, и в ту же секунду по коже у него побежали мурашки.

«Боже, спаси и помилуй!..» – сами собой беззвучно прошептали его губы.

Совсем в другой стране молодой охранник сидел перед множеством видеомониторов. Он внимательно наблюдал за непрерывной чередой сменяющих друг друга изображений, передаваемых в реальном времени сотнями беспроводных видеокамер, установленных по всему гигантскому комплексу.

Нарядный вестибюль.

Кабинет.

Кухня огромных размеров.

Картинки следовали одна за другой, охранник изо всех сил боролся с одолевавшей его дремотой. Смена подходила к концу, однако бдительности он не терял. Служба его почетна, и в свое время он будет за нее достойно вознагражден.

Внезапно на одном из мониторов появился сигнал тревоги. Охранник инстинктивно нажал кнопку на панели управления, Изображение застыло. Он припал к экрану, всматриваясь в незнакомую картинку. Титры внизу экрана сообщали, что она передается камерой номер 86, ведущей наблюдение за вестибюлем.

Однако на мониторе он видел отнюдь не вестибюль.

Лэнгдон, словно замороженный, в смятении разглядывал обстановку кабинета.

– Что это? – не в силах сдержаться, воскликнул он.

Даже не обрадовавшись уютному теплу, ласково повеявшему из открытой двери, он не без страха перешагнул порог.

Колер оставил его вопрос без ответа.

Лэнгдон же, не зная, что и подумать, переводил изумленный взгляд с одного предмета на другой. В кабинете была собрана самая странная коллекция вещей, какую он мог себе представить. На дальней стене висело огромных размеров деревянное распятие. Испания, четырнадцатый век, тут же определил Лэнгдон. Над распятием к потолку была подвешена металлическая модель вращающихся на своих орбитах планет. Слева находились написанная маслом Дева Мария и закатанная в пластик Периодическая таблица химических элементов. Справа, между двумя бронзовыми распятиями, был помещен плакат со знаменитым высказыванием Альберта Эйнштейна: «БОГ НЕ ИГРАЕТ В КОСТИ СО ВСЕЛЕННОЙ». На рабочем столе Ветра он заметил Библию в кожаном переплете, созданную Бором^[20] пластиковую модель атома и миниатюрную копию статуи Моисея работы Микеланджело.

Ну и мешанина! Классический образчик эклектики, мелькнуло в голове у Лэнгдона. Несмотря на то что в тепле кабинета он должен был вроде бы согреться, его била неудержимая дрожь. Ученый чувствовал себя так, будто стал очевидцем битвы двух титанов философии... сокрушительного столкновения противостоящих сил. Лэнгдон обежал взглядом названия стоящих на полках томов.

«Частица Бога».

«Дао^[21] физики».

«Бог: только факты».

На корешок одного из фолиантов была наклеена полоска бумаги с рукописной цитатой: «Подлинная наука обнаруживает Бога за каждой открытой ею дверью», – папа Пий XII.

– Леонардо был католическим священником, – где-то за спиной Лэнгдона глухо произнес Колер.

– Священником? – удивленно обернулся к нему Лэнгдон. – Мне казалось, будто вы говорили, что он физик.

– Он был и тем, и другим. История знает такие примеры, когда люди умели совместить в своем сознании науку и религию. Одним из них был Леонардо. Он считал физику «Божьим законом всего сущего». Утверждал, что повсюду в устройстве окружающей нас природы видна рука Бога. И через науку надеялся доказать всем сомневающимся существование Бога. Он называл себя теофизиком.^[22]

– Теофизиком? – не веря своим ушам, переспросил Лэнгдон. Для него подобное словосочетание казалось парадоксальным.

– Физика элементарных частиц в последнее время сделала ряд шокирующих, не укладывающихся в голове открытий... Открытий по своей сути спиритуалистических, или, если вам угодно, духовных. Многие из них принадлежали Леонардо.

Лэнгдон недоверчиво посмотрел на директора центра.

– Духовность и физика?

Лэнгдон посвятил свою карьеру изучению истории религии, и если в этой сфере и

существовала неопровержимая аксиома, так это та, что наука и религия – это вода и пламя... заклятые и непримиримые враги.

– Ветра работал в пограничной области физики элементарных частиц, – объяснил Колер. – Это он начал соединять науку и религию... демонстрируя, что они дополняют друг друга самым неожиданным образом. Область своих исследований он назвал «новой физикой».

Колер достал с полки книгу и протянул ее Лэнгдону. Тот прочитал на обложке: «Леонардо Ветра. Бог, чудеса и новая физика».

– Эта весьма узкая область, – добавил Колер. – Однако она находит новые ответы на старые вопросы – о происхождении Вселенной, о силах, которые соединяют и связывают всех нас. Леонардо верил, что его исследования способны обратить миллионы людей к более духовной жизни. В прошлом году он привел неопровержимые доказательства существования некой энергии, которая объединяет всех нас. Он продемонстрировал, что в физическом смысле все мы взаимосвязаны... что молекулы вашего тела переплетены с молекулами моего... что внутри каждого из нас действует одна и та же сила.

Лэнгдон был абсолютно обескуражен. «И власть Бога нас всех объединит».

– Неужели мистер Ветра и вправду нашел способ продемонстрировать взаимосвязь частиц? – изумился он.

– Самым наглядным и неопровержимым образом. Недавно журнал «Сайентифик америкэн» поместил восторженную статью, в которой подчеркивается, что «новая физика» есть куда более верный и прямой путь к Богу, нежели сама религия.

Лэнгдона наконец осенило. Он вспомнил об антирелигиозной направленности братства «Иллюмината» и заставил себя на миг подумать о немислимом. Если допустить, что братство существует и действует, то оно, возможно, приговорило Леонардо к смерти, чтобы предотвратить массовое распространение его религиозных воззрений. Абсурд, вздор полнейший! «Иллюмината» давным-давно кануло в прошлое! Это известно каждому ученому!

– В научных кругах у Ветра было множество врагов, – продолжал Колер. – Даже в нашем центре. Его ненавидели ревнители чистоты науки. Они утверждали, что использование аналитической физики для утверждения религиозных принципов есть вероломное предательство науки.

– Но разве ученые сегодня не смягчили свое отношение к церкви?

– С чего бы это? – с презрительным высокомерием хмыкнул Колер. – Церковь, может быть, и не сжигает больше ученых на кострах, однако если вы думаете, что она перестала душить науку, то задайте себе вопрос: почему в половине школ в вашей стране запрещено преподавать теорию эволюции? Спросите себя, почему Американский совет христианских церквей выступает самым ярким противником научного прогресса... Ожесточенная битва между наукой и религией продолжается, мистер Лэнгдон. Она всего лишь перенеслась с полей сражений в залы заседаний, но отнюдь не прекратилась.

Колер прав, признался сам себе Лэнгдон. Только на прошлой неделе в Гарварде студенты факультета богословия провели демонстрацию у здания биологического факультета, протестуя против включения в учебную программу курса геной инженерии. В защиту своего учебного плана декан биофака, известнейший орнитолог Ричард Аарониэн, вывесил из окна собственного кабинета огромный плакат с изображением христианского символа – рыбы, но с пририсованными четырьмя лапками в качестве свидетельства

эволюции выходящей на сушу африканской дышащей рыбы. Под ней вместо слова «Иисус» красовалась крупная подпись «ДАРВИН!».

Внезапно раздались резкие гудки, Лэнгдон вздрогнул. Колер достал пейджер и взглянул на дисплей.

– Отлично! Дочь Леонардо с минуты на минуту прибудет на вертолетную площадку. Там мы ее и встретим. Ей, по-моему, совсем ни к чему видеть эту кошмарную картину.

Лэнгдон не мог с ним не согласиться. Подвергать детей столь жестокому удару, конечно, нельзя.

– Я собираюсь просить мисс Ветра рассказать нам о проекте, над которым они работали вместе с отцом... Возможно, это прольет некоторый свет на мотивы его убийства.

– Вы полагаете, что причиной гибели стала его работа?

– Вполне вероятно. Леонардо говорил мне, что стоит на пороге грандиозного научного прорыва, но ни слова больше. Подробности проекта он держал в строжайшей тайне. У него была собственная лаборатория, и он потребовал обеспечить ему там полнейшее уединение, что я, с учетом его таланта и важности проводимых исследований, охотно сделал. В последнее время его эксперименты привели к резкому увеличению потребления электроэнергии, однако никаких вопросов по этому поводу я ему предпочел не задавать... – Колер направил кресло-коляску к двери, но вдруг притормозил. – Есть еще одна вещь, о которой я должен вам сообщить прежде, чем мы покинем этот кабинет.

Лэнгдон поежился от неприятного предчувствия.

– Убийца кое-что у Ветра похитил.

– Что именно?

– Пожалуйте за мной. – Колер двинулся в глубь окутанной мгlistой пеленой гостиной.

Лэнгдон, теряясь в догадках, пошел следом. Колер остановил кресло в нескольких дюймах от тела Ветра и жестом поманил Лэнгдона. Тот нехотя подошел, чувствуя, как к горлу вновь соленым комом подкатывает приступ тошноты.

– Посмотрите на его лицо.

«И зачем мне смотреть на его лицо? – мысленно возмутился Лэнгдон. – Мы же здесь потому, что у него что-то украли...»

Поколебавшись, Лэнгдон все-таки опустился на колени. Увидеть тем не менее он ничего не смог, поскольку голова жертвы была повернута на 180 градусов.

Колер, кряхтя и задыхаясь, все же как-то ухитрился, оставаясь в кресле, склониться и осторожно повернуть прижатую к ковру голову Ветра. Раздался громкий хруст, показалось искаженное гримасой муки лицо убитого.

– Боже милостивый! – Лэнгдон отпрянул и чуть не упал.

Лицо Ветра было залито кровью. С него на Колера и Лэнгдона невидяще уставился единственный уцелевший глаз. Вторая изуродованная глазница была пуста.

– Они украли его глаз?!

Лэнгдон, немало радуясь тому, что покинул наконец квартиру Ветра, с удовольствием шагнул из корпуса «Си» на свежий воздух. Приветливое солнце помогло хоть как-то сгладить жуткое впечатление от оставшейся в памяти картины: пустая глазница на обезображенном лице, покрытом замерзшими потеками крови.

– Сюда, пожалуйста, – окликнул его Колер, въезжая на довольно крутой подъем, который его электрифицированное кресло-коляска преодолело безо всяких усилий. – Мисс Ветра прибудет с минуты на минуту.

Лэнгдон поспешил вслед за ним.

– Итак, вы все еще сомневаетесь, что это дело рук ордена «Иллюмината»? – спросил его Колер.

Лэнгдон уже и сам не знал, что ему думать. Тяга Ветра к религии, безусловно, его насторожила, однако не настолько, чтобы он смог заставить себя тут же отвергнуть все научно подтвержденные сведения, которые собрал за годы исследований. Еще к тому же и похищенный глаз...

– Я по-прежнему утверждаю, что иллюминаты не причастны к этому убийству, – заявил он более резким тоном, нежели намеревался. – И пропавший глаз тому доказательство.

– Что?

– Подобная бессмысленная жестокость совершенно... не в духе братства, – объяснил Лэнгдон. – Специалисты по культам считают, что нанесение увечий характерно для маргинальных сект – экстремистов-фанатиков и изуверов, которые склонны к стихийным террористическим актам. Что касается иллюминатов, то они всегда отличались продуманностью и подготовленностью своих действий.

– А хирургическое удаление глаза вы к таковым не относите?

– Но какой в этом смысл? Обезображивание жертвы не преследует никакой цели.

Колер остановил кресло на вершине холма и обернулся к Лэнгдону.

– Ошибаетесь, мистер Лэнгдон, похищение глаза Ветра преследует иную, весьма серьезную цель.

С неба до них донесся стрекот вертолета. Через секунду появился и он сам, заложил крутой вираж и завис над отмеченным на траве белой краской посадочным кругом.

Лэнгдон отстраненно наблюдал за этими маневрами, раздумывая, поможет ли крепкий сон привести наутро в порядок его разбегающиеся мысли. Он почему-то в этом сомневался.

Посадив вертолет, пилот спрыгнул на землю и без промедления принялся его разгружать, аккуратно складывая в ряд рюкзаки, непромокаемые пластиковые мешки, баллоны со сжатым воздухом и ящики с высокотехнологичным оборудованием для подводного плавания.

– Это все снаряжение мисс Ветра? – недоуменно выкрикнул Лэнгдон, стараясь перекричать рев двигателей.

Колер кивнул.

– Она проводила биологические исследования у Балеарских островов! – также напрягая голос, ответил он.

– Но вы же говорили, что она физик!

– Так и есть. Точнее, биофизик. Изучает взаимосвязь различных биологических систем. Ее работа тесно соприкасается с исследованиями отца в области физики элементарных частиц. Недавно, наблюдая за косяком тунцов с помощью синхронизированных на уровне атомов камер, она опровергла одну из фундаментальных теорий Эйнштейна.

Лэнгдон впился взглядом в лицо собеседника, пытаясь понять, не стал ли он жертвой розыгрыша. Эйнштейн и тунцы? А может, «X-33» по ошибке забросил его не на ту планету?

Через минуту из кабины выбралась Виттория Ветра. Взглянув на нее, Роберт Лэнгдон понял, что сегодня для него выдался день нескончаемых сюрпризов. Виттория Ветра, в шортах цвета хаки и в белом топике, вопреки его предположениям книжным червем отнюдь не выглядела. Высокого роста, стройная и грациозная, с красивым глубоким загаром и длинными черными волосами. Черты лица безошибочно выдавали в ней итальянку. Девушка не поражала зрителя божественной красотой, но даже с расстояния двадцати ярдов была заметна переполнявшая ее вполне земная плотская чувственность. Потоки воздуха от работающего винта вертолета разметали ее смоляные локоны, легкая одежда облепила тело, подчеркивая тонкую талию и маленькие крепкие груди.

– Мисс Ветра очень сильная личность, – заметил Колер, от которого, похоже, не укрылось то, с какой почти бесцеремонной жадностью разглядывал ее Лэнгдон. – Она по нескольку месяцев подряд работает в крайне опасных экологических условиях. Девушка убежденная вегетарианка и, кроме того, является местным гуру во всем, что касается хатха-йоги.

Хатха-йога – это забавно, мысленно усмехнулся Лэнгдон. Древнее буддийское искусство медитации для расслабления мышц – более чем странная специализация для физика и дочери католического священника.

Виттория торопливо шла к ним, и Лэнгдон заметил, что она недавно плакала, вот только определить выражение ее темных глаз под соболиными бровями он так и не смог. Походка у нее тем не менее была энергичной и уверенной. Длинные сильные загорелые ноги, да и все тело уроженки Средиземноморья, привыкшей долгие часы проводить на солнце, говорили о крепком здоровье их обладательницы.

– Виттория, – обратился к ней Колер, – примите мои глубочайшие соболезнования. Это страшная потеря для науки... для всех нас.

Виттория вежливо кивнула.

– Уже известно, кто это сделал? – сразу спросила она.

Приятный глубокий голос, отметил про себя Лэнгдон, по-английски говорит с едва уловимым акцентом.

– Пока нет. Работаем.

Она повернулась к Лэнгдону, протягивая ему изящную тонкую руку.

– Виттория Ветра. А вы, наверное, из Интерпола?

Лэнгдон осторожно пожал узкую теплую ладонь, нырнув на миг в бездонную глубину ее наполненных слезами глаз.

– Роберт Лэнгдон, – представился он, не зная, что еще добавить.

– К официальным властям мистер Лэнгдон не имеет никакого отношения, – вмешался Колер. – Он крупный специалист из Соединенных Штатов. Прибыл сюда, чтобы помочь нам найти тех, кто несет ответственность за это преступление.

– Разве это не работа полиции? – нерешительно возразила она.

Колер шумно выдохнул, демонстрируя свое отношение к блюстителям порядка, однако

отвечать не стал.

– Где его тело? – поинтересовалась Виттория.

– Не волнуйтесь, мы обо всем позаботились, – слишком поспешно ответил Колер.

Эта явная ложь удивила Лэнгдона.

– Я хочу его видеть, – решительно заявила она.

– Виттория, прошу вас... Вашего отца убили, убили изуверски. – Колер решительно посмотрел ей в глаза. – Вам лучше запомнить его таким, каким он был при жизни.

Она собиралась что-то сказать, но в этот момент неподалеку от них раздались громкие голоса:

– Виттория, ау, Виттория! С приездом! С возвращением домой!

Она обернулась. Небольшая компания проходящих мимо вертолетной площадки ученых дружно махала ей руками.

– Ну как, опять обидела старика Эйнштейна? – выкрикнул один из них, и все разразились хохотом.

– Отец должен тобой гордиться! – добавил другой.

– Они что, еще ничего не знают? – бросила она на Колера недоумевающий взгляд.

– Я счел крайне важным сохранить это трагическое событие в тайне.

– Вы утаили от сотрудников, что мой отец убит? – Недоумение в ее голосе уступило место гневу.

Лицо Колера окаменело.

– Мисс Ветра, вы, вероятно, забываете, что, как только я сообщу об убийстве вашего отца, начнется официальное расследование. И оно неизбежно повлечет за собой тщательный обыск в его лаборатории. Я всегда старался уважать стремление вашего отца к уединению. О том, чем вы занимаетесь в настоящее время, мне от него известно лишь следующее. Во-первых, то, что ваш проект может в течение следующего десятилетия обеспечить центру лицензионные контракты на миллионы франков. И во-вторых, что к обнародованию он еще не готов, поскольку технология несовершенна и может представлять угрозу для здоровья и жизни человека. С учетом этих двух фактов я бы не хотел, чтобы посторонние шарили у него в лаборатории и либо выкрали ваши работы, либо пострадали в ходе обыска и в связи с этим привлекли ЦЕРН к судебной ответственности. Я достаточно ясно излагаю?

Виттория молча смотрела на него. Лэнгдон почувствовал, что она вынуждена была признать доводы Колера разумными и логичными.

– Прежде чем информировать власти, – заключил Колер, – мне необходимо знать, над чем именно вы работали. Я хочу, чтобы вы провели нас в вашу лабораторию.

– Да при чем тут лаборатория? Никто не знал, чем мы с отцом там занимались, – ответила Виттория. – Убийство никоим образом не может быть связано с нашим экспериментом.

– Некоторые данные свидетельствуют об обратном... – Колер болезненно сморщился и приложил к губам платок.

– Какие еще данные?

Лэнгдону тоже очень хотелось услышать ответ на этот вопрос.

– Вам придется поверить мне на слово! – отрезал Колер.

Виттория обожгла его испепеляющим взглядом, и Лэнгдон понял, что как раз этого она делать и не намерена.

Лэнгдон молча шел за Витторией и Колером к главному зданию, откуда начался его полный неожиданностей визит в Швейцарию. Походка девушки поражала легкостью, плавностью и уверенностью. Виттория двигалась, как бегунья олимпийского класса. Вне всяких сомнений, заключил Лэнгдон, дают о себе знать регулярные занятия йогой. Он слышал ее медленное размеренное дыхание, и у него сложилось впечатление, что, считая про себя вдохи и выдохи, она пытается справиться с обрушившимся на нее горем.

Лэнгдону очень хотелось сказать ей какие-то слова утешения, выразить свое сочувствие. Он тоже пережил момент внезапно возникшей пустоты, когда скоропостижно умер его отец. Больше всего ему запомнились похороны и стоявшая тогда ненастная погода. И это случилось спустя всего лишь два дня после того, как ему исполнилось двенадцать. В доме толпились одетые в серые костюмы сослуживцы отца, слишком крепко пожимавшие в знак соболезнования его детскую ладошку. Все они мямлили какие-то непонятные ему слова вроде «стресс», «инфаркт», «миокард»... Его мать пыталась шутить сквозь слезы, что она всегда могла безошибочно определить состояние дел на бирже, просто пощупав у отца пульс.

Однажды, когда отец еще был жив, Лэнгдон подслушал, как мать умоляла его «хотя бы на миг забыть о делах и позволить себе понюхать розу». И он в тот год подарил отцу на Рождество стеклянную розочку. Это была самая красивая вещица, какую Лэнгдон видел в своей жизни... Когда на нее падал солнечный луч, она расцветала целой радугой красок.

– Какая прелесть! – сказал отец, развернув подарок и целуя сына в лоб. – Надо подыскать ей подходящее место.

После чего он поставил розочку на поросшую пылью полку в самом темном углу гостиной. Через несколько дней Лэнгдон подтащил табуретку, достал с полки стеклянное сокровище и отнес его обратно в лавку, где купил. Отец пропажи так и не заметил.

Негромкий мелодичный звон, возвестивший о прибытии лифта, вернул Лэнгдона из прошлого в настоящее. Виттория и Колер вошли в кабину, Лэнгдон в нерешительности топтался у открытых дверей.

– В чем дело? – спросил Колер, проявляя не столько интерес, сколько нетерпение.

– Нет, ничего, – тряхнул головой Лэнгдон, принуждая себя войти в тесноватую кабину. Лифтами он пользовался лишь в случае крайней необходимости, когда избежать этого было невозможно. Обычно же он предпочитал им куда более просторные лестничные пролеты.

– Лаборатория мистера Ветра находится под землей, – сообщил Колер.

Замечательно, просто чудесно, мелькнуло в голове у Лэнгдона, и он заставил себя шагнуть в лифт, ощутив, как из глубины шахты потянуло ледяным сквозняком. Двери закрылись, и кабина скользнула вниз.

– Шесть этажей, – ни к кому конкретно не обращаясь, произнес Колер.

Перед глазами у Лэнгдона моментально возникла картина непроглядно черной бездны под ногами. Он попытался отогнать видение, обратив все внимание на панель управления лифтом. К его изумлению, на ней было всего две кнопки: «ПЕРВЫЙ ЭТАЖ» и «БАК».

– А что у вас означает «бак»? – осторожно поинтересовался Лэнгдон, помня, как уже не раз попадал впросак со своими предположениями.

– Большой адронный^[23] коллайдер, – небрежно бросил Колер. – Ускоритель частиц на встречных пучках.

Ускоритель частиц? Лэнгдону этот термин был знаком. Впервые он услышал его на званом обеде в Кембридже. Один из его приятелей, физик Боб Браунелл, в тот вечер был вне себя от ярости.

– Эти мерзавцы его провалили! – Физик без всякого стеснения разразился грубой бранью.

– Кого? – чуть ли не в один голос воскликнули все сидевшие за столом.

– Да не кого, а ССК! Закрыли строительство сверхпроводящего суперколлайдера!

– А я и не знал, что в Гарварде такой строят, – удивился кто-то из присутствующих.

– Да при чем тут Гарвард? Речь идет о Соединенных Штатах! – вспыхнул Браунелл. – Там хотели создать самый мощный в мире ускоритель. Один из важнейших научных проектов века! Собирались вложить два миллиарда долларов. А сенат отказал. Черт бы побрал всех этих лоббистов в сутанах!

Когда Браунелл наконец несколько утихомирился, то объяснил, что ускоритель представляет собой подобие гигантской трубы, в которой разгоняют частицы атомов. Она оснащена магнитами, которые, включаясь и выключаясь с не поддающейся воображению быстротой, заставляют частицы двигаться по кругу, пока те не наберут совершенно немыслимую скорость. У полностью разогнанных частиц она достигает 180 000 миль в секунду.

– Но это же почти скорость света! – запротестовал один из профессоров.

– Именно! – ликующе подтвердил Браунелл.

Далее он рассказал, что, разогнав по трубе две частицы в противоположных направлениях и столкнув их затем друг с другом, ученым удастся разбить их на составные элементы и «увидеть» основные, фундаментальные ингредиенты вселенной. Иными словами, в столкновении частиц обнаруживается ключ к пониманию строения мира.

Некто по имени Чарльз Прагг, местная знаменитость, олицетворяющая в Гарварде духовное поэтическое начало, не преминул выразить свое весьма скептическое отношение к этому методу.

– А по-моему, это какой-то неандертальский подход к научным исследованиям, – язвительно заметил он. – Все равно что взять пару карманных часов и колотить их друг о друга, чтобы разобраться, как они устроены.

Браунелл швырнул в него вилок и пулей вылетел из-за стола.

Значит, у центра есть ускоритель частиц? Замкнутая в кольцо труба, где они сталкиваются друг с другом? Но почему же они запрятали ее под землю? Лэнгдон задумался, ожидая, когда лифт доставит их к цели.

Кабина остановилась, и он страшно обрадовался тому, что сейчас вновь почувствует под ногами твердую землю. Двери открылись, и испытываемое им чувство облегчения сменилось унынием. Он вновь очутился в совершенно чуждом и враждебном мире.

В обе стороны, насколько видел глаз, уходил бесконечный коридор. По существу, это был тускло освещенный голыми бетонными стенами тоннель, достаточно просторный, чтобы по нему мог проехать многотонный грузовик. Ярко освещенный там, где они стояли, тоннель по правую и левую руку исчезал в непроницаемой тьме – неуютное напоминание о том, что они находятся глубоко под землей. Лэнгдон почти физически ощущал невыносимую тяжесть нависшей над их головами породы. На мгновение он снова стал девятилетней мальчишкой... тьма неодолимо засасывает его обратно... обратно в жуткий черный мрак, страх перед

которым преследует его до сих пор... Сжав кулаки, Лэнгдон изо всех сил старался взять себя в руки.

Притихшая Виттория вышла из лифта и без колебаний устремилась в темный конец тоннеля, оставив мужчин далеко позади. По мере продвижения над ее головой, неприятно дребезжа и помаргивая, автоматически зажигались лампы дневного света, освещавшие ей дальнейший путь. Лэнгдону стало не по себе, тоннель представлялся ему живым существом... караулившим и предвосхищавшим каждый шаг Виттории. Они следовали за ней, сохраняя дистанцию. Светильники, пропустив людей, гасли за их спинами словно по команде.

– А ваш ускоритель находится где-то здесь, в тоннеле? – вполголоса поинтересовался Лэнгдон.

– Да вот он, у вас перед глазами... – Колер кивнул на стену слева от них, по которой тянулась сверкающая полированным хромом труба.

– Вот это? – в изумлении рассматривая ее, переспросил Лэнгдон.

Ускоритель он представлял себе совсем другим. Эта же труба диаметром около трех футов казалась совершенно прямой и шла по всей видимой длине тоннеля. Больше похоже на дорогостоящую канализацию, подумал Лэнгдон.

– А я-то думал, что ускорители должны иметь форму кольца, – вслух заметил он.

– Правильно думали, – согласился Колер. – Он только кажется прямым. Оптический обман. Длина окружности этого тоннеля столь велика, что глазу изгиб незаметен – ну вроде поверхности земного шара...

И вот это – кольцо?!

– Но тогда... каких же оно тогда размеров? – ошеломленно пролепетал Лэнгдон.

– Наш ускоритель самый большой в мире, – с гордостью пояснил Колер.

Тут Лэнгдон вспомнил, что доставивший его в Женеву пилот упомянул о какой-то спрятанной под землей гигантской машине.

– Его диаметр превышает восемь километров, а длина составляет двадцать семь, – невозмутимо продолжал Колер.

Голова у Лэнгдона шла кругом.

– Двадцать семь километров? – Он недоверчиво посмотрел на директора, потом перевел взгляд на дальний конец тоннеля. – Но это же... это же более шестнадцати миль!

Колер кивнул:

– Да, частично туннель проходит под территорией Франции. Прорыт он в форме правильного, я бы даже сказал, идеального круга. Прежде чем столкнуться друг с другом, полностью ускоренные частицы должны за секунду пронестись по нему десять тысяч раз.

– Хотите сказать, что вы перелопатили миллионы тонн земли только для того, чтобы столкнуть между собой какие-то крошечные частички? – чувствуя, что едва держится на ставших ватными ногах, медленно проговорил Лэнгдон.

Колер пожал плечами:

– Иногда, чтобы докопаться до истины, приходится передвигать горы.

В сотнях миль от Женевы из потрескивающей портативной радиации раздался хриплый голос:

– Я в вестибюле.

Сидящий перед видеомониторами охранник нажал кнопку и переключил радиацию на передачу.

– Тебе нужна камера номер 86. Она находится в самом конце.

Воцарилось долгое молчание. От напряжения по лицу охранника потекли струйки пота. Наконец радиация вновь ожила.

– Ее здесь нет. Кронштейн, на котором она была установлена, вижу, а саму камеру кто-то снял.

– Так, понятно... – Охранник с трудом перевел дыхание. – Не уходи пока, подожди там минутку, ладно?

Он перевел взгляд на экраны мониторов. Большая часть комплекса была открыта для публики, так что беспроводные видеокамеры пропадали у них и раньше. Как правило, их крали наглые и бесстрашные любители сувениров. Правда, когда камеру уносили на расстояние, превышающее дальность ее действия, сигнал пропадал и экран начинал рябить серыми полосами. Озадаченный охранник с надеждой взглянул на монитор. Нет, камера № 86 по-прежнему передавала на редкость четкое изображение.

Если камера украдена, рассуждал про себя охранник, почему мы все же получаем от нее сигнал? Он, конечно, знал, что этому есть только одно объяснение. Камера осталась внутри комплекса, просто ее кто-то снял и перенес в другое место. Но кто? И зачем?

Охранник в тяжком раздумье уставился на экран, будто надеясь найти там ответы на эти вопросы. Помолчав некоторое время, он поднес радиацию ко рту и произнес:

– Слушай, рядом с тобой есть лестничный проем. Посмотри, нет ли там каких шкафов, ниш или кладовок?

– Нет тут ни хрена, – ответил через некоторое время сердитый голос. – А что такое?

– Ладно, не бери в голову. Спасибо за помощь. – Охранник выключил радиацию и нахмурился.

Он знал, что крошечная беспроводная видеокамера может вести передачу практически из любой точки тщательно охраняемого комплекса, состоящего из тридцати двух отдельных зданий, тесно лепящихся друг к другу в радиусе полумили. Единственной зацепкой служило то, что камера находилась в каком-то темном помещении. Хотя легче от этого не было. Таких мест в комплексе уйма: подсобки, воздуховоды, сараи садовников, да те же гардеробные при спальнях... не говоря уже о лабиринте подземных тоннелей. Так что камеру номер 86 можно искать и искать неделями.

Но это еще не самое страшное, мелькнуло у него в голове.

Его беспокоила даже не столько проблема, возникшая в связи с непонятным перемещением видеокамеры. Охранник вновь уставился на изображение, которое она передавала. Незнакомое и с виду весьма сложное электронное устройство, какого ему, несмотря на серьезную техническую подготовку, встречать еще не приходилось. Особое беспокойство вызывали индикаторы, подмигивающие с лицевой панели прибора.

Хотя охранник прошел специальный курс поведения в чрезвычайных ситуациях, сейчас

он растерялся. Его пульс участился, а ладони вспотели. Он приказал себе не паниковать. Должно же быть какое-то объяснение. Подозрительный предмет был слишком мал, чтобы представлять серьезную опасность. И все же его появление в комплексе вызывало тревогу. А если начистоту, то и страх.

И надо же было этому случиться именно сегодня, с досадой подумал охранник.

Его работодатель всегда уделял повышенное внимание вопросам безопасности, однако именно сегодня им придавалось особое значение. Такого не было уже двенадцать лет. Охранник пристально посмотрел на экран и вздрогнул, услышав далекие раскаты надвигающейся грозы.

Обливаясь потом, он набрал номер своего непосредственного начальника.

Мало кто из детей может похвастать тем, что точно помнит день, когда впервые увидел своего отца. Виттория Ветра была именно таким исключением из общего правила. Ей было восемь лет. Брошенная родителями, которых она не знала, девчушка жила в «Орфанотрофио ди Съена» – католическом сиротском приюте близ Флоренции. В тот день шел дождь. Монахини уже дважды приглашали ее обедать, но девочка притворялась, что не слышит. Она лежала во дворе, наблюдая, как падают дождевые капли, ощущая, как они небожно ударяются о ее тело, и пыталась угадать, куда упадет следующая. Монахини опять принялись ее звать, пугая тем, что воспаление легких быстро отучит строптивую девчонку от чрезмерного пристрастия к наблюдению за природой.

«Да не слышу я вас!» – мысленно огрызнулась Виттория.

Она уже промокла до нитки, когда из дома вышел молодой священник. Она его не знала, в приюте он был новеньким. Виттория съежилась в ожидании, что он схватит ее за шиворот и потащит под крышу. Однако священник, к ее изумлению, не сделал ничего подобного. Вместо этого он растянулся рядом с ней прямо в большущей луже.

– Говорят, ты всех замучила своими вопросами, – обратился к ней священник.

– А что в этом плохого? – тут же спросила Виттория.

– Выходит, это правда, – рассмеялся он.

– А чего вы сюда пришли? – грубовато поинтересовалась дерзкая девчонка.

– Так ведь не одной тебе интересно, почему с неба падают капли.

– Мне-то как раз неинтересно, почему они падают. Это я уже знаю!

– Да что ты говоришь! – удивленно взглянул на нее священник.

– Конечно! Сестра Франциска рассказывала, что дождевые капли – это слезы ангелов, которые они льют с небес, чтобы смыть с нас наши грехи.

– Ого! Теперь все понятно! – восхитился он.

– А вот и нет! – возразила юная естествоиспытательница. – Они падают потому, что все падает. Падает все! Не одни только дождевые капли.

– Знаешь, а ведь ты права, – озадаченно почесал в затылке священник. – Действительно, все падает. Должно быть, гравитация действует.

– Чего-чего?

– Ты что, не слышала о гравитации? – недоверчиво посмотрел на нее священник.

– Нет, – смутилась Виттория.

– Плохо дело, – сокрушенно покачал головой он. – Гравитация может дать ответы на множество вопросов.

– Так что за штука эта ваша гравитация? – Сгорая от любопытства, Виттория даже приподнялась на локте и решительно потребовала: – Рассказывайте!

– Не возражаешь, если мы обсудим это за обедом? – хитро подмигнул ей священник.

Молодым священником был Леонардо Ветра. Хотя в университете его неоднократно отмечали за успехи в изучении физики, он подчинился зову сердца и поступил в духовную семинарию. Леонардо и Виттория стали неразлучными друзьями в пронизанном одиночеством мире монахинь и жестких правил. Виттория частенько смешила Леонардо, помогая ему разогнать тоску, и он взял ее под свое крыло. Он рассказал ей о таких восхитительных явлениях природы, как радуга и реки. От него она узнала о световом

излучении, планетах, звездах... обо всем окружающем мире, каким его видят Бог и наука. Обладавшая врожденным интеллектом и неумной любознательностью, Виттория оказалась на редкость способной ученицей. Леонардо опекал ее как родную дочь.

Девочка же была просто счастлива. Ей было неведомо тепло отцовской заботы. В то время как другие взрослые шлепком, порой весьма увесистым, обрывали ее приставания с вопросами, Леонардо часами терпеливо растолковывал Виттории всякие премудрости, знакомил ее с интереснейшими, умнейшими книгами. Более того, он даже искренне интересовался, что она сама думает по тому или иному поводу. Виттория молила Бога, чтобы Леонардо оставался рядом с ней вечно. Однако настал день, когда мучившие ее кошмарные предчувствия оправдались. Отец Леонардо сообщил, что покидает приют.

– Уезжаю в Швейцарию, – сообщил он ей. – Мне предоставили стипендию для изучения физики в Женевском университете.

– Физики? – не поверила своим ушам Виттория. – Я думала, вы отдали свое сердце Богу!

– Бога я люблю всей душой, – подтвердил Леонардо. – Именно поэтому и решил изучать его Божественные заповеди. А законы физики – это холсты, на которых Бог творит свои шедевры.

Виттория была сражена. Но у него была для нее еще одна новость. Оказывается, он переговорил с вышестоящими инстанциями, и там дали согласие на то, чтобы отец Леонардо удочерил сироту Витторию.

– А ты сама хочешь, чтобы я тебя удочерил? – с замирающим сердцем спросил Леонардо.

– А как это? – не поняла Виттория.

Когда он ей все объяснил, она бросилась ему на шею и минут пять заливала сутану слезами радости.

– Да! Хочу! Да! Да! Хочу! – всхлипывая, вскрикивала она, вне себя от неожиданного счастья.

Леонардо предупредил, что они будут вынуждены ненадолго расстаться, пока он не устроится в Швейцарии, однако пообещал, что разлука продлится не более полугода. Для Виттории это были самые долгие в жизни шесть месяцев, но слово свое Леонардо сдержал. За пять дней до того, как ей исполнилось девять лет, Виттория переехала в Женеву. Днем она ходила в Женевскую международную школу, а по вечерам ее образованием занимался приемный отец.

Спустя три года Леонардо Ветра пригласили на работу в ЦЕРН. Отец и дочь попали в страну чудес, какой Виттория не могла вообразить даже в самых дерзких мечтах.

Виттория Ветра, словно в оцепенении, шагала по туннелю. Поглядывая на свое искаженное отражение в хромированной поверхности трубы ускорителя, она остро ощущала отсутствие отца. Обычно Виттория пребывала в состоянии незыблемого мира с самой собой и полной гармонии со всем, что ее окружало. Однако сейчас все внезапно потеряло смысл. В последние три часа она просто не осознавала, что происходит с ней и вокруг нее.

Звонок Колера раздался, когда на Балеарах было десять часов утра. «Твой отец убит. Возвращайся домой немедленно!..» Несмотря на то что на раскаленной палубе катера было душающе жарко, ледяной озноб пробрал ее до самых костей. Бездушный механический тон, которым Колер произнес эти страшные слова, был еще больнее, нежели сам их смысл.

И вот она дома. Да какой же теперь это дом? ЦЕРН, ее единственный мир с того дня,

как ей исполнилось двенадцать лет, стал вдруг чужим. Ее отца, который превращал центр в страну чудес, больше нет.

Дыши ровнее и глубже, приказала себе Виттория, но это не помогло привести в порядок мечущиеся в голове мысли. Кто убил отца? За что? Откуда взялся этот американский «специалист»? Почему Колер так рвется к ним в лабораторию? Вопросы один за другим все быстрее вспыхивали у нее в мозгу.

Колер говорил о возможной связи убийства с их нынешним проектом. Какая может быть здесь связь? Никто не знал, над чем они работают! Но даже если кому-то и удалось что-то разнюхать, зачем убивать отца?

Приближаясь к лаборатории, Виттория вдруг подумала, что сейчас обнаружит величайшее достижение его жизни, а отец при этом присутствовать не будет. Этот торжественный момент виделся ей совсем по-другому. Она представляла себе, что отец соберет в своей лаборатории ведущих ученых центра и продемонстрирует им свое открытие, с потаенным ликованием глядя на их ошеломленные, растерянные, потрясенные лица. Затем, сияя отцовской гордостью, объяснит присутствующим, что, если бы не одна из идей Виттории, осуществить этот проект он бы не смог... что его дочь прямо и непосредственно участвовала в осуществлении такого выдающегося научного прорыва. Виттория почувствовала, как к горлу подкатил горький комок. В этот момент триумфа они с отцом должны были быть вместе. Но она осталась одна. Вокруг нее не толпятся взбудораженные коллеги. Не видно восторженных лиц. Рядом только какой-то незнакомец из Америки и Максимилиан Колер.

Максимилиан Колер. Der König. Кайзер.

Еще с самого детства Виттория испытывала к этому человеку глубокую неприязнь. Нет, с течением времени она стала уважать могучий интеллект директора, однако его ледяную холодность и неприступность по-прежнему считала бесчеловечными... Этот человек являл собой прямую противоположность ее отцу, который был воплощением сердечного тепла и доброты. И все же в глубине души эти двое относились друг к другу с молчаливым, но величайшим уважением. Гений, сказал ей однажды кто-то, всегда признает другого гения без всяких оговорок.

«Гений, – тоскливо подумала она, – отец... Папа, папочка. Убит...»

В лабораторию Леонардо Ветра вел длинный, стерильной чистоты коридор, от пола до потолка облицованный белым кафелем. У Лэнгдона почему-то появилось ощущение, что он попал в подземную психушку. По стенам коридора тянулись дюжины непонятно что запечатлевших черно-белых фотографий в рамках. И хотя Лэнгдон посвятил свою карьеру изучению символов, эти изображения не говорили ему ничего. Они выглядели как беспорядочная коллекция негативов, вкривь и вкось исчерченных какими-то хаотическими полосами и спиралями. Современная живопись? Накушавшийся амфетамина Джексон Поллок?^[24] Лэнгдон терялся в догадках.

– Разброс осколков. Зафиксированный компьютером момент столкновения частиц, – заметив, видимо, его недоумение, пояснила Виттория и указала на едва видимый на снимке след. – В данном случае наблюдаются Z-частицы. Отец открыл их пять лет назад. Одна энергия – никакой массы. Возможно, это и есть самый мелкий, если можно так выразиться, строительный элемент природы. Ведь материя есть не что иное, как пойманная в ловушку энергия.

Неужели? Материя есть энергия? Лэнгдон насторожился. Это уже скорее смахивает на

дзэн.^[25] Он еще раз посмотрел на тонюсенькие черточки на фотографии. Интересно, что скажут его приятели с физфака в Гарварде, когда он признается им, что провел выходные в большом адроновом коллайдере,^[26] наслаждаясь видом Z-частиц?

– Виттория, – сказал Колер, когда они подошли к стальным дверям весьма внушительного вида, – должен признаться, что сегодня утром я уже спускался вниз в поисках вашего отца.

– Неужели? – слегка покраснев, произнесла девушка.

– Именно. И представьте мое изумление, когда вместо нашего стандартного цифрового замка я обнаружил нечто совершенно иное... – С этими словами Колер показал на сложный электронный прибор, вмонтированный в стену рядом с дверью.

– Прошу прощения, – сказала Виттория. – Вы же знаете, насколько серьезно он относился к вопросам секретности. Отец хотел, чтобы в лабораторию имели доступ лишь он и я.

– Понимаю, – ответил Колер. – А теперь откройте дверь.

Виттория не сразу отреагировала на слова шефа, но затем, глубоко вздохнув, все же направилась к прибору в стене.

К тому, что произошло после, Лэнгдон оказался совершенно не готов.

Виттория подошла к аппарату и, склонившись, приблизила правый глаз к выпуклой, чем-то похожей на окуляр телескопа линзе. После этого она надавила на кнопку. В недрах машины раздался щелчок, и из линзы вырвался лучик света. Лучик двигался, сканируя глазное яблоко так, как сканирует лист бумаги копировальная машина.

– Это – сканер сетчатки, – пояснила она. – Безупречный механизм. Распознает строение лишь двух сетчаток – моей и моего отца.

Роберт Лэнгдон замер. Перед его мысленным взором во всех ужасающих деталях предстал мертвый Леонардо Ветра. Лэнгдон снова увидел окровавленное лицо, одинокий, смотрящий в пространство карий глаз и пустую, залитую кровью глазницу. Он попытался не думать об ужасающем открытии... но спрятаться от правды было невозможно. На белом полу прямо под сканером виднелись коричневатые точки. Капли запекшейся крови.

Виттория, к счастью, их не заметила.

Стальные двери заскользили в пазах, и девушка вошла в помещение.

Колер мрачно посмотрел на Лэнгдона, и тот без труда понял значение этого взгляда: «Я же говорил вам, что похищение глаза преследует иную... гораздо более важную цель».

Руки женщины были связаны. Перетянутые шнуром кисти опухли и покраснели. Совершенно опустошенный, ассасин лежал с ней рядом, любясь своим обнаженным трофеем. Смуглого убийцу занимал вопрос, не было ли ее временное забытие лишь попыткой обмануть его, чтобы избежать дальнейшей работы.

Впрочем, на самом деле это его не очень волновало, так как он получил более чем достаточное вознаграждение. Испытывая некоторое пресыщение, ассасин отвернулся от своей добычи и сел на кровати.

На его родине женщины являются собственностью. Слабыми созданиями. Инструментом наслаждения. Товаром, который обменивают на скот. И там они знают свое место. Здесь же, в Европе, женщины прикидываются сильными и независимыми. Эти их жалкие потуги одновременно смешили его и возбуждали. Убийца получал особое наслаждение в те моменты, когда горячки оказывались в полной физической зависимости от него.

Несмотря на ощущение полного физического удовлетворения, ассасин начал испытывать другое желание. Прошлой ночью он убил человека. Не только убил, но и изуродовал труп. Убийство действовало на него так, как на других действует героин... Каждая новая порция приносит лишь временное облегчение, порождая тягу к очередной, все увеличивающейся дозе. Чувство приятного удовлетворения исчезло, и на смену ему снова пришло желание.

Он внимательно посмотрел на спящую рядом с ним женщину и провел ладонью по светлой шее. Сознание того, что он в один миг может лишиться ее жизни, приводило его в состояние возбуждения. Кому нужна жизнь этого ничтожного существа? Кто она такая? Недочеловек. Инструмент наслаждения. Мощные пальцы убийцы сжали нежное горло, и он уловил биение ее пульса. Однако тут же, подавив желание, убрал руку. Дело прежде всего. Личные желания должны уступать место служению более высоким целям. Встав с постели, ассасин еще раз восхитился величиим того дела, которое ему предстояло свершить. Он все еще не мог до конца осознать степень влияния человека, скрывающегося под именем Янус, и могущества древнего братства, которое тот возглавлял. Каким-то непостижимым образом им удалось узнать о его ненависти и... его непревзойденном искусстве. Как именно это стало им известно, для него навсегда останется тайной. Их корни проросли через весь земной шар.

И вот теперь они удостоили его высшей чести. Он станет их руками и их голосом. Их мстителем и их посланником – тем, кого его соплеменники именуют Малик-аль-Хак. Ангел Истины.

Войдя в лабораторию Ветра, Лэнгдон перенесся из нашего времени в далекое будущее. Абсолютно белое внутри помещение, заставленное компьютерами и специальным электронным оборудованием, походило на операционную какого-нибудь футуристического госпиталя. Интересно, какие тайны хранила эта лаборатория, думал американец, если для их сохранности пришлось создавать запоры, открыть которые можно лишь с помощью глаза?..

Колер первым делом внимательно оглядел помещение, но в нем, естественно, никого не оказалось. Что касалось Виттории, то та двигалась как-то неуверенно... Так, словно лаборатория в отсутствие отца стала для нее чужой.

Лэнгдон сразу обратил внимание на невысокие массивные колонны, чем-то напоминающие Стоунхендж^[27] в миниатюре. Этих колонн из полированной стали было около десятка, и они образовывали в центре комнаты небольшой круг. Но еще больше эти трехфутовые сооружения напоминали постаменты, на которых в музеях выкладывают драгоценные камни. Однако сейчас на них лежали отнюдь не драгоценности. На каждой из колонн покоился толстостенный прозрачный сосуд, формой и размером напоминающий теннисный мяч. Судя по их виду, сосуды были пусты.

Колер с удивлением посмотрел на них и, видимо, решив поговорить об этом потом, сказал, обращаясь к Виттории:

- Взгляните хорошенько. Ничего не украдено?
- Украдено? Каким образом? Сканер сетчатки может впустить только нас.
- Все-таки посмотрите.

Виттория вздохнула и некоторое время разглядывала комнату. Затем пожала плечами и сказала:

– Лаборатория в том состоянии, в котором ее обычно оставляет отец. В состоянии упорядоченного хаоса.

Лэнгдон понимал, что Колер взвешивает все возможные варианты своего дальнейшего поведения, размышляя о том, в какой степени можно оказывать давление на Витторию и... как много следует ей сказать. Видимо, решив оставить девушку на время в покое, он выехал в центр комнаты, обозрел скопление таинственных пустых сосудов и после продолжительной паузы произнес:

- Секреты... это та роскошь, которую мы себе больше позволить не можем.

Виттория неохотно кивнула, выражая свое согласие, и на ее лице отразилась та буря эмоций, которые она испытывала. Эмоций и воспоминаний.

«Дай ей хотя бы минуту!..» – подумал Лэнгдон.

Как бы набираясь сил для того, чтобы открыть страшную тайну, Виттория опустила ресницы и вздохнула полной грудью. Затем, не открывая глаз, она сделала еще один глубокий вдох. И еще...

Лэнгдона охватило беспокойство. С ней все в порядке? Он покосился на Колера. Тот сидел совершенно спокойно, поскольку ему, очевидно, не раз приходилось бывать свидетелем этого ритуала. Прежде чем Виттория открыла глаза, прошло не менее десяти секунд.

С ней произошла такая метаморфоза, что Лэнгдон просто не поверил своим глазам. Виттория Ветра совершенно преобразилась. Уголки ее пухлых губ опустились, плечи

обвисли, взгляд стал мягким. Казалось, девушка настроила свой организм на то, чтобы смириться со сложившимся положением. Страдания и личную боль ей каким-то образом удалось спрятать в глубине сердца.

– С чего начать? – спросила она совершенно спокойно.

– Начните с самого начала, – сказал Колер. – Расскажите нам об эксперименте своего отца.

– Отец всю свою жизнь мечтал о том, чтобы примирить науку и религию, – начала Виттория. – Он хотел доказать, что наука и религия вполне совместимы и являются собой всего лишь два различных пути познания единой истины... – Девушка замолчала, как бы не веря тому, что собиралась сказать в следующий момент: – И вот недавно... он нашел способ это сделать.

Колер молчал.

– Отец задумал провести эксперимент, который, как он надеялся, сможет разрешить одно из самых острых противоречий между наукой и религией.

Интересно, какое противоречие она имеет в виду, подумал Лэнгдон. Истории известно огромное их множество.

– Отец имел в виду проблему креационизма – проблему вечного спора о том, как возникла наша Вселенная.

Вот это да, подумал Лэнгдон. Значит, речь идет ни много ни мало о *том самом* споре!

– В Библии, естественно, сказано, что наш мир был сотворен Богом, – продолжала Виттория. – «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет». И так, все, что мы видим перед собой, возникло из бесконечной пустоты и тьмы. Но к сожалению, один из фундаментальных законов физики гласит, что материя не может быть создана из ничего.

Лэнгдону доводилось читать об этом тупике. Идея о том, что Бог смог создать «ничто из ничего», полностью противоречила общепризнанным законам современной физики и потому отвергалась ученым миром. Акт Творения с точки зрения науки представлялся полнейшим абсурдом.

– Мистер Лэнгдон, – сказала Виттория, повернувшись к американцу, – полагаю, что вы знакомы с теорией Большого взрыва?

– Более или менее, – пожал плечами Лэнгдон.

Так называемый Большой взрыв, насколько ему было известно, являлся признанной наукой моделью возникновения Вселенной. До конца он этого не понимал, но знал, что, согласно теории, находившееся в сверхплотном состоянии и сконцентрированное в одной точке вещество в результате гигантского взрыва начало расширяться, формируя Вселенную. Или что-то в этом роде.

– Когда в 1927 году католическая церковь впервые предложила теорию Большого взрыва...

– Простите, – прервал ее Лэнгдон, – неужели вы хотите сказать, что идея Большого взрыва первоначально принадлежала церкви?

Витторию его вопрос, казалось, несказанно изумил.

– Ну конечно, – ответила она. – Ее в 1927 году выдвинул католический монах по имени Жорж Лемэтр.

– Но я всегда считал, – неуверенно произнес Лэнгдон, – что эту теорию разработал гарвардский астроном Эдвин Хаббл...^[28]

– Еще один пример американского высокомерия, – бросив на Лэнгдона

суровый взгляд, вмешался Колер. – Хаббл опубликовал свои рассуждения в 1929 году, то есть на два года позже Лемэтра.

«Я читал о телескопе Хаббла, сэр, а о телескопе Лемэтра почему-то никто не пишет», – подумал Лэнгдон, но вслух этого не сказал.

– Мистер Колер прав, – продолжала Виттория. – Первоначально идея принадлежала Лемэтру. Хаббл всего лишь подтвердил ее, собрав доказательства того, что Большой взрыв теоретически возможен.

Интересно, упоминают ли этого Лемэтра фанатичные поклонники Хаббла с факультета астрономии Гарвардского университета, когда читают лекции своим студентам, подумал Лэнгдон. Вслух он этот вопрос, правда, задавать не стал, ограничившись неопределенным:

– О...

– Когда Лемэтр впервые предложил свою теорию, – продолжала Виттория, – ученые мужи объявили ее полной нелепицей. Материя, сказали они, не может возникнуть из ничего. Поэтому, когда Хаббл потряс мир, научно доказав возможность Большого взрыва, церковь возвестила о своей победе и о том, что это является свидетельством истинности Священного Писания.

Лэнгдон кивнул. Теперь он очень внимательно слушал рассуждения девушки.

– Ученым, естественно, пришлось не по вкусу то, что церковь использовала их открытия для пропаганды религии, и они тут же облекли теорию Большого взрыва в математическую форму, устранив из нее тем самым все религиозное звучание. Это позволило объявить им Большой взрыв своей собственностью. Но к несчастью для науки, все их уравнения даже в наше время страдают одним пороком, на который не устает указывать церковь.

– Так называемая сингулярность, – проворчал Колер.

Он произнес это слово так, словно оно отравляло все его существование.

– Вот именно – сингулярность! – подхватила Виттория. – Точный момент творения. Нулевое время. Даже сейчас... – Виттория взглянула на Лэнгдона. – Даже сейчас наука не способна сказать что-либо внятное в связи с первым моментом возникновения Вселенной. Наши уравнения весьма убедительно объясняют ранние фазы ее развития, но по мере удаления во времени и приближения к «нулевой точке» математические построения вдруг рассыпаются и теряют всякий смысл.

– Верно, – раздраженно произнес Колер. – И церковь использует эти недостатки как аргумент в пользу чудесного Божественного вмешательства. Впрочем, мы несколько отошли от темы. Продолжайте...

– Я хочу сказать, – с отрешенным выражением лица произнесла Виттория, – что отец всегда верил в Божественную природу Большого взрыва. Несмотря на то что наука пока не способна определить точный момент Божественного акта, отец был убежден, что когда-нибудь она его установит. – Печально показав на напечатанные на лазерном принтере слова, висевшие над рабочим столом Леонардо Ветра, девушка добавила: – Когда я начинала сомневаться, папа всегда тыкал меня носом в это высказывание.

Лэнгдон прочитал текст:

**НАУКА И РЕЛИГИЯ НИКОГДА НЕ ПРОТИВОСТОЯЛИ ДРУГ ДРУГУ.
ПРОСТО НАУКА ОЧЕНЬ МОЛОДА, ЧТОБЫ ПОНЯТЬ ЭТО**

– Папа хотел поднять науку на более высокий уровень, – сказала Виттория. – На тот уровень, когда научные знания подтверждали бы существование Бога. – Она меланхолично приладила ладонью свои длинные волосы и добавила: – Отец затеял то, до чего пока не додумался ни один ученый. Он решил сделать нечто такое, для чего до настоящего времени даже не существовало технических решений. – Виттория замолчала, видимо, не зная, как произнести следующие слова. Наконец, после продолжительной паузы, девушка сказала: – Папа задумал эксперимент, призванный доказать возможность акта Творения.

Доказать акт Творения? Да будет свет? Материя из ничего?

Лэнгдон не мог представить себе ничего подобного.

– Прости, но я тебя не понял, – произнес Колер, сверля девушку взглядом.

– Отец создал Вселенную... буквально из ничего.

– Что?! – вскинул голову Колер.

– Пожалуй, правильнее будет сказать – он воссоздал Большой взрыв.

Колер едва не вскочил на ноги из своего инвалидного кресла. А Лэнгдон запутался окончательно.

Создал Вселенную? Воссоздал Большой взрыв?

– Все это, естественно, сделано не в столь грандиозном масштабе, – сказала Виттория (теперь она говорила гораздо быстрее). – Процесс оказался на удивление простым. Папа разогнал в ускорителе два тончайших пучка частиц. Разгон осуществлялся в противоположных направлениях. Когда два пучка с невообразимой скоростью столкнулись, произошло их взаимопроникновение, и вся энергия сконцентрировалась в одной точке. Папе удалось получить чрезвычайно высокие показатели плотности энергии.

Девушка начала рассказывать о физическом характере потоков, и с каждым ее словом глаза директора округлялись все больше и больше.

Лэнгдон изо всех сил пытался не потерять нить рассказа.

Итак, думал он, Леонардо Ветра смог создать модель энергетической точки, которая дала начало нашей Вселенной.

– Результат эксперимента без преувеличения можно назвать чудом, – продолжала Виттория. – Его опубликование буквально потрясет основы основ современной физической науки... – Теперь она говорила медленно, словно желая подчеркнуть грандиозное значение открытия. – И в этой энергетической точке внутри ускорителя буквально из ничего начали возникать частицы материи.

Колер никак не отреагировал на это сообщение. Он просто молча смотрел на девушку.

– Материи, – повторила Виттория. – Вещества, родившегося из ниоткуда. Мы стали свидетелями невероятного фейерверка на субатомном уровне. На наших глазах рождалась миниатюрная Вселенная. Папа доказал, что материя может быть создана из ничего. Но это не все! Его эксперимент продемонстрировал, что Большой взрыв и акт Творения объясняются присутствием колоссального источника энергии.

– Или, иными словами, Бога?

– Бога, Будды, Силы, Иеговы, сингулярности, единичной точки... Называйте это как угодно, но результат останется тем же. Наука и религия утверждают одну и ту же истину: источником творения является чистая энергия.

Колер наконец заговорил, и голос его звучал печально:

– Виттория, твой рассказ оставил меня в полной растерянности. Неужели ты и вправду хочешь сказать, что Леонардо смог создать вещество... из ничего?

– Да. И вот доказательство, – ответила Виттория, указывая на пустые сосуды. – В каждом из этих шаров находится образчик сотворенной им материи.

Колер откашлялся и покатился к сосудам. Он двигался осторожно, так, как двигаются инстинктивно ощущающие опасность дикие животные.

– Видимо, я что-то недопонял, – сказал директор. – Почему я должен верить тому, что сосуды содержат частицы материи, созданные твоим отцом? Это вещество могло быть взято откуда угодно.

– Нет, – уверенно ответила Виттория. – Откуда угодно взять это вещество невозможно. Данные частицы уникальны. Подобного вида материи на Земле не существует... Отсюда следует вывод, что она была создана искусственно.

– Как прикажешь понимать твои слова? – с суровым видом произнес Колер. – Во Вселенной существует лишь один вид материи... – начал было руководитель ЦЕРНа, но тут же остановился.

– А вот и нет! – с победоносным видом объявила Виттория. – Вы же сами на своих лекциях говорили нам, что существует два вида материи. И это – научный факт. Мистер Лэнгдон, – произнесла девушка, – что говорит Библия об акте Творения? Что создал Бог?

Лэнгдон не понимал, какое отношение этот вопрос имеет к происходящему, но все же, ощущая некоторую неловкость, ответил:

– Хм... Бог создал свет и тьму... небо и землю... рай и ад...

– Именно, – прервала его Виттория. – Он создал противоположности. Полную симметрию. Абсолютное равновесие. – Вновь повернувшись к Колеру, девушка сказала: – Директор, наука утверждает то же, что и религия: все, что создал Большой взрыв, он создавал в виде двух противоположностей. И я хочу подчеркнуть слово «все».

– Все, включая саму материю, – прошептал, словно самому себе, Колер.

– Именно, – кивнула Виттория. – И в ходе эксперимента моего отца возникли два вида материи.

Лэнгдон вообще перестал понимать то, о чем говорили Колер и Виттория. Неужели, думал он, Леонардо Ветра изобрел нечто противоположное материи?

– Субстанция, о которой ты говоришь, существует лишь в иных областях Вселенной, – сердито сказал директор. – На Земле ее определенно нет. Возможно, ее нет и во всей нашей галактике!

– Верно, – согласилась Виттория. – И это доказывает, что находящиеся в сосудах частицы были созданы в ходе эксперимента.

– Не хочешь ли ты сказать, что эти шары содержат в себе образцы антивещества? – спросил Колер, и лицо его стало похоже на каменную маску.

– Да. Я хочу сказать именно это, – ответила Виттория, бросив торжествующий взгляд на пустые с виду сосуды. – Директор, перед вами первые в мире образцы антиматерии. Или антивещества, если хотите.

Второй этап, думал ассасин, шагая по темному тоннелю.

Убийца понимал, что факел в его руке – вещь в принципе излишняя. Он был нужен лишь для того, чтобы произвести впечатление. Во всем нужен эффект. Страх, как хорошо знал ассасин, был его союзником. Страх калечит сильнее, чем любое оружие.

В тоннеле не было зеркала, чтобы полюбоваться собой. Но судя по сторбленной тени, которую отбрасывала его скрытая широким одеянием фигура, мимикрия была полной. Маскировка являлась важнейшей частью плана... Кроме того, она еще раз подчеркивала всю безнравственность заговора. Даже в самых дерзких своих мечтах он не представлял, что сыграет в нем столь важную роль.

Еще две недели назад он посчитал бы, что выполнить ожидающую его в конце пути задачу невозможно. Она показалась бы ему самоубийственной. Это было почти то же самое, что войти обнаженным в клетку со львом. Но Янус сумел лишить смысла само понятие невозможного.

За последние две недели Янус посвятил его во множество тайн... Тоннель, кстати, был одной из них – древний, но вполне пригодный для прохода подземный коридор.

С каждым шагом приближаясь к врагам, ассасин не переставал думать о том, насколько трудной может оказаться его задача. Янус обещал, что сделать все будет проще простого, поскольку некто, находящийся в здании, проведет всю подготовительную работу. Некто, находящийся в здании. Невероятно! Чем больше он думал о своей миссии, тем сильнее становилась его вера в то, что она окажется простой, как детская забава.

Wahad... tintain... thalatha... arbaa, думал он и мысленно произносил эти слова по-арабски, приближаясь к концу тоннеля. *Один... два... три... четыре.*

– Думаю, вы слышали об антивеществе, мистер Лэнгдон? – спросила Виттория. Ее смуглая кожа резко контрастировала с белизной лаборатории.

Лэнгдон поднял на нее глаза. Он вдруг ощутил себя полным тупицей.

– Да... В некотором роде.

– Вы, видимо, смотрите по телевизору сериал «Звездный путь», – с едва заметной усмешкой сказала девушка.

– Моим студентами он очень нравится... – начал он, покраснев, однако тут же взял себя в руки и серьезно продолжил: – Антивещество служит главным топливом для двигателей звездного крейсера «Энтерпрайз». Не так ли?

– Хорошая научная фантастика уходит корнями в настоящую науку, – утвердительно кивнув, ответила Виттория.

– Значит, антивещество действительно существует?!

– Да, как природное явление. Все имеет свою противоположность. Протоны и электроны, кварки и антикварки. На субатомном уровне существует своего рода космическая симметрия. Антивещество по отношению к веществу то же самое, что инь и ян в китайской философии. Женское и мужское начало. Они поддерживают состояние физического равновесия, и это можно выразить математическим уравнением.

Лэнгдон сразу вспомнил о дуализме Галилея.

– Ученым еще с 1918 года известно, что Большой взрыв породил два вида вещества, – сказала Виттория. – Один – тот, который мы имеем здесь, на Земле. Из него состоят скалы, деревья, люди. Другой вид вещества находится где-то в иных частях Вселенной. Это вещество полностью идентично нашему, за исключением того, что все частицы в нем имеют противоположный заряд.

– Но хранить частицы антивещества невозможно, – сказал, возникнув словно из тумана, Колер. Теперь в его голосе звучало сомнение. – Технологий для этого не существует. Как насчет нейтрализации?

– Отцу удалось создать вакуум с обратной поляризацией, что, в свою очередь, позволило извлечь частицы вещества из ускорителя до того, как они успели исчезнуть.

– Но вакуум одновременно с антивеществом извлечет и обычную материю. Я лично не вижу способа разделить частицы, – с недовольным видом возразил Колер.

– Для этой цели папа использовал сильное магнитное поле. Частицы вещества ушли по дуге вправо, а антивещества – влево. У них, как известно, противоположная полярированность.

И в этот момент стена скептицизма, которой окружил себя Колер, похоже, дала первую трещину. Он с изумлением посмотрел на Витторию и зашелся в приступе кашля.

– Неверо... ятно, – выдавил он, вытирая губы. – Но пусть даже... – у Лэнгдона сложилось впечатление, что разум директора продолжал сопротивляться, – ...вакуум и магниты возымели действие, все равно эти сферические сосуды изготовлены из вещества. А ведь антивещество невозможно хранить в сосудах из нашей обычной материи. Вещество и антивещество мгновенно вступят в реакцию...

– Образцы антиматерии не касаются стенок сосудов, – ответила, явно ожидавшая этого вопроса Виттория. – Они находятся в подвешенном состоянии. Эти сосуды называются «ловушками антивещества», поскольку они буквально затягивают его в центр сферы и

удерживают на безопасном расстоянии от стенок.

– В подвешенном состоянии? Но... каким образом?

– В точке пересечения двух магнитных полей. Можете взглянуть.

Виттория прошла через всю комнату и взяла какой-то большой электронный прибор. Эта хитроумная штука больше всего походила на лучевое ружье из детских комиксов. Широкий, похожий на пушечный ствол, лазерный прицел сверху и масса электронных приспособлений в нижней части. Девушка соединила прицел с одним из сосудов, взглянула в окуляр и произвела тонкую калибровку. Затем отступила в сторону и жестом пригласила Колера приблизиться.

Директор, казалось, пребывал в полном замешательстве.

– Неужели вам удалось добыть видимое количество?

– Пятьсот нанограммов.^[29] В виде жидкой плазмы, состоящей из миллионов позитронов.

– Миллионов?! Но до сих пор во всех лабораториях мира удалось выделить лишь несколько частиц антивещества...

– Ксенон, – быстро ответила Виттория. – Папа пропустил луч через пото к ксенона, который отнял у частиц все электроны. Детали эксперимента он держал в тайне, но мне известно, что отец одновременно впрыскивал в ускоритель струю чистых электронов.

Лэнгдон уже и не пытался что-либо понять. «Неужели они говорят по-английски?» – думал он.

Колер замолчал, сдвинув брови. Затем он судорожно вздохнул и откинулся на спинку кресла – так, словно его сразила пуля.

– Но это означает, что технически мы...

– Именно. Мы имеем возможность получить большое количество антивещества.

Колер посмотрел на металлические стержни, поддерживающие сферические сосуды, неуверенно подкатил к тому, на котором был закреплен зрительный прибор, и приложил глаз к окуляру. Он долго смотрел, не говоря ни слова. Затем оторвался от визира, обессиленно откинулся на спинку кресла и вытер покрытый потом лоб. Морщины на его лице разгладились.

– Боже мой... вы действительно это сделали, – прошептал он.

– Это сделал мой отец, – уточнила Виттория.

– У меня просто нет слов...

– А вы не хотите взглянуть? – спросила девушка, обращаясь к Лэнгдону.

Совершенно не представляя, что он может увидеть, Лэнгдон подошел к стержням. С расстояния в один фут сосуд по-прежнему казался пустым. То, что находилось внутри, имело, по-видимому, бесконечно крошечные размеры. Американец посмотрел в окуляр, но для того, чтобы сфокусировать взгляд на содержимом прозрачной сферы, ему потребовалось некоторое время.

И наконец он увидел это.

Объект находился не на дне сосуда, как можно было ожидать, а плавал в самом центре сферы. Это был мерцающий, чем-то похожий на капельку ртути шарик. Поддерживаемый неведомыми магическими силами, шарик висел в пространстве. По его поверхности пробегал муар отливающих металлом волн. Шарик антивещества напомнил Лэнгдону о научно-популярном фильме, в котором демонстрировалось поведение в невесомости капли воды. Несмотря на то что шарик был микроскопическим, Лэнгдон видел все углубления и

выпуклости, возникающие на поверхности витающей в замкнутом пространстве плазмы.

– Оно... плавает, – произнес специалист по религиозной символике.

– И слава Богу, – ответила Виттория. – Антивещество отличается крайней нестабильностью. По своей энергетической сущности оно является полной противоположностью обычного вещества, и при соприкосновении субстанций происходит их взаимное уничтожение. Удерживать антивещество от контакта с веществом очень сложно, потому что все – буквально все! – что имеется на Земле, состоит из обычного вещества. Образцы при хранении не должны ничего касаться – даже воздуха.

Лэнгдон был потрясен. Неужели можно работать в полном вакууме?

– Скажи, – вмешался Колер, – а эти, как их там... «ловушки антивещества» тоже изобрел твой отец?

– Вообще-то их придумала я, – несколько смущенно ответила она.

Колер поднял на нее вопросительный взгляд, ожидая продолжения.

– Когда папа получил первые частицы антивещества, он никак не мог их сохранить, – скромно потупившись, сказала Виттория. – Я предложила ему эту схему. Воздухонепроницаемая оболочка из композитных материалов и разнополюсные магниты с двух сторон.

– Похоже, что гениальность твоего отца оказалась заразной.

– Боюсь, что нет. Я просто позаимствовала идею у природы. Аргонавты^[30] удерживают рыбу в своих щупальцах при помощи электрических зарядов. Тот же принцип использован и здесь. К каждой сфере прикреплена пара электромагнитов. Противоположные магнитные поля пересекаются в центре сосуда и удерживают антивещество в удалении от стен. Все это происходит в абсолютном вакууме.

Лэнгдон с уважением посмотрел на шарообразный сосуд. Антивещество, свободно подвешенное в вакууме. Колер был прав. Этого мог добиться лишь гений.

– Где размещены источники питания электромагнитов? – поинтересовался Колер.

– В стержне под ловушкой. Основания сфер имеют контакт с источником питания, и подзарядка идет постоянно.

– А что произойдет, если поле вдруг исчезнет?

– В этом случае антивещество, лишившись поддержки, опустится на дно сосуда, и тогда произойдет его аннигиляция, или уничтожение, если хотите.

– Уничтожение? – наострил уши Лэнгдон. Последнее слово ему явно не понравилось.

– Да, – спокойно ответила Виттория. – Вещество и антивещество при соприкосновении мгновенно уничтожаются. Физики называют этот процесс аннигиляцией.

– Понятно, – кивнул Лэнгдон.

– Реакция с физической точки зрения очень проста. Частицы материи и антиматерии, объединившись, дают жизнь двум новым частицам, именуемым фотонами. А фотон – не что иное, как микроскопическая вспышка света.

О световых частицах – фотонах Лэнгдон где-то читал. В той статье их называли самой чистой формой энергии. Немного поразмыслив, он решил не спрашивать о фотонных ракетах, которые капитан Кёрк^[31] использовал против злобных клинганов.

– Итак, если электромагниты откажут, произойдет крошечная вспышка света? – решил уточнить он.

– Все зависит от того, что считать крошечным, – пожала плечами Виттория. – Сейчас я вам это продемонстрирую.

Она подошла к одному из стержней и принялась отвинчивать сосуд.

Колер неожиданно издал вопль ужаса и, подкатившись к Виттории, оттолкнул ее руки от прозрачной сферы.

– Виттория, ты сошла с ума!

Это было невероятно. Колер вдруг поднялся с кресла и несколько секунд стоял на своих давно усохших ногах.

– Виттория! Не смей снимать ловушку!

Лэнгдон, которого внезапная паника директора повергла в изумление, молча взирал на разыгрывающуюся перед ним сцену.

– Пятьсот нанограммов! Если ты разрушишь магнитное поле...

– Директор, – невозмутимо произнесла девушка, – операция не представляет никакой опасности. Каждая ловушка снабжена предохранителем в виде аккумуляторной батареи. Специально для того, чтобы ее можно было снять с подставки.

Колер, судя по его неуверенному виду, не до конца поверил словам Виттории, но тем не менее уселся в свое кресло.

– Аккумуляторы включаются автоматически, как только ловушка лишается питания, – продолжала девушка. – И работают двадцать четыре часа. Если провести сравнение с автомобилем, то аккумуляторы функционируют, как резервный бак с горючим. – Словно почувствовав беспокойство Лэнгдона, она повернулась к нему и сказала: – Антивещество обладает некоторыми необычными свойствами, мистер Лэнгдон, которые делают его весьма опасным. В частице антиматерии массой десять миллиграммов – а это размер песчинки – гипотетически содержится столько же энергии, сколько в двухстах тоннах обычного ракетного топлива.

Голова Лэнгдона снова пошла кругом.

– Это энергия будущего, – сказала Виттория. – Энергия в тысячу раз более мощная, чем ядерная, и с коэффициентом полезного действия сто процентов. Никаких отходов. Никакой радиации. Никакого ущерба окружающей среде. Несколько граммов антивещества достаточно, чтобы в течение недели снабжать энергией крупный город.

Граммов? Лэнгдон на всякий случай отступил подальше от сосудов с антивеществом.

– Не волнуйтесь, – успокоила его Виттория, – в этих сферах содержатся всего лишь миллионные доли грамма, а такое количество относительно безопасно.

Она подошла к одному из стержней и сняла сферический сосуд с платформы.

Колер слегка поежился, но вмешиваться на этот раз не стал. Как только ловушка освободилась, раздался резкий звуковой сигнал, и в нижней части сферы загорелся крошечный экран. На экране тут же замигали красные цифры. Начался обратный отсчет времени.

24:00:00...

23:59:59...

23:59:58...

Лэнгдон проследил за меняющимися цифрами и пришел к выводу, что это устройство очень смахивает на бомбу замедленного действия.

– Аккумулятор будет действовать ровно двадцать четыре часа. Его можно подзарядить, вернув ловушку на место. Аккумулятор создан в качестве меры предосторожности и для удобства транспортировки.

– Транспортировки?! – прогремел Колер. – Ты хочешь сказать, что выносила образцы из лаборатории?

– Нет, не выносила, – ответила Виттория. – Но мобильность образцов позволит лучше изучить их поведение.

Девушка пригласила Лэнгдона и Колера проследовать за ней в дальнюю часть лаборатории. Когда она отдернула штору, перед ними открылось большое окно в соседнее помещение. Стены, полы и потолки обширной комнаты были обшиты стальными листами. Больше всего комната была похожа на цистерну нефтяного танкера, на котором Лэнгдон однажды плавал в Папуа – Новую Гвинею, чтобы изучить татуировки аборигенов.

– Это помещение мы называем аннигиляционной камерой, – пояснила Виттория.

– И вы действительно наблюдали аннигиляцию? – посмотрел на нее Колер.

– Отец просто восторгался этим физическим явлением, – ответила Виттория. – Огромное количество энергии из крошечного образца антивещества.

Девушка выдвинула из стены под окном стальной с загнутыми краями и потому похожий на противень лист, положила на него сосуд с антивеществом и задвинула этот необычный поднос обратно. Затем она потянула за находящийся рядом рычаг. Не прошло и секунды, как за стеклом они увидели ловушку. Сфера покатила по широкой дуге и остановилась на металлическом полу почти в самом центре помещения.

– Сейчас вы впервые в жизни сможете наблюдать процесс аннигиляции вещества и антивещества, – с легкой улыбкой объявила девушка. – В процессе участвуют миллионные доли грамма антиматерии. Мы имеем дело с относительно небольшим образцом.

Лэнгдон взглянул на одиноко стоящую на полу огромного бака ловушку антивещества. Колер же просто прильнул к окну. Вид у директора, надо сказать, был довольно растерянный.

– В обычных условиях аккумулятор прекращает действовать через сутки. Однако в этом помещении в пол вмонтированы сильные магниты, способные нейтрализовать магнитное поле ловушки. В тот момент, когда вещество и антивещество соприкоснутся, произойдет...

– Аннигиляция, – прошептал Колер.

– Да, и еще кое-что, – сказала Виттория. – Антивещество порождает чистую энергию. Вся его масса полностью превращается в фотоны. Поэтому не смотрите на образец. Прикройте чем-нибудь глаза.

Лэнгдон немного волновался, но ему казалось, что девица переигрывает, чересчур драматизируя ситуацию. Не смотреть на этот сосуд? Похожая на прозрачный теннисный мяч ловушка находилась от него в добрых тридцати ярдах. Зрителей от нее защищало толстенное и вдобавок затемненное органическое стекло. А образец в ловушке был просто микроскопическим. Прикрыть глаза? Сколько энергии способна выделить подобная...

Но додумать до конца Лэнгдон не успел. Девушка нажала кнопку, и он мгновенно ослеп.

В сосуде возникла сияющая точка, которая вдруг взорвалась ослепительной вспышкой, и волна света, по аналогии с воздушной волной от обычного взрыва, со страшной силой ударила в затемненное стекло прямо перед ним. Лэнгдон непроизвольно отступил назад. Стены помещения завибрировали, а свет, вначале заполнивший всю стальную комнату, снова стал стягиваться в одну точку, чтобы через мгновение превратиться в ничто. Лэнгдон беспомощно моргал. Глаза у него болели, и зрение возвращаться не спешило. Когда оно все же вернулось, американец увидел, что шарообразный сосуд исчез без следа. Испарился.

– Б... Боже мой! – прошептал изумленный Лэнгдон.

– Именно это и сказал мой папа, – печально произнесла Виттория.

Колер молча смотрел через затененное стекло в аннигиляционную камеру. То, что он увидел, его потрясло. Рядом с ним стоял Роберт Лэнгдон, которого этот спектакль поразил еще больше.

– Я хочу видеть отца, – потребовала Виттория. – Я показала вам лабораторию, а теперь желаю взглянуть на папу.

Колер медленно отвернулся от окна. Слов девушки директор, судя по всему, просто не слышал.

– Почему вы с отцом так долго ждали, Виттория? Об этом открытии вам следовало немедленно сообщить мне.

На это имеются десятки причин, подумала девушка, а вслух произнесла:

– Если не возражаете, директор, мы все это обсудим позже. А сейчас я хочу увидеть папу.

– Ты представляешь, к каким последствиям может привести это открытие?

– Естественно! – резко бросила Виттория. – К росту доходов ЦЕРНа! Значительному росту. А сейчас я настаиваю...

– Теперь я понимаю, почему вы все держали в тайне, – гнул свое Колер, явно стараясь уязвить собеседницу. – Ты и твой отец опасались, что совет директоров потребует запатентовать вашу технологию.

– Она должна быть запатентована, – сердито ответила Виттория, понимая, что директору все же удалось втянуть ее в спор. – Технология производства антивещества – дело слишком серьезное и весьма опасное. Мы с отцом не спешили с сообщением, чтобы усовершенствовать процесс и сделать его более безопасным.

– Иными словами, вы не доверяли совету, опасаясь, что он пожертвует наукой во имя своей алчности?

Виттория была поражена тем, с каким равнодушием директор произнес эти слова.

– Имелись и другие мотивы, – сказала она. – Папа не торопился, желая представить свое открытие в самом лучшем свете.

– И что же это должно означать?

«Ты еще спрашиваешь, что это должно означать?» – подумала она, а вслух сказала:

– Вещество из энергии, нечто из ничего... Но ведь это, по существу, научно доказывает возможность акта Творения. Разве не так?

– Значит, он не хотел, чтобы религиозные последствия его открытия погибли под натиском коммерциализации?

– В некотором роде – да.

– А ты?

Виттория, как ни странно, придерживалась диаметрально противоположных взглядов. Коммерческая сторона вопроса имела решающее значение для успешного внедрения любого нового источника энергии. Хотя антивещество, как источник чистой энергии, обладало неограниченным потенциалом, преждевременное разглашение тайны грозило тем, что новый вид экологически чистой энергии пострадает от политики и враждебного пиара так, как до него ядерная и солнечная энергия. Ядерная энергия получила распространение до того, как стала безопасной, и в результате произошло несколько катастроф. Солнечная

энергия начала использоваться, еще не став экономически выгодной, и инвесторы потеряли большие деньги. В результате оба вида энергии имели скверную репутацию, и перспективы их применения были туманны.

– Мои задачи не столь грандиозны. Я вовсе не стремилась примирить науку и религию.

– Тобой больше двигала забота об окружающей среде? – высказал предположение Колер.

– Неисчерпаемый источник энергии. Никаких открытых выработок. Полное отсутствие радиации и иных видов загрязнения. Использование энергии антивещества могло бы спасти нашу планету...

– Или уничтожить, – саркастически фыркнул Колер. – Все зависит от того, кто станет ее использовать и с какой целью. Кто еще знает о вашем открытии? – спросил директор. От его слов, как и от всей его сторбленной фигуры, вдруг повеяло леденящим холодом.

– Никто, – ответила Виттория. – Я вам это уже говорила.

– В таком случае... почему ты полагаешь, что твой отец убит?

– Понятия не имею, – сказала девушка, напрягшись всем телом. – У него были враги здесь, в ЦЕРНе, и вы об этом знаете. Но это никак не было связано с антивеществом. Мы поклялись друг другу хранить открытие в тайне еще несколько месяцев. До тех пор, пока не будем готовы.

– И ты уверена, что твой отец хранил молчание?

Этот вопрос вывел Витторию из себя.

– Папа всегда хранил даже более суровые обеты, чем этот!

– А ты сама никому не проговорила?

– Конечно, нет!

Колер вздохнул и замолчал, словно для того, чтобы хорошенько продумать то, что собирался сказать.

– Допустим, что кто-то каким-то образом смог об этом узнать, – после довольно продолжительной паузы произнес он. – Допустим также, что этот неизвестный получил доступ в лабораторию. За чем, по твоему мнению, этот гипотетический взломщик мог охотиться? Не хранил ли твой отец здесь свои рабочие тетради или иные документы?

– Директор, я терпеливо отвечала на ваши вопросы и теперь хочу получить ответ на свои. Вы продолжаете твердить о возможном взломе, хотя сами видели наш сканер глазного дна. Мой отец чрезвычайно серьезно относился к вопросам безопасности и проявлял исключительную бдительность.

– Умоляю тебя, успокой мое сердце, – умоляющим голосом произнес Колер, ввергнув девушку в замешательство. – Что здесь могло пропасть?

– Представления не имею, – сердито ответила она, оглядывая лабораторию. Все образцы антивещества находились на своих местах. Рабочее место ее отца тоже не претерпело никаких изменений. – Сюда никто не входил, – наконец объявила Виттория. – Здесь, наверху, все находится в полном порядке.

– Наверху? – удивленно переспросил Колер.

– Да, в верхней лаборатории, – машинально произнесла девушка.

– Значит, вы пользовались и нижней лабораторией?!

– Да, но только как хранилищем.

Колер снова зашелся в кашле. Откашлявшись, он подкатился ближе к Виттории и просипел:

– Вы использовали камеру «Оп-Мат» для хранения? Хранения чего?

«Опасных материалов! Чего же еще?» – возмущенно подумала Виттория и ответила:

– Для хранения антивещества.

Колер от изумления даже приподнялся на подлокотниках кресла.

– Неужели существуют и другие образцы? Какого дьявола ты мне об этом не сказала?!

– Я собиралась сказать, но вы не дали мне этого сделать.

– Необходимо проверить эти образцы, – бросил Колер. – И немедленно!

– Образец, – поправила его Виттория. – В единственном экземпляре. И он, как я полагаю, в полном порядке. Никто не мог...

– Только один? – спросил директор. – А почему он не здесь?

– Отец хотел, чтобы этот образец на всякий случай хранился в скальных породах.

Просто он больше, чем все остальные...

Тревожные взгляды, которыми обменялись Колер и Лэнгдон, не ускользнули от внимания девушки.

– Вы создали образец, масса которого больше пятисот наногرامмов? – наезжая на Витторию креслом, спросил директор ЦЕРНа.

– Это было необходимо, – сказала она. – Требовалось доказать, что экономический порог затраты/выпуск может быть успешно преодолен.

Она знала, что соотношение финансовых затрат и объема полученной новой энергии является важнейшим фактором, влияющим на ее внедрение. Никто не станет возводить вышку ради добычи одного барреля нефти. Но если та же вышка при минимальных дополнительных затратах сможет выдать миллионы баррелей, за дело стоит взяться. Точно так же и с антивеществом. Работа шестнадцатимильного ускорителя для создания крошечного образца антиматерии требовала гораздо большей энергии, чем та, которую можно было получить от него. Для того чтобы доказать экономическую целесообразность производства и использования антивещества, требовалось создать образец с гораздо большей массой.

Отец вначале не решался создать большой образец, но потом все же уступил давлению дочери. Для того чтобы антивещество было воспринято серьезно, говорила она, необходимо доказать кое-что. Во-первых, возможность производства достаточного количества материала по умеренной цене, и, во-вторых, то, что этот материал можно безопасно хранить. В конце концов дочь победила, и отец неохотно поменял свою первоначальную, достаточно обоснованную точку зрения. Но одновременно он выдвинул весьма жесткие условия безопасности. Леонардо Ветра настоял на том, чтобы антивещество хранилось в камере для опасных материалов – в небольшом, вырубленном в коренном граните помещении на глубине семидесяти пяти футов от поверхности земли. Помимо этого, отец потребовал, чтобы об этом образце, кроме них двоих, не знал никто.

– Виттория, – напряженным голосом произнес Колер, – какого размера образец вам удалось создать?

Виттория помимо воли ощутила внутреннее удовлетворение. Она знала, что упоминание о массе полученного отцом и ею вещества способно сразить наповал даже самого великого Максимилиана Колера. Перед ее мысленным взором предстал хранящийся в недрах земли образец. Захватывающее зрелище! Свободно парящее внутри ловушки антивещество можно было увидеть невооруженным глазом. Капелька материи размером с дробинку, переливаясь муаром, танцевала в полном вакууме.

Виттория набрала полную грудь воздуха и выпалила:

– Ровно четверть грамма!

– Что?! – Кровь отлила от лица Колера, и у него снова начался приступ кашля. – Чет... Чет... Четверть грамма?! Это же эквивалентно почти... пяти килотоннам!

Килотонна! Виттория ненавидела это слово. Ни она, ни ее отец никогда им не пользовались. Килотонна была мерой энергии, которая выделялась при взрыве тысячи тонн тринитротолуола. Килотоннами измеряется мощность ядерного оружия. Отец и она измеряли энергию в электронвольтах и джоулях, и энергия, которую они создавали, была направлена на созидание.

– Но антивещество такой массы способно уничтожить буквально все в радиусе полумили! – воскликнул Колер.

– Да, если произойдет мгновенная аннигиляция, – согласилась Виттория. – Но этого никто не допустит.

– За исключением тех, у кого есть иные намерения. Или в том случае, если ваш источник питания даст сбой, – произнес Колер, направляя колеса своего кресла к лифту.

– Именно поэтому папа держал его в хранилище «Оп-Мат» с надежнейшей системой электропитания и более чем достаточной защитой.

– И вы поставили в «Оп-Мат» дополнительный запор? – с надеждой спросил Колер.

– Да. Еще одну систему сканирования сетчатки.

В ответ директор бросил всего лишь два слова:

– Вниз. Немедленно!

Грузовой лифт камнем падал в бездну.

Еще на семьдесят пять футов ближе к центру Земли.

Виттории казалось, что она физически ощущает страх, который испытывали оба мужчины. Лицо Колера, обычно лишённое всяких эмоций, на сей раз искажала гримаса ужаса. «Я знаю, – думала Виттория, – что образец очень велик, но те меры предосторожности, которые мы...»

Довести мысль до конца девушка не успела. Лифт замер на дне шахты. Двери кабины открылись, и Лэнгдон увидел перед собой вырубленный в камне коридор, заканчивающийся тяжелым стальным щитом. «Оп-Мат».

В стене рядом со стальным щитом, оказавшимся при ближайшем рассмотрении дверью, располагался сканер сетчатки, идентичный тому, который Лэнгдон видел наверху.

Виттория подошла к сканеру, приблизила глаз к выпуклой линзе, но тут же отпрянула. С прибором что-то случилось. Всегда безукоризненно чистый окуляр был чем-то забрызган... Мелкие пятна были похожи на... Запекшуюся кровь? Она в замешательстве повернулась к мужчинам и увидела их восковые лица. Колер и Лэнгдон были бледны как смерть, а их взгляды были устремлены вниз, ей под ноги.

Виттория проследила за ними...

– Не смотрите! – выкрикнул Лэнгдон и протянул к девушке руки.

Слишком поздно. Она уже увидела валяющийся на полу предмет. Этот предмет был для нее совершенно незнакомым и в то же время очень близким.

Уже через миг Виттория с ужасом поняла, что это такое. На нее с пола тарасилось, выброшенное, словно ненужный мусор, глазное яблоко. Эту карюю радужную оболочку она узнала бы при любых обстоятельствах.

Технический сотрудник службы безопасности старался не дышать, пока начальник, склонившись через его плечо, изучал изображения на мониторах.

Прошла минута. За ней еще одна.

В молчании начальника нет ничего удивительного, думал про себя техник. Командир всегда строго придерживается инструкции. Он ни за что не смог бы стать руководителем одной из лучших в мире служб безопасности, если бы говорил, предварительно не подумав.

Вот только интересно, о чем он сейчас думает?

Объект, который они рассматривали, был каким-то сосудом с прозрачными стенками. Определить это не составило никакого труда. Все остальное оказалось намного сложнее.

Внутри сосуда в воздухе парила капелька жидкого металла. Капля то возникала, то исчезала в мигающем свете дисплея, ведущего обратный отсчет секунд. При виде этих красных, неумолимо меняющихся цифр технику почему-то стало жутко.

Следуя указанию, молодой человек усилил яркость изображения. Командир сунул нос в экран, пытаясь рассмотреть нечто такое, что теперь стало видимым.

Техник проследил за взглядом начальника и тоже заметил на основании сосуда, совсем рядом с дисплеем, четыре буквы. Это было какое-то сокращение.

– Оставайтесь здесь, – сказал командир. – И никому ни слова. Я сам займусь этим делом.

Хранилище «Оп-Мат». Пятьдесят метров от поверхности земли.

Виттория Ветра пошатнулась и едва не упала на сканер сетчатки. Она не увидела, а скорее почувствовала, как американец бросился к ней и подхватил ее обмякшее тело, удержав от падения. А с пола на нее смотрел глаз отца. Девушке казалось, что воздух разрывает легкие. Они вырезали его глаз. Ее мир рухнул. За спиной что-то говорил Колер, а Лэнгдон куда-то ее вел. Вскоре она с удивлением обнаружила, что смотрит в глазок сканера. Все происходящее казалось ей дурным сном.

Аппарат подал сигнал, и стальная дверь бесшумно скользнула в стену.

Несмотря на весь ужас, который уже испытала Виттория при виде неотрывно смотревшего на нее глаза отца, она знала, что в камере ее ждет нечто еще более страшное. Взгляд, брошенный в глубину комнаты, подтвердил, что открывается новая глава этого кошмара. Одинокое зарядное устройство, на котором раньше покоилась ловушка, опустело.

Образец антивещества исчез. Они вырезали глаз папы, чтобы украсть его. Катастрофа разразилась слишком быстро и слишком неожиданно, чтобы оценить ее возможные последствия. Все пошло совсем не так, как рассчитывали они с отцом. Образец, призванный доказать, что антивещество совершенно безопасно и что его можно использовать как надежный источник дешевой энергии, исчез. Но ведь никто даже не знал о его существовании! Однако факт исчезновения отрицать было невозможно. Выходит, об их эксперименте кто-то все же знал. Но кто? Виттория не имела об этом ни малейшего представления. Даже директор Колер (а он знал обо всем, что творится в ЦЕРНе) был в полном неведении относительно их проекта.

Папа погиб. Пал жертвой своей гениальности.

Смерть отца повергла девушку в отчаяние, но в ее сердце постепенно начало закрадываться новое чувство. Как ни странно, но оно оказалось даже сильнее естественной печали, вызванной гибелью любимого человека. Это новое чувство многотонной тяжестью легло на ее плечи и придавило к земле. Виттории казалось, что в ее сердце всадили кинжал. Она испытывала всепоглощающее чувство вины. Ведь это она убедила отца вопреки его первоначальному желанию создать образец с большой массой. И из-за этого образца его убили!

Четверть грамма...

Всякое новое техническое достижение, будь то появление огня, изобретение пороха или двигателя внутреннего сгорания, могло служить как делу добра, так и делу зла. Все зависит от того, в чьи руки оно попадет. Все новые изобретения, оказавшись в плохих руках, могут сеять смерть. А антивещество способно превратиться в самое смертоносное оружие в человеческом арсенале. От этого оружия нет защиты. Похищенная в ЦЕРНе ловушка начала отсчет времени в тот момент, когда ее сняли с зарядной консоли. Перед мысленным взором Виттории возник образ катящегося под гору поезда, у которого отказали тормоза...

А когда время истечет...

Ослепительная вспышка. Громовой раскат. Многочисленные спонтанные возгорания. Вспышка... и кратер. Пустой, лишенный всякой жизни кратер.

Мысль о том, что гений ее отца может быть использован как инструмент разрушения, вызывала боль. Антивещество – абсолютное оружие террора. В похищенной ловушке нет

металлических частей, и металлодетектор против нее бессилён. В ней нет химических элементов, запах которых мог бы привлечь внимание разыскных собак. У нее нет запаха, который можно было бы обезвредить в том случае, если правоохранительные органы обнаружат ловушку.

Итак, время пошло...

Лэнгдон не знал, что еще можно сделать. Он извлек из кармана носовой платок и прикрыл им валяющееся на полу глазное яблоко Леонардо Ветра. Виттория стояла у дверей камеры «Оп-Мат» с выражением горя и растерянности на лице. Лэнгдон инстинктивно направился к девушке, но его опередил Колер.

– Мистер Лэнгдон... – Директор знаком подозвал его к себе. Лэнгдон неохотно повиновался, оставив находившуюся на грани паники Витторию в дверях.

– Вы – эксперт, – прошептал Колер, как только американец подошел к нему достаточно близко. – Мне необходимо знать, как эти мерзавцы иллюминаты намерены использовать антивещество.

Лэнгдон попытался сосредоточиться. Несмотря на творившееся вокруг него безумие, он все же старался мыслить логично. Ученый в нем не мог согласиться с допущением Колера. Допущением ненаучным и потому совершенно неприемлемым.

– Братство «Иллюмината» прекратило существование, мистер Колер, и я продолжаю придерживаться этой точки зрения. Преступление мог совершить кто угодно. Убить мистера Ветра мог даже сотрудник ЦЕРНа, который, узнав об открытии, счел его слишком опасным для человечества.

Слова американца потрясли Колера.

– Неужели вы действительно верите в то, что это убийство, если можно так выразиться, – преступление совести? Полнейший абсурд! Тот, кто убил Леонардо, сделал это, чтобы заполучить антивещество. И у меня нет сомнений в том, что антиматерия понадобилась преступникам для осуществления каких-то планов.

– Терроризм?

– Вне всякого сомнения.

– Но иллюминаты никогда не были террористами.

– Расскажите об этом Леонардо Ветра.

Как ни больно было Лэнгдону это слышать, но Колер был прав. Ветра действительно был заклеен символом братства «Иллюмината». Как вообще могло появиться здесь это священное клеймо? Предположение о том, что его специально подделали, чтобы пустить следствие по ложному следу, было совершенно абсурдным и не выдерживало ни малейшей критики. Следовало искать иное объяснение.

Лэнгдон еще раз обдумал невозможное. Если иллюминаты до сих пор существуют и если антивещество похищено ими, то что они могут замышлять? Что или кто может послужить мишенью для террористического акта?

Мозг ученого выдал ответ мгновенно. Но сам Лэнгдон так же быстро отмел подобную возможность. Да, братство «Иллюмината» имело смертельного врага, но сколько-нибудь масштабный террористический акт против него со стороны иллюминатов был невозможен. Это было совершенно не в духе братства. Да, иллюминаты, случалось, убивали людей. Но их целью становились отдельные личности, и каждый раз жертва тщательно выбиралась. Массовое убийство представлялось им невозможным. Но с другой стороны... Лэнгдон

задумался. Но с другой стороны, что может убедительнее доказать величие науки, чем превращение буквально в ничто ее извечного врага с помощью новейшего научного достижения...

Разум Лэнгдона отказывался принять эту нелепую идею.

Но тут его осенило.

– Помимо терроризма, имеется еще одно логическое объяснение этого поступка... – сказал он.

Колер, ожидая ответа, поднял на него вопросительный взгляд.

Лэнгдон попытался до конца осмыслить пришедшую ему в голову идею. Братство «Иллюмината» для достижения своих целей постоянно пользовалось имеющимися в его распоряжении огромными финансовыми средствами. Иллюминаты контролировали банки, хранили несметные сокровища в золотых слитках и драгоценных камнях. Ходили слухи, что они владеют самым большим алмазом на Земле – так называемым «Ромбом иллюмината». Камня никто не видел, но считалось, что это безукоризненной чистоты бриллиант гигантских размеров.

– Деньги, – сказал Лэнгдон. – Антивещество могло быть похищено исключительно из финансовых соображений.

– Финансовых соображений? – недоуменно переспросил Колер. – Кому, черт побери, можно с выгодой загнать каплю антивещества?

– Речь идет не об образце, – пояснил свою мысль Лэнгдон. – Похитителей интересует технология. Технология производства антиматерии может стоить баснословных денег. Может быть, ловушку похитили для того, чтобы провести анализы и наладить опытно-конструкторские работы?

– Если вы хотите сказать, что мы столкнулись со случаем обычного промышленного шпионажа, то я не могу с вами согласиться. Аккумуляторы за двадцать четыре часа полностью сядут, и исследователи взлетят на воздух или испарятся, если хотите, прежде чем успеют что-либо выяснить.

– До взрыва они смогут подзарядить ловушку, соорудив устройство наподобие тех, что имеются в ЦЕРНе.

– За двадцать четыре часа?! – изумился Колер. – На создание такого аппарата им потребовались бы не часы, а месяцы, даже в том случае, если бы они получили в свои руки все рабочие чертежи!

– Директор прав, – едва слышно произнесла Виттория.

Услышав ее голос, оба мужчины повернулись. Девушка шла к ним, и ее походка сказала им даже больше, чем ее слова.

– Он прав. Никто не успеет за сутки воссоздать зарядное устройство. Лишь на компьютерные расчеты у них уйдет не одна неделя. Параметры фильтров, сервоприводов, составление специальных сплавов, калибровка... За двадцать четыре часа сделать это невозможно.

Лэнгдон нахмурился, поняв, что оба ученых правы. Ловушка антивещества – вовсе не тот прибор, который можно подзарядить, воткнув вилку в электрическую розетку. Покинув стены ЦЕРНа, ловушка попала на улицу с односторонним движением. И она будет двигаться по ней, чтобы ровно через двадцать четыре часа превратиться в море огненной энергии.

Из этого можно было сделать единственный и весьма неутешительный вывод.

– Надо позвонить в Интерпол, – сказала Виттория и услышала свои собственные слова

как бы издалека. – Нам следует немедленно поставить в известность власти.

– Ни в коем случае! – решительно качнув головой, бросил Колер.

Слова директора озадачили девушку.

– Нет? Но почему?

– Из-за тебя и твоего отца я оказался в весьма сложном положении.

– Директор, нам требуется помощь. Необходимо найти и вернуть на место ловушку, пока никто не пострадал. На нас лежит огромная ответственность.

– Прежде всего нам следует хорошенько подумать, – жестко произнес Колер. – Все это может иметь весьма и весьма серьезные последствия для ЦЕРНа, ответственность за который целиком лежит на моих плечах.

– Вас тревожит репутация ЦЕРНа? Вы представляете, какой ущерб может причинить антивещество, взорвавшись в густонаселенных городских кварталах? Все будет уничтожено в радиусе примерно половины мили! Девять городских кварталов!

– Видимо, тебе и твоему отцу, прежде чем затевать эксперимент с крупным образцом, следовало принять это во внимание.

Виттории показалось, что ее ударили в солнечное сплетение.

– Но... но... Но мы приняли все меры предосторожности.

– Похоже, этого оказалось недостаточно.

– Но никто не знал о существовании антивещества, – сказала она, тут же поняв, что сморозила глупость. Конечно, кто-то о нем знал, каким-то образом сумел пронюхать.

Сама она об эксперименте никому не рассказывала. Это оставляло лишь две возможности. Либо отец проговорился об антивеществе, либо за ними велась слежка. Первое вряд ли было возможно, поскольку именно отец заставил ее дать клятву хранить тайну. Оставалось второе. Может быть, прослушивались их мобильные телефоны? Находясь в путешествии, она несколько раз беседовала с отцом по сотовому... Неужели они тогда сказали что-то лишнее? Вполне возможно. Оставалась еще и электронная почта. Но они старались не писать ничего такого, что могло бы раскрыть суть эксперимента. Может быть, тайное наблюдение за ними организовала служба безопасности ЦЕРНа? Впрочем, это уже не имело никакого значения. Что сделано, то сделано. И отец умер.

Эта мысль заставила девушку вернуться к активным действиям, и она достала из кармана шортов сотовый телефон.

Колер, закашлявшись, покатил к ней. Глаза директора пылали гневом.

– Кому... кому ты звонишь?

– Пока на коммутатор ЦЕРНа. Они соединят меня с Интерполом.

– Думай, прежде чем делать!!! – взвизгнул Колер, задыхаясь от приступа кашля. – Откуда у тебя такая наивность? Ловушка может находиться в любой части земного шара. Никакая разведывательная организация в мире не сможет мобилизовать достаточно сил, чтобы вовремя ее обнаружить.

– И мы, следовательно, не должны ничего предпринимать? – спросила Виттория.

Ей не хотелось возражать человеку со столь хрупким здоровьем, но директор вел себя настолько неадекватно, что она просто перестала его понимать.

– Мы должны предпринять то, что имеет смысл, – ответил Колер. – Мы не можем ставить под удар репутацию ЦЕРНа, привлекая к нему внимание властей, которые ничем не могут помочь. Время для этого еще не настало. Прежде надо все хорошенько обдумать.

Виттория понимала, что в словах директора имеется определенная логика, но она также

знала, что в этой логике, по определению, отсутствует малейший намек на моральную ответственность. Ее отец всегда жил с чувством моральной ответственности. Он стремился к безопасности науки, ее открытости и свято верил в добрые намерения других людей. Виттория разделяла убеждения отца, но судила о людях с точки зрения учения о карме. Отвернувшись от Колера, она открыла свой телефон.

– Тебе не удастся это сделать, – спокойно констатировал директор.

– Попробуйте мне помешать.

Колер продолжал неподвижно сидеть в своем инвалидном кресле.

Лишь через несколько секунд Виттория поняла, чем объясняется невозмутимость директора. Из глубокого подземелья звонить по сотовому телефону было невозможно.

Девушка залилась краской и, задыхаясь от негодования, направилась к лифту.

Ассасин стоял в конце каменного тоннеля. В его руке все еще ярко пылал факел, и запах дыма смешивался с запахами плесени и застоялого воздуха. Вокруг него царила полная тишина. Находившаяся на его пути железная дверь казалась такой же древней, как и сам тоннель. Ржавая, но по-прежнему крепкая. Ассасин ждал, зная, что его не обманут.

Назначенное время неумолимо приближалось.

Янус обещал, что некто, находящийся внутри, откроет ему дверь. Ассасина восхищало это предательство. Для того чтобы выполнить свою задачу, убийца готов был ждать хоть до утра, но чувствовал, что этого не потребуется. Он работал на людей решительных и с железными нервами.

Через несколько минут, в точно оговоренное время, за дверями послышался звон тяжелых ключей. Старинные замки открывались с металлическим скрежетом. Три огромные щеколды одна за другой со скрипом отодвинулись в сторону. Создавалось впечатление, что до замков не дотрагивались уже несколько столетий.

После этого наступила тишина.

Ассасин, как ему было сказано, выждал пять минут, а затем, ощущая наэлектризованность во всем теле, распахнул огромную дверь.

– Виттория, я запрещаю тебе! – задыхаясь, произнес Колер. По мере того как лифт поднимался, состояние директора становилось все хуже.

Виттория заставила себя не думать о нем. Девушка искала убежища, искала чего-то родного в этом месте, которое, она знала, уже никогда не будет для нее домом. Она понимала, что не имеет права возводить барьер между собой и действительностью. Сейчас она должна сделать все, чтобы подавить свою боль и начать действовать. Звонить по телефону.

Роберт Лэнгдон стоял рядом с ней и, как обычно, молчал. Виттории надоело гадать о том, кто такой этот человек. Крупный специалист из Соединенных Штатов. Она запомнила слова Колера: «Мистер Лэнгдон поможет нам найти убийц твоего отца».

Пока Лэнгдон ничем им не помог. Этот специалист из США, без сомнения, человек добрый и заботливый, но в то же время он что-то скрывает. Они оба что-то от нее скрывают.

Виттория сняла ментальную блокировку и снова услышала слова Колера:

– На мне как на директоре ЦЕРНа лежит ответственность за будущее науки. Если это событие твоими стараниями разрастется в международный скандал и ЦЕРН понесет урон...

– Будущее науки? – прервала речь директора Виттория. – Неужели вы и вправду надеетесь избежать ответственности, отказавшись признать, что антивещество родилось в ЦЕРНе? Неужели вам безразлична судьба людей, жизнь которых мы поставили под угрозу?!

– Не мы... – в свою очередь, оборвал ее Колер, – ...а вы. Ты и твой отец.

Виттория отвернулась, не зная, что на это ответить.

– Что же касается твоих слов о жизни людей, то я тебе вот что скажу, – продолжал Колер. – Я как раз и забочусь об их жизни. Тебе лучше, чем кому-либо, известно, что производство антивещества может радикально изменить жизнь на нашей планете. Если ЦЕРН рухнет, раздавленный этим скандалом, пострадают все. Будущее человечества находится в руках учреждений, подобных ЦЕРНу, ученых вроде тебя и твоего отца. В руках всех тех, кто посвятил свою жизнь решению проблем будущего.

Виттории и раньше доводилось слышать лекции Колера, в которых тот обожествлял науку. Однако она никогда не соглашалась с их главным тезисом, полагая, что наука сама породила половину тех проблем, которые ей приходится решать. «Прогресс», по ее мнению, был той раковой опухолью, которая угрожала самому существованию матери Земли.

– Каждое научное открытие таит в себе определенный риск, – не умолкал Колер. – Так было всегда, так будет и впредь. Исследование космоса, генетика, медицина... Во всех областях знаний ученые совершали ошибки. Наука должна уметь любой ценой справляться с постигшими ее неудачами. Во имя всеобщего блага.

Витторию всегда поражала способность Колера жертвовать этическими принципами ради успехов науки. Создавалось впечатление, что его интеллект и душа отделены друг от друга бескрайним ледяным простором...

– Если верить вашим словам, то ЦЕРН настолько необходим человечеству, что никогда и ни при каких обстоятельствах не должен нести моральной ответственности за свои ошибки.

– Я бы на твоём месте прикусил язык. Не надо толковать мне о морали. У тебя на это нет морального права. Разве не ты с отцом нарушила все этические нормы, создав этот образец и тем самым поставив под угрозу существование ЦЕРНа? Я же пытаюсь спасти не

только место работы трех тысяч ученых, включая тебя, но и репутацию твоего отца. Подумай о нем. Человек, подобный твоему отцу, не заслуживает того, чтобы его запомнили только как создателя оружия массового уничтожения.

Последние слова достигли цели. «Это я убедила папу получить образец, – подумала она. – И только я во всем виновата».

Когда дверь лифта открылась, Колер все еще продолжал говорить. Виттория вышла из кабины, достала телефон и попыталась позвонить.

Аппарат молчал. Она направилась к дверям.

– Виттория, стой! – Астматик едва успевал за девушкой. – Подожди. Нам надо поговорить.

– Basta di parlare!^[32]

– Вспомни об отце! Что бы он сделал на твоем месте?

Она продолжала идти, не замедляя шага.

– Виттория, я был не до конца искренен с тобой.

Ее ноги самопроизвольно замедлили движение.

– Не знаю, почему я так поступил, – продолжал, задыхаясь, директор. – Видимо, чтобы не травмировать тебя еще сильнее. Скажи мне, чего ты хочешь, и мы будем работать вместе.

Виттория остановилась в центре лаборатории и, не поворачивая головы, бросила:

– Я хочу вернуть антивещество. И хочу узнать, кто убил папу.

– Прости, Виттория, – вздохнул Колер, – нам уже известно, кто убил твоего отца.

– Что? Что? – спросила она, повернувшись к нему лицом.

– Я не знал, как тебе это сказать... Это так трудно...

– Вы знаете, кто убил папу?

– Да, у нас имеются достаточно обоснованные предположения на сей счет. Убийца оставил своего рода визитную карточку. Именно поэтому я и пригласил мистера Лэнгдона. Он специализируется на организации, которая взяла на себя ответственность за это преступление.

– Организация? Группа террористов?

– Виттория, они похитили четверть грамма антивещества.

Виттория посмотрела на стоящего в дверях Лэнгдона, и все встало на свои места. Это частично объясняло повышенную секретность. Удивительно, что она не сообразила этого раньше! Колер все-таки обратился к властям. И при этом к наиболее компетентным из них. Теперь это стало для нее совершенно очевидным. Роберт Лэнгдон был типичным американцем – подтянутым, судя по одежде, консервативным во вкусах и привычках и, без сомнения, обладавшим острым умом. Конечно, он работает в спецслужбах. Где же еще? Об этом следовало бы догадаться с самого начала. У Виттории снова появилась надежда, и, обратившись к секретному агенту, девушка сказала:

– Мистер Лэнгдон, я хочу знать, кто убил моего отца. Кроме того, мне хотелось бы услышать, как ваше агентство намерено найти антивещество.

– Мое агентство? – несколько растерянно переспросил американец.

– Ведь вы же, как я полагаю, служите в разведке Соединенных Штатов?

– Вообще-то... не совсем...

– Мистер Лэнгдон, – вмешался Колер, – преподает историю искусств в Гарвардском университете.

Виттории показалось, что на нее вылили ведро ледяной воды.

– Так, значит, вы преподаватель изящных искусств?

– Он специалист в области религиозной символики, – со вздохом произнес Колер. – Мы полагаем, что твой отец, Виттория, был убит адептами сатанинского культа.

Виттория услышала эти слова, но воспринять их умом она не смогла. Что еще за «сатанинский культ»?!

– Группа лиц, принявших на себя ответственность за убийство твоего отца, именуется себя иллюминатами.

Виттория посмотрела на Колера, затем перевела взгляд на Лэнгдона. Ей казалось, что слова директора – какая-то извращенная шутка.

– Иллюминаты? – не веря своим ушам, спросила она. – Совсем как в «Баварских иллюминатах»?!

– Так ты знаешь о них? – спросил потрясенный ее словами Колер.

Виттория почувствовала, что из ее глаз вот-вот хлынут слезы отчаяния.

– «Баварские иллюминаты и Новый мировой порядок», – произнесла она упавшим голосом и пояснила: – Компьютерная игра, придуманная Стивом Джексоном. Половина наших технарей играют в нее по Интернету. – Голос ее снова дрогнул. – Но я не понимаю...

Колер бросил на Лэнгдона растерянный взгляд.

– Весьма популярная забава, – кивая, сказал тот. – Древнее сообщество пытается покорить мир. Я не знал, что эта имеющая некоторое отношение к реальной истории игра уже добралась до Европы.

Виттория не могла поверить своим ушам.

– О чем вы говорите? Какие иллюминаты? Ведь это же всего-навсего компьютерная игра! – повторила девушка.

– Виттория, – сказал Колер, – сообщество, именуемое себя «Иллюмината», взяло на себя ответственность за убийство твоего отца.

Виттории потребовались все ее мужество и воля, чтобы не дать слезам вырваться наружу. Она взяла себя в руки и попыталась мыслить логично, чтобы лучше оценить ситуацию. Но чем больше Виттория думала, тем меньше понимала. Ее отца убили. Существование ЦЕРНа поставлено под угрозу. Секундомер мощнейшей бомбы замедленного действия уже ведет обратный отсчет. И вся ответственность за создание этой неизвестно где находящейся бомбы лежит на ней. А директор приглашает специалиста по изящным искусствам, чтобы разыскать с его помощью каких-то мифических сатанистов.

Виттория вдруг ощутила себя страшно одинокой. Она повернулась, чтобы уйти, но на ее пути оказалось инвалидное кресло с сидевшим в нем Колером. Директор полез в карман, извлек из него смятый листок бумаги и протянул его Виттории.

При взгляде на него девушку охватил ужас.

– Они заклеили его, – прошептал Колер. – Они выжгли клеймо на груди твоего отца.

Секретарь Колера Сильвия Боделок, пребывая в полнейшей панике, мерила шагами приемную перед пустым кабинетом шефа. Куда, к дьяволу, он подевался? И что, спрашивается, ей делать?!

День выдался на удивление нелепым и суматошным. Впрочем, давно работая с Максимилианом Колером, Сильвия знала, что каждый новый день может стать странным и полным неожиданностей. Однако сегодня директор превзошел самого себя.

– Отыщите для меня Леонардо Ветра! – потребовал Колер утром, как только она появилась на работе.

Повинуясь приказу, Сильвия звонила по телефону, слала сообщения на пейджер и даже отправила письмо по электронной почте.

Бесполезно.

Поэтому Колер покинул кабинет и, видимо, лично отправился на поиски неуловимого физика. Когда директор вернулся – а это произошло через несколько часов, – он выглядел довольно скверно. Вообще-то Колер никогда хорошо не выглядел, но на сей раз он был совсем плох. Директор уединился в своем кабинете, и она слышала, как он включал модем, факс и говорил по телефону. Затем босс снова укатил куда-то и с тех пор не появлялся.

Поначалу Сильвия решила не обращать внимания на выкрутасы шефа, посчитав их очередным спектаклем, но когда Колер не появился, чтобы сделать ежедневную инъекцию, она начала беспокоиться по-настоящему. Физическое состояние директора требовало постоянного внимания, а когда он решал испытать судьбу, все заканчивалось спазмами дыхательных путей, приступами кашля и безумной суетой медицинского персонала.

Она хотела послать ему напоминание на пейджер, но, вспомнив, что самолюбие босса не выносит никаких проявлений милосердия, отказалась от этой идеи. Когда на прошлой неделе какой-то ученый из числа гостей ЦЕРНа выразил директору неуместное сочувствие, тот поднялся на ноги и запустил в беднягу тяжелым пюпитром для блокнота. «Кайзер» Колер становился необычайно оживленным, когда был *pisse*.^[33]

Однако состояние здоровья директора отошло на второй план, так как перед Сильвией неожиданно возникла новая требующая немедленного решения проблема. Пять минут назад ей позвонили с телефонного коммутатора ЦЕРНа и, заикаясь от волнения, сообщили, что ее босса срочно просят к телефону.

– В данный момент его нет на месте, – ответила Сильвия.

После этого телефонистка сообщила ей, кто звонит.

– Вы, наверное, издеваетесь? – громко расхохоталась Сильвия, однако, услышав ответ, сразу стала серьезной, хотя на ее лице осталось выражение некоторого недоверия. – Вы получили подтверждение, что это именно тот человек? Понятно. О'кей. Не могли бы спросить, в чем... Впрочем, не надо, – тут же добавила она со вздохом. – Лучше попросите его подождать у телефона. Постараюсь немедленно найти директора. Да, понимаю. Буду действовать как можно оперативнее.

Но Сильвия не смогла напасть на след директора. Она трижды вызывала его по сотовому телефону, но каждый раз слышала один и тот же ответ: «Абонент, с которым вы пытаетесь связаться, находится вне зоны досягаемости».

Вне зоны досягаемости? Как далеко он мог укатить?

Сильвия дважды обращалась к пейджеру. Безрезультатно. Совсем на него не похоже. Она даже послала на его мобильный компьютер сообщение по электронной почте, но никакой реакции не последовало. Создавалось впечатление, что этот человек вообще исчез с лица земли.

«Итак, что же мне теперь делать?» – спрашивала она себя.

В распоряжении Сильвии оставался еще один способ привлечь внимание директора, а если и он не сработает, то придется, видимо, обыскивать весь комплекс зданий ЦЕРНа. Наверное, ее действия не понравятся директору, но человека на линии нельзя заставлять ждать. Кроме того, у нее сложилось впечатление, что звонивший был вовсе не в том настроении, чтобы выслушивать сообщения о пропаже главы ЦЕРНа.

Наконец секретарша приняла решение. Подивившись собственной смелости, она открыла дверь в кабинет Колера, подошла к металлической коробке, укрепленной на стене за его письменным столом, и подняла крышку. Внимательно изучив содержимое коробки, Сильвия выбрала нужную кнопку, глубоко вздохнула и взяла в руки микрофон.

Виттория не помнила, как они подошли к главному лифту. Как бы то ни было, но лифт уже поднимал их наверх. За спиной она слышала тяжелое, прерывистое дыхание Колера. Девушка поймала на себе сочувственный взгляд Лэнгдона. За пару минут до этого он взял у нее листок, сложил его и сунул в карман пиджака. Несмотря на это, образ мертвого отца огнем жег ее сердце.

Мир вокруг Виттории вращался в каком-то черном водовороте. Папа! Усилием воли она заставила себя увидеть его живым и здоровым. Через какую-то долю секунды она оказалась вместе с ним в оазисе своей памяти. Она видела себя девятилетней девочкой. Эта девочка скатывалась по поросшему эдельвейсами склону холма, и голубое швейцарское небо вращалось у нее над головой.

Папа! Папа!

Лучший счастием Леонардо Ветра был, как всегда, рядом.

– Что, мой ангел? – с улыбкой спросил он.

– Папа! – хихикнула девочка, уткнувшись в отца носом. – Спроси меня, что такое материя?

– Но тебе и без этого хорошо, дорогая. Зачем мне спрашивать у тебя о какой-то материи?

– Ну спроси, пожалуйста.

– Что такое материя? – спросил отец, пожимая плечами.

Услышав вопрос, она звонко расхохоталась.

– Все на свете! Вот что такое материя! Скалы! Деревья! Атомы! Даже муравьеды! Все, что есть на свете, – материя!

– Ты сама это придумала? – рассмеялся он.

– А что, разве не правда?

– Мой маленький Эйнштейн.

– У него глупая прическа, – очень серьезно произнесла девочка. – Я видела на картинке.

– Зато голова умная. Я, кажется, рассказывал тебе, что ему удалось доказать?

– Нет, пап, нет! – Ее глаза округлились от священного трепета, который она в тот момент испытывала. – Ты только обещал!

– Эйнштейн доказал, что энергия равна массе, умноженной на квадрат скорости света, – сказал Леонардо и, пощекотав дочку, произнес: – $E = MC^2$.

– Только без математики! Я же говорила тебе, что ненавижу ее!

– Я страшно рад, что ты ее так ненавидишь. Дело в том, что девочкам запрещено заниматься математикой.

– Запрещено?! – замерла Виттория.

– Ну конечно. Все об этом знают. Девочкам положено играть в куклы, а математикой разрешено заниматься только мальчикам. Никакой математики для девчонок! Я даже не имею права разговаривать с маленькими девочками о математике.

– Что?! Но это же несправедливо!

– Порядок есть порядок. Математика не для девочек!

– Но куклы – это же такая скука! – с ужасом прошептала Виттория.

– Очень жаль, но ничего не поделаешь, – сказал отец и после паузы добавил: – Я, конечно, мог бы рассказать тебе кое-что о математике, но если меня схватят... – Леонардо

испуганно огляделся по сторонам.

Проследив за его взглядом, Виттория прошептала:

– Ты будешь рассказывать мне о математике совсем потихоньку.

Движение лифта вернуло ее к действительности. Виттория открыла глаза. Отец ушел.

Реальный мир снова схватил ее за горло ледяной рукой. Девушка посмотрела на Лэнгдона. Взгляд американца излучал тепло и неподдельное сочувствие, что делало его похожим на ангела-хранителя. Его присутствие согревало, в отличие от того поистине арктического холода, которое исходило от Колера.

В голове у Виттории бился всего один вопрос: *где антивещество?*

Она не знала, что от страшного ответа ее отделяет всего лишь несколько секунд.

– Максимилиан Колер, вас убедительно просят немедленно позвонить в свой кабинет.

Когда двери кабины лифта открылись, в глаза Лэнгдона брызнули яркие солнечные лучи. Лифт доставил их в атрий^[34] главного здания. Еще не успело смолкнуть эхо объявления по внутренней связи, как все электронные приборы, вмонтированные в кресло Колера, дружно запищали, зазвенели и зачирикали. Пейджер. Телефон. Электронная почта. Колер опустил изумленный взгляд на россыпь мигающих огоньков на пульте управления кресла. Поднявшись на поверхность, он снова оказался в зоне действия всех приборов связи.

– Директор Колер, немедленно позвоните в свой кабинет!

Его собственное имя, произнесенное по системе общей связи, звучало для уха директора крайне непривычно.

Он злобно осмотрелся по сторонам, но уже через мгновение выражение ярости сменилось озабоченностью. Лэнгдон, Колер и Виттория встретились взглядами и замерли. Им показалось, что все противоречия разом исчезли, а на смену им явилось объединяющее их предчувствие неизбежной катастрофы.

Колер снял с подлокотника кресла телефонную трубку и, борясь с очередным приступом кашля, набрал номер. Виттория и Лэнгдон ждали, что произойдет дальше.

– Говорит... директор Колер, – задыхаясь, прошептал он. – Да? Я находился под землей, вне зоны действия приборов связи.

Директор слушал собеседника, и его глаза все больше и больше округлялись от изумления.

– Кто?! Да, немедленно соедините его со мной, – распорядился он и после недолгой паузы продолжил: – Алло? Да, это Максимилиан Колер. Да, я – директор ЦЕРНа. С кем имею честь говорить?

Директор слушал, а Лэнгдон и Виттория молча смотрели на него, томясь в неведении.

– Полагаю, что неразумно обсуждать этот вопрос по телефону, – наконец произнес Колер. – Я прибуду к вам незамедлительно... – Он снова закашлялся. – Встречайте меня... в аэропорту Леонардо да Винчи^[35] через... сорок минут.

Лэнгдону показалось, что директор совсем перестал дышать. Зайдясь в приступе кашля, он, задыхаясь и заливаясь слезами, выдавил:

– Немедленно найдите сосуд... я лечу к вам.

С этими словами он выронил трубку.

Девушка подбежала к Колеру, но тот уже не мог говорить. Лэнгдон наблюдал за тем, как Виттория, достав свой мобильный телефон, звонила в медицинскую службу ЦЕРНа. Лэнгдон ощущал себя кораблем, находящимся на периферии урагана. Корабль качало, но настоящий шквал еще не налетел.

«Встречайте меня в аэропорту Леонардо да Винчи», – неумолчным эхом звучали в его ушах слова Колера.

Бесформенные тени, все утро витавшие в голове Лэнгдона, в одно мгновение приобрели осязаемые формы. Ему показалось, что в душе его распахнулась какая-то незримая дверь, а сам он только что переступил через таинственный порог. Амбиграмма. Убийство священника-ученого. Антивещество. И теперь... цель. Упоминание аэропорта Леонардо да Винчи могло означать лишь одно... В этот момент просветления Лэнгдон понял, что

перешел через Рубикон. Он поверил.

Пять килотонн. Да будет свет.

В атрии появились двое медиков в белых халатах. Эскулапы подбежали к Колеру, и один из них надел на директора кислородную маску. Толпившиеся вокруг кресла ученые отошли на почтительное расстояние.

Колер сделал два длинных, глубоких вдоха, сдвинул маску в сторону, посмотрел на Лэнгдона и, все еще хватая воздух широко открытым ртом, прошептал:

– Рим...

– Рим? – спросила Виттория. – Значит, антивещество в Риме? Кто звонил?

Лицо Колера исказила гримаса боли, из серых глаз покатались слезы.

– Швейцарск... – выдавил он, задыхаясь, и закатился в страшном приступе кашля. Медики вернули кислородную маску на место. Когда они уже готовились увозить директора, тот схватил Лэнгдона за рукав.

Лэнгдон утвердительно кивнул. Он знал, что хочет сказать больной.

– Летите... – глухо прозвучало из-под маски. – Летите... Сообщите мне...

Медики бегом покатали коляску.

Виттория стояла как вкопанная, не сводя глаз с удаляющегося директора. Затем, повернувшись к Лэнгдону, она спросила:

– Рим? Но... почему он упомянул Швейцарию?

Лэнгдон положил руку ей на плечо и едва слышно прошептал:

– Швейцарская гвардия. Верная стража Ватикана.

Стратоплан «Боинг Х-33» с ревом взмыл в небо и, описав высокую дугу, помчался на юг в направлении Рима. Лэнгдон сидел в полном молчании. Последние пятнадцать минут он находился словно в тумане. Лишь сейчас, закончив рассказывать Виттории об иллюминатах и их заговоре против Ватикана, он до конца понял масштаб и значение происходящих событий.

«Что я делаю, дьявол меня побери?! – спрашивал себя Лэнгдон. – Следовало сбежать, пока у меня имелась такая возможность!» Впрочем, в глубине души он прекрасно понимал, что такой возможности у него никогда не было.

Его здравый смысл громко протестовал, требуя немедленно вернуться в Бостон. Однако любопытство ученого оказалось сильнее, чем призывы к благоразумию. Его многолетнее убеждение в том, что деятельность братства «Иллюмината» сошла на нет, похоже, в одно мгновение обратилось в прах. Но какая-то часть его разума требовала подтверждения. Требовала доказательств. Кроме того, в нем говорила и элементарная совесть. Колер тяжело болен, и Виттория осталась в одиночестве. Если накопленные им за многие годы познания способны помочь, то моральный долг требует, чтобы он летел в Рим.

В Рим его звали еще и нечто иное, то, в чем Лэнгдон стыдился признаться самому себе. Ужас, который он испытал, узнав о местонахождении антивещества, объяснялся беспокойством даже не столько за жизнь многих людей, сколько за судьбу сокровищ искусства, хранившихся в Ватикане.

Крупнейшая коллекция мировых шедевров в буквальном смысле слова находилась на бочке с порохом. 1400 залов и 20 двориков-музеев Ватикана хранили более 60 000 произведений искусства. Среди них творения древних мастеров, работы Джованни Беллини, Микеланджело, Леонардо да Винчи, Боттичелли, скульптуры Бернини. В Ватикане находятся такие памятники архитектуры, как собор Святого Петра и Сикстинская капелла.

А во что можно оценить созданную гением Микеланджело знаменитую спиральную лестницу, ведущую в музей Ватикана?

Интересно, сколько еще продержится магнитное поле в ловушке?

– Благодарю вас за то, что вы согласились прилететь в Европу, – негромко произнесла Виттория.

Лэнгдон покинул мир видений. Виттория сидела на другой стороне прохода, разделяющего ряды кресел. Даже в холодном свете неоновых ламп нельзя было не заметить окружающую ее ауру спокойствия и притягательность ее натуры. Девушка дышала глубоко и ровно, к ней полностью вернулось самообладание, и, движимая дочерней любовью, она теперь стремилась лишь к возмездию и восстановлению справедливости.

У Виттории не было времени сменить шорты и топик на что-то более солидное, и в прохладном воздухе кабины ее загорелые ноги покрылись гусиной кожей. Лэнгдон, не раздумывая, снял пиджак и предложил его девушке.

– Американское рыцарство? – произнесла она, ответив на его заботу благодарной улыбкой.

Самолет попал в зону турбулентности, и его настолько сильно тряхнуло, что Лэнгдон даже испугался. Лишенная окон кабина снова показалась ему слишком тесной, и он попытался представить себя гуляющим по широкому полю. Какая ирония, подумал он. Ведь

когда все это произошло, он как раз находился на открытом пространстве. Всепоглощающая тьма. Он прогнал нахлынувшие было воспоминания. Все это ушло в прошлое. Стало достоянием истории.

– Вы верите в Бога, мистер Лэнгдон? – внимательно глядя на него, спросила Виттория.

Этот вопрос поверг его в изумление. Или, если быть более точным, даже не сам вопрос, а тот серьезный тон, которым он был задан. «Верю ли я в Бога?» А ведь в глубине души он надеялся, что проведет полет, обсуждая не столь серьезные темы.

Духовная загадка, подумал Лэнгдон. Именно так говорили о нем его друзья. Несмотря на многолетнее изучение религии, сам он религиозным человеком так и не стал. Он с почтением относился к могуществу веры, благотворительным делам церкви и той силе, которую придавали многим людям их религиозные убеждения... Однако полный отказ от всяких сомнений, неизбежный для истинно верующего, являлся непосильным для его разума ученого.

– Я хочу верить, – услышал он свои слова.

– И что же вам мешает? – без тени вызова или осуждения произнесла Виттория.

– Все это не так просто, – фыркнул он. – Вера требует, если так можно выразиться, «актов веры». Верующий должен серьезно относиться к чудесам, не сомневаться в беспорочном зачатии и божественном вмешательстве. Кроме того, вера предписывает определенный кодекс поведения. Библия, Коран, буддийские рукописи... все они содержат практически идентичные требования, за нарушение коих установлены одинаковые наказания. В них говорится, что меня ждет ад, если я не стану следовать этому поведенческому кодексу. Мне трудно представить себе Бога, который управляет миром подобным образом.

– Остается лишь надеяться, что вы не позволяете своим студентам так бессовестно уходить от поставленных вами вопросов.

Это замечание застало его врасплох.

– Что?

– Мистер Лэнгдон, я не спрашивала вас, верите ли вы тому, что люди говорят о Боге. Я спросила: «Верите ли вы в Бога?» Это два совершенно разных вопроса. Священное Писание – это... собрание рассказов, легенд. Это история того, как человек пытался удовлетворить свою потребность в познании самого себя и всего сущего. Меня не интересуют ваши суждения о литературных произведениях. Я спрашиваю: верите ли вы в Бога? Ощущаете ли присутствие высшей силы, когда вглядываетесь в звезды? Верите ли вы всем своим существом, что темный свод над вами – творение руки Божьей?

Лэнгдон задумался.

– Может быть, я слишком бесцеремонна?

– Нет. Просто я...

– Не сомневаюсь, что вы обсуждаете вопросы веры со своими учениками.

– Постоянно.

– И вы, как мне кажется, выступаете в роли адвоката дьявола. Все время подливаете масло в огонь дискуссии.

– Вам, видимо, тоже не чужда преподавательская деятельность? – улыбнулся Лэнгдон.

– Нет, но я многому научилась у папы. Леонардо Ветра мог с одинаковым успехом представлять обе стороны петли Мёбиуса.

Лэнгдон рассмеялся, представив себе так называемую петлю Мёбиуса – поверхность,

получаемую при склеивании двух перевернутых относительно друг друга концов прямоугольной полоски. Строго говоря, петля Мёбиуса имеет всего лишь одну сторону. Впервые эту петлю Лэнгдон увидел в творениях М. Эшера.^[36]

– Могу я задать вам один вопрос, мисс Ветра?

– Зовите меня Виттория. Когда я слышу «мисс Ветра», то сразу начинаю чувствовать себя ужасно старой.

Он подавил вздох, вдруг ощутив свой преклонный возраст, и произнес:

– В таком случае я – Роберт.

– У вас был ко мне вопрос.

– Да. Что вы, будучи дочерью католического священника и одновременно ученым, думаете о религии?

Виттория помолчала немного, отбросила упавшую на лоб прядь волос и сказала:

– Религия подобна языку или манере одеваться. Мы всегда тяготеем к тому, с чем выросли. Но в конечном итоге все мы заявляем одно и то же. Мы говорим, что в жизни имеется скрытый смысл, и мы благодарны силе, нас создавшей.

Слова девушки заинтриговали Лэнгдона.

– Следовательно, вы утверждаете, что религия – будь то христианство, мусульманство или буддизм – зависит только от того, где мы родились?

– Но разве это не очевидно?

– В таком случае вера вообще случайное явление?

– Ничего подобного. Вера – явление универсальное. Но методы ее познания, к которым мы прибегаем, целиком зависят от нашего выбора. Одни возносят молитвы Иисусу, другие отправляются в Мекку, а третьи изучают поведение элементарных частиц. В конечном итоге все мы заняты поиском истины, гораздо более грандиозной, чем мы сами.

Лэнгдон пожалел, что его студенты не умеют выражать свои мысли с такой точностью. Да что там студенты! Он сам вряд ли смог бы высказать это столь же ясно.

– А как же Бог? – спросил он. – Вы в Бога веруете?

На сей раз Виттория молчала довольно долго.

– Наука говорит мне, – наконец сказала она, – что Бог должен существовать. Но мой разум утверждает, что я никогда не смогу понять Бога. А сердце тем временем подсказывает, что я для этого вовсе и не предназначена.

Четко изложено, подумал он и спросил:

– Итак, вы полагаете, что Бог существует, но понять Его мы никогда не сможем?

– Не Его, а Ее, – улыбнулась Виттория. – Я считаю, что аборигены Северной Америки были правы.

– Мать Земля? – улыбнулся Лэнгдон.

– Гея.^[37] Наша планета является организмом, а каждый из нас – его клеткой с только ей присущими функциями. И в то же время мы все взаимосвязаны. Мы служим друг другу, и одновременно мы служим целому.

Глядя на нее, Лэнгдон вдруг почувствовал, что в нем шевельнулись чувства, которых он не испытывал уже много лет. В ее глазах таилось какое-то очарование... А голос звучал так чисто... Он ощутил, что его тянет к этой девушке.

– Мистер Лэнгдон, разрешите мне задать вам еще один вопрос.

– Роберт, – поправил он ее. – Когда я слышу «мистер Лэнгдон», я ощущаю себя стариком. Впрочем, я и есть старик...

– Скажите, Роберт, если можно, как вы начали заниматься орденом «Иллюмината»?

– Вообще-то в основе всего были деньги, – ответил он, немного подумав.

– Деньги? – разочарованно протянула девушка. – Вы оказывали какие-то платные услуги? Давали консультации?

Лэнгдон рассмеялся, осознав, как прозвучали его слова.

– Нет. Я говорю не о заработке. Я говорю о деньгах как о банкнотах.

С этими словами он достал из кармана брюк несколько купюр и выбрал из них бумажку достоинством в один доллар.

– Я увлекся изучением этого культа после того, как обнаружил, что американская валюта просто усыпана символами иллюминатов.

Виттория взглянула на него из-под полуопущенных ресниц. Она, видимо, не до конца понимала, насколько серьезно следует воспринимать эти слова.

– Посмотрите на обратную сторону, – сказал он, протягивая ей банкноту. – Видите большую печать слева?

– Вы имеете в виду пирамиду? – перевернув долларовую бумажку, спросила Виттория.

– Именно. Какое значение, по вашему мнению, могла иметь пирамида для истории США?

Девушка в ответ пожала плечами.

– Вот именно, – продолжил Лэнгдон. – Абсолютно никакого.

– Тогда почему же она смогла стать центральным символом Большой государственной печати? – нахмурившись, спросила Виттория.

– Мрачный зигзаг истории, – ответил Лэнгдон. – Пирамида – оккультный символ, представляющий слияние сил, устремленных вверх, к источнику абсолютного Света. Теперь внимательно посмотрите на то, что изображено чуть выше пирамиды.

– Глаз в треугольнике, – ответила Виттория, изучив банкноту.

– Этот символ называется *trinasria*. Вам доводилось раньше видеть глаз в треугольнике?

– Да, – немного помолчав, сказала девушка. – Но я не помню...

– Он изображен на эмблемах масонских лож во всем мире.

– Значит, это масонский символ?

– Нет. Это символ иллюминатов. Члены братства называют его «сияющая дельта». Призыв к постоянным изменениям и просвещению. Глаз означает способность иллюминатов проникать в суть вещей, а треугольником также обозначается буква греческого алфавита «дельта», которая является математическим символом...

– Изменения, эволюции, перехода к...

– Я совсем забыл, что беседую с ученым, – улыбнулся Лэнгдон.

– Итак, вы хотите сказать, что большая печать Соединенных Штатов призывает к переменам и проникновению в суть вещей?

– Или, как сказали бы некоторые, к Новому мировому порядку.

Витторию эти слова Лэнгдона несколько удивили, но, взглядевшись в банкноту, она протянула:

– Под пирамидой написано: «Novus... Ordo...»

– «Novus Ordo Seclorum», – подхватил американец. – Что означает «Новый секулярный порядок».

– Секулярный в смысле «нерелигиозный»?

– Да. Именно нерелигиозный. В этой фразе ясно выражены цели ордена «Иллюмината»,

и в то же время она кардинально противоречит напечатанным рядом с ней словам: «Мы веруем в Бога».

– Но каким образом вся эта символика смогла появиться на самой могущественной валюте мира? – обеспокоенно спросила Виттория.

– Большинство исследователей считают, что за этим стоял вице-президент Соединенных Штатов Генри Уоллес. Он занимал место на верхних ступенях иерархической лестницы масонов и, вне всякого сомнения, имел контакты с иллюминатами. Был ли он членом сообщества или просто находился под его влиянием, никто не знает. Но именно Уоллес предложил президенту этот вариант большой печати.

– Но каким образом? И почему президент с этим согласился?

– Президентом в то время был Франклин Делано Рузвельт, и Уоллес сказал ему, что слова «Novus Ordo Seclorum» означают не что иное, как «Новый курс».^[38]

– И вы хотите сказать, что Рузвельт дал команду казначейству печатать деньги, не обратившись за советом к другим экспертам? – с сомнением спросила Виттория.

– В этом не было нужды. Они с Уоллесом были словно родные братья.

– Братья?

– Загляните в свои книги по истории, – с улыбкой произнес Лэнгдон. – Франклин Делано Рузвельт был известнейшим масоном.

Лэнгдон затаил дыхание, когда «Х-33» широкой спиралью пошел на снижение в международном аэропорту Рима, носящем имя Леонардо да Винчи. Виттория сидела с закрытыми глазами. Создавалось впечатление, что она усилием воли пытается держать себя в руках. Летательный аппарат коснулся посадочной полосы и покатил к какому-то частному ангару.

– Прошу извинить за долгое путешествие, – сказал появившийся из кабины пилот. – Мне пришлось сдерживать бедняжку, чтобы снизить шум двигателя при полете над населенными районами.

Лэнгдон взглянул на часы. Оказалось, что полет продолжался тридцать семь минут.

Открыв внешний люк, пилот спросил:

– Кто-нибудь может мне сказать, что происходит?

Виттория и Лэнгдон предпочли промолчать.

– Ну и ладно, – безо всякой обиды произнес пилот. – В таком случае я останусь в кабине и буду в одиночестве наслаждаться музыкой.

При выходе из ангара им в глаза брызнули яркие лучи предвечернего солнца, и Лэнгдон перебрросил свой твидовый пиджак через плечо. Виттория подняла лицо к небу и глубоко вздохнула, словно солнечные лучи заряжали ее какой-то таинственной телепатической энергией.

Средиземноморье, подумал уже начинающий потеть Лэнгдон.

– Не кажется ли вам, что для комиксов вы немного староваты? – не поворачиваясь, неожиданно спросила Виттория.

– Простите, не понимаю...

– Ваши часы. Я обратила на них внимание еще в самолете.

Лэнгдон слегка покраснел. Ему уже не раз приходилось вставать на защиту своих ручных часов. Эти коллекционные часы с изображением Микки-Мауса на циферблате еще в детстве подарили ему родители. Несмотря на глупый вид мышонка, ручки которого служили стрелками, Лэнгдон никогда не расставался с этими часами. Часы были водонепроницаемыми, а цифры светились в темноте, что было очень удобно при плавании в бассейне и во время поздних прогулок по неосвещенным дорожкам университетского кампуса. Когда студенты говорили о некоторой экстравагантности эстетических пристрастий своего профессора, тот неизменно отвечал, что носит Микки как символ своей душевной молодости.

– Шесть часов вечера, – сказал он.

– Думаю, что экипаж для нас уже подан, – продолжая смотреть в небо, заметила Виттория.

Лэнгдон услышал в отдалении шум двигателя. Когда он поднял глаза, сердце у него упало. С севера на небольшой высоте, почти над самой взлетной полосой, к ним приближался вертолет. Во время экспедиции в Андах, когда он занимался поисками линий Наска^[39] в южном Перу, ему пришлось летать на вертолете, и никакого удовольствия от этих полетов он, надо сказать, не получил. Летаящая обувная коробка. Пресытившись впечатлениями от двух полетов в стратоплане, Лэнгдон очень надеялся на то, что Ватикан

пришлет за ними автомобиль.

Но его надежды не сбылись.

Вертушка снизила скорость, повисела несколько мгновений над их головами и начала спуск на посадочную полосу. Машина была окрашена в белый цвет, а на ее борту был изображен герб: два скрещенных ключа на фоне папской тиары. Лэнгдон прекрасно знал этот священный символ святого престола. Сейчас это была правительственная печать, а престолом в буквальном смысле слова являлся древний трон Святого Петра.

«Святая вертушка», – подумал Лэнгдон, наблюдая за приземляющимся вертолетом. Он совсем забыл, что Ватикан имеет в своем распоряжении несколько подобных аппаратов: для доставки папы в аэропорт, на встречи с папвой и для полетов в летнюю резиденцию святейшего в Гандольфо. Окажись он на месте папы, Лэнгдон определенно предпочел бы путешествовать на автомобиле.

Пилот выпрыгнул из кабины и быстрым шагом направился к ним по бетону аэродрома.

Пришло время волноваться Виттории.

– Неужели нам придется с ним лететь? – тревожно спросила она.

– Лететь иль не лететь – вот в чем вопрос, – продекламировал Лэнгдон, целиком разделяя тревогу девушки.

Пилот выглядел так, словно готовился выйти на сцену в одной из шекспировских пьес. Его камзол с пышными рукавами был разрисован широкими вертикальными ярко-синими и золотыми полосами. Цвета панталон и гетр полностью повторяли раскраску верхней части одеяния. На ногах у него были черные туфли, чем-то напоминающие домашние тапочки. На голове пилота красовался черный фетровый берет.

– Традиционная униформа швейцарских гвардейцев, – пояснил Лэнгдон. – Этот фасон придумал сам Микеланджело. – Когда пилот приблизился, американец поморщился и добавил: – Не самое лучшее из его творений, надо сказать.

Несмотря на столь ослепительный наряд, пилот всем своим видом демонстрировал, что дело знает. Он двигался к ним решительным шагом и имел выправку американского морского пехотинца. Лэнгдон читал о том, насколько строго проходит отбор в швейцарскую гвардию. Гвардейцы набирались в четырех католических кантонах Швейцарии. Каждый из претендентов должен был быть холостяком 19–30 лет, ростом не менее 180 см, уже отслужившим в швейцарской армии. Папская гвардия считалась самой верной и надежной охраной в мире и вызывала зависть у глав многих правительств.

– Вы из ЦЕРНа? – стальным голосом спросил, застыв в шаге от них, швейцарец.

– Так точно, сэр, – ответил Лэнгдон.

– Вам удалось долететь на удивление быстро, – заметил гвардеец и бросил на «Х-33» удивленный взгляд. – Мадам, – продолжил он, обращаясь к Виттории, – у вас имеется какая-нибудь иная одежда?

– Простите, но... боюсь, я не совсем вас понимаю...

– Лица в шортах в Ватикан не допускаются, – сказал швейцарец, показав на нижние конечности девушки.

Лэнгдон бросил взгляд на обнаженные ноги Виттории и вконец расстроился. Как он мог забыть, что в Ватикане нельзя обнажать ноги выше колена? Ни мужчинам, ни женщинам. Этот запрет был призван демонстрировать уважение посетителей к Городу Бога.

– Это все, что у меня есть, – ответила Виттория. – Мы очень спешили.

Гвардеец понимающе кивнул, хотя и был явно недоволен. Обратившись к Лэнгдону, он

спросил:

– Есть ли у вас какое-нибудь оружие, сэр?

«Какое оружие? У меня с собой нет даже смены чистого белья», – подумал Лэнгдон и отрицательно покачал головой.

Швейцарец присел у ног американца и принялся его досматривать, начиная с носков. Не очень доверчивый парень, подумал Лэнгдон и недовольно поморщился, когда крепкие руки гвардейца подобралась слишком близко к промежности. Обследовав грудь, плечи и спину Лэнгдона и, видимо, убедившись, что у того ничего нет, гвардеец обратил свой взор на Витторию.

– Не смейте даже и думать! – бросила она.

Гвардеец вперился в девушку суровым взглядом, видимо, рассчитывая ее запугать. Но Виттория не дрогнула.

– Что это? – спросил страж Ватикана, показывая на небольшую выпуклость на кармане ее шортов.

Виттория достала сверхплоский сотовый телефон. Гвардеец открыл его, дождался гудка и, удостоверившись, что это действительно всего лишь переговорное устройство, вернул аппарат девушке. Виттория сунула мобильник в карман.

– А теперь повернитесь, пожалуйста, – сказал гвардеец.

Виттория широко расставила руки и совершила поворот на 360 градусов.

Пока швейцарец внимательно разглядывал девушку, Лэнгдон успел заметить, что ни топик, ни облегающие шорты совсем не выпячиваются там, где им выпячиваться не положено. Гвардеец, видимо, пришел к такому же заключению.

– Благодарю вас, – сказал он. – Сюда, пожалуйста.

Лопасты вертолета швейцарской гвардии лениво крутились на холостом ходу. Виттория поднялась на борт первой. С видом профессионала, лишь чуть-чуть пригнувшись, она прошла под лопастями винта. Лэнгдон же чувствовал себя гораздо менее уверенно.

– А на машине никак было нельзя? – полушутливо прокричал он на ухо поднимающемуся на свое место пилоту.

Швейцарец не удостоил его ответом.

Лэнгдон слышал о римских водителях-маньяках и понимал, что полет в этом городе был, видимо, наиболее безопасным способом передвижения. Он глубоко вздохнул, низко пригнулся, чтобы избежать удара вращающихся лопастей, и забрался в кабину.

Гвардеец прибавил газа, и Виттория, пытаясь перекричать шум двигателя, спросила:

– Вам удалось обнаружить сосуд?!

Пилот обернулся и недоуменно посмотрел на девушку.

– Что?

– Я говорю о сосуде. Разве вы не звонили в ЦЕРН в связи с этим?

– Не понимаю, о чем вы, – пожал плечами гвардеец. – Я получил приказ забрать вас на аэродроме. Это все, что мне известно.

Виттория бросила на Лэнгдона тревожный взгляд.

– Пристегните, пожалуйста, ремни, – напомнил пилот.

Лэнгдон вытянул ремень безопасности и застегнул на животе пряжку. Ему показалось, что стены крошечного фюзеляжа сдвинулись еще сильнее, не оставляя возможности дышать. Летательный аппарат с ревом взмыл в воздух и резво взял курс на север в направлении Рима.

Рим... столица мира. Город, в котором когда-то правил Цезарь и где был распят святой Петр. Колыбель современной цивилизации. И сейчас в его сердце... тикает механизм бомбы замедленного действия.

С высоты птичьего полета Рим казался беспорядочным переплетением улиц – сложный лабиринт старинных дорог, огибающих огромные здания храмов, искрящиеся фонтаны и многочисленные древние руины.

Вертолет Ватикана летел довольно низко, разрубая лопастями смог, постоянно висящий над Вечным городом и заставляющий давиться в кашле несчастных горожан. Лэнгдон с интересом наблюдал за снующими в разные стороны мопедами, туристическими автобусами и крошечными «фиатами». «Койаанискатси», – подумал он, припомнив слово, употребляемое индейцами племени хоппи для обозначения суматошной, сумбурной жизни.

Молча сидевшая на соседнем кресле Виттория всем своим видом выражала готовность действовать.

Вертолет резко взмыл вверх, а сердце Лэнгдона, напротив, провалилось куда-то в желудок. Он посмотрел вперед и увидел вдали поднимающиеся к небу развалины римского Колизея. Лэнгдон всегда считал это величественное сооружение одним из парадоксов истории. Огромный амфитеатр, в наше время символизирующий достижение древней культуры, в течение многих столетий служил сценой, на которой разыгрывались самые варварские представления в истории человечества. Здесь голодные львы рвали на части беспомощных людей, а армии рабов сражались, истребляя друг друга. Здесь на глазах тысяч зрителей насиловали экзотических, захваченных в далеких странах женщин. Здесь рубили головы и публично кастрировали.

Особенно Лэнгдона забавляло то, что знаменитое Солдатское поле Гарварда было сооружено по образу и подобию Колизея. Видимо, не случайно, думал он, на этом стадионе каждую осень пробуждаются кровожадные древние инстинкты и обезумевшие футбольные фанаты Гарвардского университета требуют крови ненавистных противников из Йеля. Чуть дальше к северу Лэнгдон увидел Форум – сердце дохристианского Рима. Полуразрушенные колонны напоминали поваленные надгробия на кладбище, которое по какой-то странной иронии судьбы не было поглощено огромным мегаполисом.

На западе город пересекала огромная дуга Тибра. Даже с воздуха Лэнгдон видел, насколько глубока эта река. На ее блестящей поверхности там и тут виднелись пенистые воронки водоворотов, затягивающих в себя разнообразный мусор.

– Прямо по курсу, – произнес пилот, поднимая машину еще выше.

Лэнгдон и Виттория посмотрели в указанном направлении. Прямо перед ними над голубоватой дымкой смога возвышался гигантский купол собора Святого Петра.

– А вот это творение, – сказал Лэнгдон, обращаясь к Виттории, – Микеланджело явно удалось.

Лэнгдону никогда не доводилось видеть собор с высоты птичьего полета. В лучах предвечернего южного солнца мраморный, украшенный многочисленными статуями фронтон здания полыхал розовым огнем. Напоминающее огромный грот помещение собора могло одновременно вместить 60 000 молящихся, что более чем в сто раз превышало все население Ватикана – самого маленького государства на планете.

Но и сооружение таких невероятных размеров не могло подавить величия раскинувшейся перед ним площади. Вымощенная гранитом просторная площадь, расположенная в самом сердце Рима, являла собой подобие Центрального парка в

классическом стиле. Овал шириной 240 метров двумя полукругами обрамляла крытая колоннада из 284 стоящих в четыре ряда дорических колонн, над которыми высились 140 скульптурных изображений святых и мучеников. Высота колонн в каждом ряду по мере приближения к площади немного уменьшалась, что создавало своего рода *trompe l'oeil*,^[40] призванный подчеркнуть величие этого места. По обеим сторонам площади располагались два прекрасных фонтана, а в самом ее центре возвышался привезенный Калигулой египетский обелиск. Император украсил обелиском цирк, и лишь в 1586 году камень нашел свое место на площади перед главным собором католического мира. Теперь на его вершине сверкал крест – символ христианства.

Интересно, что подумал бы святой Петр, окажись он сейчас здесь, размышлял Лэнгдон, глядя на святыню. Петр умер, распятый вниз головой на этом самом месте, и теперь его прах покоился в гробнице, расположенной в глубоком подземелье под куполом базилики. Это была самая почитаемая из всех гробниц христианского мира.

– Ватикан, – произнес пилот без тени гостеприимства.

Лэнгдон посмотрел на маячившие впереди стены и бастионы, окружающие здания Ватикана. Очень неподходящая... какая-то слишком земная защита для мира духа, власти и старинных тайн, подумал он.

– Смотрите! – крикнула Виттория, потянув американца за рукав и прикинув к иллюминатору.

Лэнгдон вытянул шею и посмотрел на площадь Святого Петра.

– Смотрите туда...

Лэнгдон взглянул в указанном направлении, и ему показалось, что он увидел автомобильную парковку. Дальняя часть площади была заполнена огромными автобусами и фургонами, с крыш которых в небо смотрели тарелки телевизионных антенн. На тарелках можно было прочесть хорошо знакомые надписи:

ЕВРОПЕЙСКОЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ

ВИДЕО-ИТАЛИЯ

БИ-БИ-СИ

ЮНАЙТЕД ПРЕСС ИНТЕРНЭШНЛ

Неужели сведения об антиматерии уже просочились в прессу? Этого не может быть, несколько растерянно подумал Лэнгдон.

– Почему здесь так много представителей прессы? – напряженным голосом поинтересовалась Виттория. – Что у вас происходит?

– Что происходит? Неужели вы не знаете? – бросив на нее через плечо недоуменный взгляд, спросил, в свою очередь, пилот.

– Нет! – резко и чуть хрипло ответила она.

– Il Conclavo, – ответил пилот. – Двери будут опечатаны примерно через час. Весь мир

следит за этим событием.

Il Conclavo.

Это слово долгим эхом отозвалось в мозгу Лэнгдона и тяжелым камнем обрушилось куда-то вниз, в область сердца. *Il Conclavo. Ватиканский конклав.* Как он мог забыть? Совсем недавно об этом сообщалось во всех сводках новостей.

Пятнадцать дней назад, после двенадцатилетнего пребывания на Святом престоле, ушел из жизни всеми любимый папа. Во всех газетах мира появились статьи о случившемся во время сна кровоизлиянии в мозг. Эта смерть стала настолько неожиданной, что у многих возникли подозрения относительно ее действительной причины. Однако об этом предпочитали говорить шепотом. И вот теперь, следуя традиции, ровно через пятнадцать дней после кончины папы, Ватикан созвал конклав. 165 кардиналов съехались в Рим со всех концов христианского мира. Эти наиболее могущественные священнослужители собрались сегодня в Ватикане для того, чтобы избрать нового папу.

Все кардиналы планеты под одной крышей, думал Лэнгдон, когда вертолет пролетал над собором Святого Петра. За собором его взору открылись знаменитые сады Ватикана и здание правительства.

Вся властная структура римско-католической церкви оказалась – в самом буквальном смысле этого слова – на пороховой бочке.

Кардинал Мортати, безуспешно пытаясь сосредоточиться, смотрел в роскошный потолок Сикстинской капеллы. Покрытые фресками стены отражали голоса собравшихся в капелле кардиналов. Съехавшиеся со всего мира священнослужители толпились в освещаемой свечами часовне, оживленно обмениваясь впечатлениями и задавая вопросы. Разговаривали взволнованным шепотом на многих языках, универсальными же средствами общения оставались английский, итальянский и испанский.

Традиционный способ освещения Сикстинской капеллы был весьма эффективным. Солнечный свет попадал в помещение через цветные стекла под потолком, создавая впечатление, что эти яркие, рассекающие тьму лучи нисходят прямо с небес. Так было всегда, но только не сегодня. Согласно традиции, все окна капеллы были затянуты черным бархатом. Это делалось для сохранения тайны. Для того, чтобы никто из находящихся в помещении людей никак не мог связаться с внешним миром. Глубокую тьму Сикстинской капеллы слегка разгонял лишь свет от горящих свечей... Создавалось впечатление, что это мерцающее сияние очищало каждого, кто с ним соприкасался. Кардиналы в этом свете казались бестелесными духами... становились похожими на святых.

Какая честь, думал Мортати, наблюдать за этим священнодействием. Кардиналы старше восьмидесяти лет папой быть избраны не могли и на конклав не приглашались. В свои семьдесят девять лет Мортати оказался старшим по возрасту, и ему доверили следить за процедурой выборов.

Следуя древней традиции, кардиналы собрались в капелле за два часа до открытия конклава, чтобы поговорить со старыми друзьями и провести последние консультации. Ровно в семь часов вечера в капелле должен был появиться камерарий^[41] покойного папы, чтобы прочесть молитву и тут же удалиться.

Затем швейцарские гвардейцы опечатают двери, запорев кардиналов в капелле. Лишь после этого можно будет приступить к древнейшему и самому таинственному политическому ритуалу. Кардиналов не выпустят на свободу до тех пор, пока они не решат между собой, кому быть новым папой.

Конклав. Даже само это слово подразумевало тайну. «Con clave» – в буквальном переводе «закрытый на ключ». Кардиналам категорически запрещалось в это время вступать в какие-либо контакты с внешним миром. Никаких телефонных звонков. Никаких посланий. Никаких перешептываний через замочную скважину. Конклав являл собой вакуум, не подверженный воздействию внешней среды. Ничто не должно было повлиять на решение кардиналов, поскольку «solum Dum grae okulis» – «лишь Бог был перед их глазами».

За стенами капеллы, или, вернее, Ватикана, томились в ожидании представители прессы, строя различные предположения о том, кто станет будущим главой целого миллиарда населяющих земной шар католиков.

Атмосфера на конклавах иногда накалялась до предела, и истории были известны случаи, когда возникающее на них политическое противостояние приводило к человеческим жертвам. Священные стены капеллы были свидетелями жестоких драк, загадочных отравлений и даже явных убийств. Все это – древняя история, думал Мортати. Сегодня все кардиналы выступают единым фронтом, конклав пройдет в благостной атмосфере и... даст Бог, окажется коротким.

Во всяком случае, он так предполагал.

Но случилось то, чего никто не ожидал. По какой-то таинственной причине в капелле отсутствовали четыре кардинала. Мортати знал, что все входы и выходы в Ватикане тщательно охраняются и кардиналы не могли уйти далеко. Но тем не менее старик начал беспокоиться, поскольку до молитвы открытия оставалось чуть менее часа. Ведь четыре пропавших священнослужителя не были обычными кардиналами. Они были *теми самими* кардиналами. Четырьмя избранниками.

Как лицо, ответственное за проведение выборов, Мортати по соответствующим каналам известил командование швейцарской гвардии об исчезновении кардиналов. Ответа от гвардейцев пока не поступило. Другие кардиналы, заметив необъяснимое отсутствие своих коллег, начали тревожно перешептываться. Эти четверо просто обязаны были находиться в Сикстинской капелле! Кардинал Мортати начал подумывать, что конклав может оказаться продолжительнее, чем он рассчитывал.

Если бы он знал, чем закончится этот вечер!

Посадочная площадка вертолетов из соображений безопасности и во избежание излишнего шума находилась в северо-западном углу Ватикана, на максимальном удалении от собора Святого Петра.

– Твердь земная, – объявил пилот, как только шасси вертолета коснулись бетонной площадки.

После этого он вышел из кабины и открыл дверь пассажирского отсека для Виттории и Лэнгдона.

Лэнгдон, выйдя из машины первым, повернулся, чтобы помочь спуститься Виттории, но та без его помощи легко прыгнула на землю. Было видно, что девушка всем своим существом стремится к одной цели – найти антивещество, до того как случится непоправимое. Пилот прикрыл стекло кабины солнцезащитным чехлом и провел их к транспортному средству, очень напоминающему электрокар, который игроки в гольф используют для перемещения по полю. От обычного электрокара этот механизм отличался лишь большими размерами. Кар-переросток бесшумно повез их вдоль западной границы города-государства – высоченной бетонной стены, вполне способной противостать танковой атаке противника. Вдоль стены через каждые пятьдесят метров стояли по стойке «смирно» швейцарские гвардейцы, внимательно наблюдая за тем, что происходит на территории страны. Кар резко свернул на виа делла Оссервато-рио, и Лэнгдон увидел несколько смотрящих в разные стороны дорожных указателей:

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЙ ДВОРЕЦ

КОЛЛЕГИЯ ПО ДЕЛАМ ЭФИОПИИ

СОБОР СВ. ПЕТРА

СИКСТИНСКАЯ КАПЕЛЛА

Водитель прибавил скорость, и они понеслись по ухоженной до блеска дороге. Через пару секунд мимо них проплыло приземистое здание, на котором значилось «Радио Ватикана». Так вот как, оказывается, выглядит сердце знаменитого «Radio Vaticana», сеющего слово Божие среди миллионов слушателей во всех частях света.

– *Attenzione!*^[42] – бросил водитель, резко вращая баранку. Кар свернул за угол, и Лэнгдон не поверил своим глазам, настолько прекрасным оказался открывшийся перед ним вид. *Giardini Vaticani*. Знаменитые сады Ватикана – подлинное сердце этого города-государства, подумал он. Мало кому из простых смертных доводилось видеть Ватикан с этой точки. Прямо перед ними высилась громада собора Святого Петра, а чуть справа располагалась папская резиденция в стиле барокко, ничуть не уступающая в своей великолепии пышному барокко Версаля. Строгое здание, приютившее правительство города-государства, теперь

находилось у них за спиной. А впереди слева возвышался массивный многоугольник музея Ватикана. Лэнгдон осознал, что в этот раз времени для посещения музея у него не будет.

– Где все? – спросила Виттория, обозревая пустынные лужайки и тротуары.

Гвардеец взглянул на свои черные, выглядевшие совершенно неуместно под пышным рукавом униформы армейские часы и сказал:

– Все кардиналы уже собрались в Сикстинской капелле. Конклав открывается меньше чем через час.

Лэнгдон кивнул, припомнив, что кардиналы приходят в капеллу за два часа до начала, чтобы предаться тихим размышлениям и обменяться любезностями со своими прибывшими с разных концов земли коллегами. Эти два часа предназначались для того, чтобы восстановить старую дружбу и сделать предстоящие дебаты не столь жаркими.

– А куда подевались остальные обитатели и персонал? – полюбопытствовала Виттория.

– Удалены до завершения конклава в целях безопасности и для сохранения тайны, – сообщил швейцарец.

– Когда он завершится?

– А вот это известно лишь одному Богу, – пожал плечами гвардеец, и по этому жесту и тону его голоса можно было понять, что молодой человек вкладывает в свои слова буквальный смысл.

Оставив машину на зеленой лужайке прямо за собором Святого Петра, швейцарец провел Лэнгдона и Витторию вдоль каменной стены до мощенной мраморными плитами площади, расположенной с тыльной стороны собора. Перейдя через площадь, они снова подошли к базилике и двинулись по виа Бельведер мимо стоящих вплотную друг к другу зданий. Поскольку Лэнгдону приходилось заниматься историей искусства, он обладал достаточными познаниями в итальянском языке, чтобы понять из надписей, что их путь лежит мимо типографии, лаборатории по реставрации гобеленов, почтового управления и церкви Святой Анны. Затем, миновав еще одну площадь, они прибыли к месту назначения.

Приземистое здание, служившее штаб-квартирой швейцарской гвардии, располагалось на северо-восточном краю Ватикана, рядом с помещением кордегардии. По обе стороны от входных дверей штаба, подобно каменным изваяниям, замерли два швейцарских гвардейца.

На сей раз Лэнгдон был вынужден признать, что эти парни выглядели вовсе не комично. Стражи так же, как и их проводник, были облачены в голубую с золотом форму, но в руках у них были традиционные «длинные мечи Ватикана» – восьмифутовые копья с острыми как бритва наконечниками в форме полумесяца. Если верить легендам, во время крестовых походов эти полумесяцы снесли бесчисленное множество мусульманских голов.

Как только Лэнгдон и Виттория приблизились к дверям, оба гвардейца, как по команде, сделали шаг вперед и скрестили копья, загородив проход.

– I pantaloni, – в замешательстве произнес один из них, обращаясь к пилоту и свободной рукой указывая на шорты Виттории.

– Il comandante vuole vederli subito,^[43] – отмахнулся от сверхдвительного стража пилот.

Часовые с недовольной миной неохотно отступили в сторону.

Внутри здания царил прохлад, и оно совсем не походило на помещение службы безопасности, каким его представлял себе Лэнгдон. На стенах изысканно украшенных и безупречно обставленных холлов висели картины, которые любой музей мира поместил бы

на самом почетном месте.

– Вниз, пожалуйста, – пригласил пилот, показывая на довольно крутые ступени.

Лэнгдон и Виттория шагали по беломраморным ступеням сквозь строй скульптур. Это были статуи обнаженных мужчин, и на каждой из них имелся фиговый листок, который был чуть светлее остального тела.

Великая кастрация, подумал Лэнгдон.

Это была одна из самых величайших потерь, которые понесло искусство Возрождения. В 1857 году папа Пий IX решил, что чрезмерно точное воспроизведение мужского тела может пробудить похоть у обитателей Ватикана. Поэтому, вооружившись резцом и киянкой, он собственноручно срубил гениталии у всех мужских скульптур. Папа изувечил шедевры Микеланджело, Браманте^[44] Бернини. Нанесенные скульптурам повреждения были стыдливо прикрыты алебастровыми фиговыми листками. Лэнгдона всегда занимал вопрос, не стоит ли где-нибудь в Ватикане громадный, заполненный мраморными пенисами сундук?..

– Сюда, – провозгласил проводник.

Они уже спустились с лестницы и теперь стояли перед тяжелыми стальными дверями. Швейцарец набрал цифровой код, и дверь бесшумно скользнула в стену.

В помещении за порогом было настоящее столпотворение.

Штаб швейцарской гвардии.

Лэнгдон стоял в дверях и смотрел на смешение разных эпох, открывшееся перед его глазами. Встреча времен, думал он. Помещение являло собой великолепно декорированную библиотеку эпохи Ренессанса. Книжные полки, роскошные восточные ковры и яркие гобелены... и в то же время блоки новейших компьютеров и факсов, электронные карты Ватикана и телевизоры, настроенные на прием Си-эн-эн. Мужчины в живописных панталонах и футуристического вида наушниках яростно стучали по клавишам, внимательно вглядываясь в экраны мониторов.

– Подождите здесь, – сказал их провожатый и направился через весь зал к необычайно высокому жилистому человеку, облаченному в темно-синий мундир.

Человек разговаривал по сотовому телефону и держался так прямо, что создавалось впечатление, будто он даже прогибался назад. Швейцарец что-то ему сказал, человек в синем бросил быстрый взгляд в сторону Лэнгдона и Виттории, кивнул и вернулся к телефонной беседе.

– Коммандер Оливетти примет вас через минуту, – сказал гвардеец, вернувшись.

– Благодарю.

Гвардеец кивнул и направился назад, к лестнице.

Лэнгдон внимательно посмотрел на командера Оливетти, понимая, что перед ним Верховный главнокомандующий армией суверенной державы. Виттория и Лэнгдон ждали, наблюдая за происходящим. Гвардейцы в ярких униформах проявляли поистине бурную деятельность. Со всех сторон доносились команды на итальянском языке.

– Continua cercando! – кричал в микрофон один из них.

– Probasti il museo!^[45] вторил ему другой.

Лэнгдону не надо было хорошо знать итальянский язык, чтобы понять – служба безопасности Ватикана ведет интенсивные поиски. Это, безусловно, была хорошая новость. Плохая же новость заключалась в том, что антивещество они пока не обнаружили.

– С вами все в порядке? – спросил он Витторию.

Девушка в ответ лишь устало улыбнулась и пожала плечами.

Коммандер тем временем закончил разговор, решительным движением захлопнул мобильник и направился к ним. С каждым шагом офицер, казалось, становился все выше и выше. Лэнгдон и сам был достаточно высок, и ему редко доводилось смотреть на кого-нибудь снизу вверх, но в данном случае избежать этого было просто невозможно. Весь вид командера требовал подчинения, и Лэнгдон сразу понял, что этот человек прошел через многое. Его молодежавое не по возрасту лицо было словно выковано из закаленной стали. Темные волосы были острижены коротким ежиком на военный манер, а глаза исполнены той непреклонной решимости, которая достигается лишь годами упорной муштры. Он надвигался на них неумолимо, как танк. За ухом у него был крошечный наушник, и это делало его похожим на агента американской секретной службы из плохого фильма.

Офицер обратился к ним на английском языке с довольно сильным итальянским акцентом. Его голос для столь внушительной фигуры оказался на редкость тихим, но, несмотря на это, звучал по-военному уверенно и напористо.

– Добрый день, – сказал он. – Я – коммандер Оливетти, главнокомандующий

швейцарской гвардией, и это я звонил вашему директору.

– Примите нашу благодарность, сэр, за то, что согласились нас принять, – подняла на него глаза Виттория.

Коммандер, ничего не ответив, жестом пригласил их следовать за ним. Лавируя в лабиринте электронных приборов, они добрались до двери в боковой стене зала.

– Входите, – пригласил офицер, придерживая дверь.

Переступив через порог, Лэнгдон и Виттория оказались в затемненной комнате, одна из стен которой светилась экранами множества мониторов. На этих экранах, сменяя друг друга, лениво двигались изображения различных уголков Ватикана. За картинками внимательно следил молодой гвардеец.

– Fuori^[46] – сказал Оливетти.

Солдат поднялся со стула и вышел из комнаты.

Оливетти подошел к одному из мониторов и произнес, указывая на экран:

– Это изображение идет с одной из камер дистанционного контроля, спрятанной где-то в недрах Ватикана. Не могли бы вы объяснить, что это такое?

Лэнгдон и Виттория бросили взгляд на дисплей и не удержались от вздоха. Места для сомнений не осталось. Это была ловушка антиматерии, доставленная сюда из ЦЕРНа. Внутри прозрачной сферы мерцала парившая в воздухе металлическая капля. Единственным источником света в том месте, где находился сосуд, служил дисплей электронного секундомера с ритмично меняющимися на нем цифрами. Вокруг ловушки царил полная темнота, словно ее поместили куда-то под землю или в полностью закрытое помещение. В верхнем левом углу монитора виднелась надпись: «Прямая передача – камера наблюдения № 86».

Виттория взглянула на меняющиеся цифры электронного счетчика времени и прошептала Лэнгдону:

– Менее шести часов...

– Итак, мы располагаем временем до... – произнес Лэнгдон, поднося к глазам руку с часами. Закончить фразу ему помешал сильный спазм где-то в районе желудка.

– ...до полуночи, – с безнадежным видом сказала вместо него Виттория.

Полночь, подумал Лэнгдон. *Очередное проявление театральности*. Тот, кто прошлой ночью похитил ловушку, очевидно, точно рассчитал время. Мощнейший, грозящий катастрофой заряд уже был установлен на месте будущего взрыва, или в «точке зеро», как говорят специалисты.

– Вы подтверждаете, что данный объект принадлежит вашему учреждению? – Шепот Оливетти теперь больше походил на шипение.

– Да, сэр, – кивнула Виттория. – Этот сосуд был похищен из нашей лаборатории, и он содержит чрезвычайно взрывоопасную субстанцию, называемую антивеществом.

Слова Виттории ничуть не встревожили Оливетти.

– Я очень хорошо знаком со взрывным делом, мисс Ветра, но о взрывчатке, именуемой «антивещество», ничего не слышал.

– Это продукт новых технологий. Сосуд надо найти немедленно. В противном случае придется эвакуировать весь Ватикан.

Оливетти закрыл глаза, а затем медленно открыл их, словно надеясь на то, что это способно изменить смысл слов, произнесенных девушкой.

– Эвакуировать? – переспросил он. – Вам, надеюсь, известно, что в данный момент

происходит в Ватикане?

– Да, сэр. И жизнь ваших кардиналов находится в опасности. В нашем распоряжении примерно шесть часов. Вам удалось хоть сколько-нибудь продвинуться в поисках ловушки?

– Так вы называете эту штуку «ловушкой»? – спросил он и, величественно наклонив голову, добавил: – Мы даже и не приступали к ее поискам.

– Что? – спросила, едва не задохнувшись от изумления, Виттория. – Но мы своими ушами слышали, как ваши подчиненные говорили о поисках...

– Поисках, да... – сказал Оливетти. – Но мы ищем вовсе не эту игрушку. Мои люди заняты поисками, которые не имеют никакого отношения к вашему делу.

– Следовательно, вы не начали искать ловушку? – срывающимся от волнения голосом повторила Виттория. – Я вас правильно поняла?

Зрачки Оливетти сузились так сильно, что создавалось впечатление, будто они просто втянулись в глазные яблоки, и это сделало его похожим на насекомого.

– Послушайте, как вас там? Мисс Ветра, кажется? – спросил он с бесстрастностью все того же насекомого. – Позвольте мне высказаться откровенно. Директор вашего заведения отказался поделиться со мной подробностями относительно характера объекта, заявив лишь, что я должен немедленно его найти. В данный момент мы чрезвычайно заняты, и я не могу позволить себе роскоши задействовать людские ресурсы, пока мне не станут известны все обстоятельства.

– В данный момент, сэр, лишь одно обстоятельство имеет значение, – жестким тоном произнесла Виттория. – Если вы не найдете прибора, то не позже чем через шесть часов ваш Ватикан взлетит на воздух. Или испарится, если вас это больше устраивает.

На лице Оливетти не дрогнул ни один мускул.

– Мисс Ветра, – начал он, и теперь в его голосе можно было уловить снисходительные нотки. – Несмотря на несколько архаичный внешний вид Ватикана, каждая его дверь, как служебная, так и предназначенная для публики, снабжена новейшими, самыми чувствительными приборами защиты из всех известных человечеству. Если кто-то вдруг пожелает проникнуть к нам с взрывчатым веществом, оно немедленно будет обнаружено. В нашем распоряжении имеются сканеры радиоактивных изотопов, приборы, которые по тончайшему запаху могут мгновенно расшифровывать химический состав любых веществ, включая токсины. Повсюду установлены новейшие металл одетекторы и рентгеновские аппараты...

– Весьма впечатляюще, – прервала его речь Виттория. Слова девушки звучали столь же холодно, как и слова командера. – К моему величайшему сожалению, антивещество не обладает радиоактивностью. Оно не имеет запаха, а по своему химическому составу является чистейшим водородом. Сам сосуд изготовлен из нейтрального пластика. Боюсь, что все ваши новейшие приборы окажутся в данном случае бессильны.

– Но ваша ловушка имеет источник питания, – сказал Оливетти, показывая на мелькающие цифры хронометра. – Даже малейший след никель-кадмиевого...

– Аккумулятор тоже изготовлен из пластика.

– Пластмассовый аккумулятор?! – Судя по тону, каким был задан этот вопрос, терпение Оливетти подходило к концу.

– Да. Электролит из полимерного геля и тефлона.

Оливетти наклонился вперед, словно подчеркивая свое превосходство в росте, и раздельно произнес:

– Синьорина, в Ватикан каждый месяц поступают десятки сообщений с угрозой взрыва. Я персонально инструктирую свой персонал по всем новейшим проблемам взрывной техники. И мне прекрасно известно, что в мире не существует взрывчатого вещества, способного, по вашим словам, уничтожить Ватикан. Если вы, конечно, не имеете в виду ядерное устройство. Если вы все-таки говорите о ядерном оружии, то оно должно иметь боеголовку размером не менее бейсбольного мяча.

– Природа таит в себе массу пока еще не раскрытых тайн, – ответила Виттория, испепеляя офицера взглядом.

– Могу я поинтересоваться, – сказал Оливетти, наклоняясь еще ниже, – какой пост вы занимаете в ЦЕРНе?

– Я старший исследователь, и на период данного кризиса мне поручено осуществлять связь между моей организацией и Ватиканом.

– Прошу прощения за грубость, но если мы действительно имеем дело с кризисом, почему я имею дело с вами, а не с вашим директором? И почему вы позволяете себе проявлять неуважение к Ватикану, являясь в это святое место в шортах?

Лэнгдон издал тихий стон. Ученый не мог поверить, что в подобных обстоятельствах Верховный главнокомандующий будет думать о стиле одежды. Однако он вспомнил о каменных пенисах, которые, по мнению здешнего начальства, могли пробудить похоть у подчиненных, и решил, что появление девицы в обтягивающих шортах вполне способно произвести в Ватикане сексуальную революцию. Так что поведение командера было отчасти оправданно. Виттория Ветра являла собой угрозу безопасности Ватикана.

– Командер Оливетти, – сказал Лэнгдон, выступая вперед (ему не хотелось, чтобы на его глазах взорвалась еще одна бомба), – позвольте представиться. Меня зовут Роберт Лэнгдон. Я преподаю историю религии в Гарвардском университете и к ЦЕРНу не имею ни малейшего отношения. Я видел, на что способно антивещество, и целиком разделяю точку зрения мисс Ветра о его чрезвычайной опасности. У нас есть все основания полагать, что антивещество доставлено в ваш комплекс членами антирелигиозного сообщества с целью сорвать конклав.

– Итак, – начал офицер, сверля глазами Лэнгдона, – теперь, помимо женщины в шортах, уверяющей, что капля какого-то таинственного антивещества способна взорвать Ватикан, я имею американского профессора, заявляющего, что нам угрожает некое антирелигиозное сообщество. Чего же именно вы от меня хотите?

– Найдите ловушку, – сказала Виттория. – И немедленно.

– Это невозможно. Прибор может находиться где угодно. Ватикан достаточно велик.

– Неужели ваши камеры слежения не снабжены сигнализаторами, указывающими их местонахождение?

– Как правило, их у нас не воруют. Чтобы найти пропавшую камеру, потребуется несколько дней.

– О днях не может быть и речи, – с вызовом бросила Виттория. – В нашем распоряжении лишь шесть часов.

– Шесть часов до чего, мисс Ветра? – спросил Оливетти, и голос его на сей раз прозвучал неожиданно громко. Махнув рукой в сторону экрана, командер продолжил: – До тех пор, пока эта штука не закончит счет? До тех пор, пока не испарится Ватикан? Поверьте, я терпеть не могу людей, которые наносят ущерб моей системе безопасности, воруя камеры. Точно так же я не люблю и механических приспособлений, которые таинственным образом

появляются в стенах города. Моя работа требует постоянной подозрительности, но то, что говорите вы, мисс Ветра, лежит за пределами возможного.

– Вам когда-нибудь приходилось слышать о братстве «Иллюмината»? – вдруг выпалил Лэнгдон.

Ледяная маска вдруг дала трещину. Глаза командера побелели, как у готовящейся напасть акулы, и он прогремел:

– Я вас предупреждал, что у меня нет времени выслушивать всякие глупости!

– Следовательно, о сообществе «Иллюмината» вы слышали?

– Я дал клятву охранять католическую церковь, – ответил Оливетти; теперь его взгляд стал походить на острие штыка. – И об этом сообществе, естественно, слышал. Мне также известно, что это, с позволения сказать, братство не существует вот уже несколько десятков лет.

Лэнгдон запустил руку в карман, извлек листок с изображением заклеянного тела Леонардо Ветра и вручил его Оливетти.

– Я давно занимаюсь изучением истории братства «Иллюмината», и признать его существование в наши дни мне труднее, чем вам. Однако появление клейма и понимание того, что это сообщество давно предъявило счет Ватикану, вынудили меня изменить свою точку зрения.

– Компьютерная фальшивка, – небрежно бросил Оливетти, возвращая факс Лэнгдону.

Лэнгдон не верил своим ушам.

– Фальшивка?! Да вы только взгляните на симметрию! Из всех людей вы первый должны понять, что это аутентичное...

– Если на то пошло, то именно вам в первую очередь не хватает аутентичного понимания характера событий. Мисс Ветра, видимо, не удосужилась проинформировать вас о том, что ученые ЦЕРНа в течение нескольких десятилетий жестоко критикуют Ватикан. Они регулярно клеймят нас за возрождение идей креационизма, требуют формальных извинений за Галилея и Коперника, настаивают на том, чтобы мы прекратили осуждение аморальных или опасных исследований. Какой из двух сценариев для вас более приемлем, мистер Лэнгдон? Неужели вы предпочтете вариант, согласно которому из небытия вдруг возникнет вооруженный ядерной бомбой орден сатанистов с многовековой историей, чтобы уничтожить Ватикан? Если так, то для меня более приемлем второй. По моему мнению, какой-то идиот-шутник из ЦЕРНа решил сорвать важное для Ватикана событие с помощью тонко задуманной и отлично исполненной фальшивки.

– На этом снимке изображен мой отец, – сказала Виттория, и в ее голосе можно было услышать клочок кипящей лавы. – Он был убит. Неужели вы хотите сказать, что я способна на подобные шутки?

– Не знаю, мисс Ветра. Но до тех пор, пока я не получу от вас ответов, в которых будет хоть какой-то смысл, тревоги я поднимать не стану. Моя служба требует как бдительности, так и сдержанности... для того чтобы все духовные отправления вершились в Ватикане при просветленном сознании их участников. И в первую очередь сегодня.

– Но тогда по крайней мере отложите мероприятие, – сказал Лэнгдон.

– Отложить?! – опешил от столь еретической идеи Оливетти. – Какая наглость! Конклав, к вашему сведению, – это не бейсбольный матч в Америке, начало которого переносится из-за дождя. Это священнодействие со строгими правилами и процедурой. Вам, конечно, безразлично, что миллиард католиков по всему земному шару, затаив дыхание, ждут

избрания своего нового лидера. Вам плевать на многочисленных представителей прессы, собравшихся у стен Ватикана. Протокол, согласно которому проходят выборы папы, священен. Начиная с 1179 года конклавы проводились, невзирая на землетрясения, голод и даже эпидемии чумы. И он не будет отменен из-за убийства какого-то ученого и появления одной капли бог знает какого вещества.

– Отведите меня к вашему главному начальнику, – потребовала Виттория.

– Он перед вами! – сверкнул глазами Оливетти.

– Нет. Мне нужен кто-нибудь из клира.

От возмущения на лбу офицера вздулись жилы, но, сумев сдержаться, он ответил почти спокойно:

– Все лица, имеющие отношение к клиру, ушли. Во всем Ватикане остались лишь швейцарские гвардейцы и члены коллегии кардиналов. Кардиналы собрались в Сикстинской капелле.

– А как насчет камерария? – небрежно бросил Лэнгдон.

– Кого?

– Камерария покойного папы, – повторил Лэнгдон, надеясь на то, что память его не подвела.

Он припомнил, что читал где-то об одном довольно забавном обычае Ватикана, связанном с передачей власти после кончины папы. Если память его не обманывает, то на период между смертью прежнего святого отца и выборами нового понтифика вся власть временно переходила в руки личного помощника покойного папы – так называемого камерария. Именно он должен был заниматься организацией и проведением конклава вплоть до того момента, как кардиналы назовут имя нового хозяина Святого престола.

– Насколько я понимаю, в данный момент всеми делами Ватикана заправляет камерарий, – закончил американец.

– Il camerlengo? – недовольно скривившись, переспросил Оливетти. – Но наш камерарий – простой священнослужитель. Он не был рукоположен в кардиналы. Всего лишь личный слуга папы.

– Тем не менее он здесь. И вы подчиняетесь ему.

– Мистер Лэнгдон, – произнес Оливетти, скрестив на груди руки, – да, это так. Согласно существующим правилам, камерарий на время проведения конклава является высшей исполнительной властью Ватикана. Но это сделано только потому, что камерарий, сам не имея права стать папой, может обеспечить независимость выборов. Это примерно то же самое, как если бы один из помощников вашего президента временно занял Овальный кабинет после смерти своего босса. Камерарий молод, и его понимание проблем безопасности, так же как и иных важных вопросов, весьма ограничено. И по существу, в данный момент я являюсь первым лицом Ватикана.

– Отведите нас к нему, – сказала Виттория.

– Это невозможно. Конклав открывается через сорок минут. Камерарий готовится к этому событию в кабинете папы, и я не намерен беспокоить его проблемами, связанными с безопасностью. Все эти вопросы входят в сферу моей компетенции.

Виттория приготовилась дать достойный ответ, но в этот момент раздался стук в дверь, и на пороге возник швейцарский гвардеец при всех регалиях.

– E l'ora, comandante^[47] – произнес он, постукивая пальцем по циферблату наручных часов.

Оливетти взглянул на свои часы и кивнул. Затем он посмотрел на Лэнгдона и Витторию с видом судьи, определяющего их судьбу.

– Следуйте за мной, – сказал он и, выйдя из комнаты наблюдения, направился к крошечному кабинетику со стеклянными стенами в дальнем конце зала.

– Мой кабинет, – сказал Оливетти, приглашая их войти. Помещение было обставлено более чем скромно. Стол, беспорядочно заваленный бумагами, складные стулья, несколько канцелярских шкафов и прибор для охлаждения воды. Ничего лишнего. – Я вернусь через десять минут, – сказал хозяин кабинета. – А вы пока подумайте о том, как нам быть дальше.

– Вы не можете просто взять и уйти! – взвилась Виттория. – Ловушка...

– У меня нет времени на пустые разговоры! – ошетинился Оливетти. – Видимо, мне придется задержать вас до завершения конклава, после чего, как я полагаю, время у меня появится.

– Синьор, – сказал гвардеец, снова показывая на часы, – Spazzare di Capella^[48]

Оливетти кивнул и направился к двери.

– Spazzare di Capella? – переспросила Виттория. – Неужели вы намерены заняться уборкой Сикстинской капеллы?

Оливетти обернулся и, сверля девушку взглядом, ответил:

– Мы намерены провести поиск разного рода электронных «жучков», мисс Ветра, дабы нескромные уши не прослушивали ход дебатов. Впрочем, вопросы скромности вам, по-видимому, чужды, – закончил он, взглянув на обнаженные ноги девушки.

С этими словами командер захлопнул дверь с такой силой, что толстое стекло панели задребезжало. Затем одним неуловимым движением он извлек из кармана ключ, вставил его в замочную скважину и повернул. Тяжелая щеколда со стуком встала на место.

– Idiota! – завопила Виттория. – Ты не имеешь права нас здесь задерживать!

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Conseil Europeen pour la Recherche Nucleaire (фр.). – *Здесь и далее примеч. пер.*

Пригород Каира, где расположен ансамбль пирамид фараонов Хеопса, Хефрена и Микерина (3-е тысячелетие до н. э.).

То есть относящуюся к надписям.

Да, полностью (ит.).

Один мах примерно равняется скорости звука (340 м/с). Назван по имени Эрнста Маха (1838–1916) – австрийского физика и философа.

Наемный убийца, совершающий убийство политического или видного общественного деятеля (от английского assassin).

Гипотетическая элементарная частица.

Нестабильная элементарная частица.

Густав Малер (1860–1911) – австрийский композитор и дирижер.

Здесь: Будьте любезны! (фр.)

Лэнгдон имеет в виду, что ионики, или овы (*лат.*), – яйцеобразные орнаментальные мотивы – являются принадлежностью ионического и коринфского архитектурных ордоров.

Наряду с упомянутыми выше представляет собой один из трех основных архитектурных ордоров.

В индуизме символ счастья, благополучия и процветания.

В китайской философии символы соответственно женского и мужского начала.

Имеется в виду шестиконечная звезда Давида.

Здесь речь идет о буквальном переводе с латыни – «несущий свет».

Питер Селлерс (1925–1980) – английский комик и киноактер, сыгравший в 60 фильмах.

Ирвинг Берлин (1888–1989) – американский композитор, автор около 900 популярных песен и музыки для кино и театра. Выходец из России.

Филипп Маунтбаттен, герцог Эдинбургский, – супруг английской королевы Елизаветы Второй.

Оге Бор (р. 1922) – датский физик, сын Нильса Бора, один из авторов обобщенной модели атомного ядра, лауреат Нобелевской премии.

Одно из основных понятий китайской философии, обозначающее в понимании Конфуция путь человека, то есть нравственное поведение и основанный на морали социальный порядок.

Здесь следует иметь в виду, что это придуманное автором понятие содержит в себе производное от греческого слова *theos* – Бог, входящее составной частью во многие известные термины, имеющие отношение к религии.

Адроны – общее наименование для элементарных частиц, участвующих в сильных взаимодействиях.

Джексон Поллок (1912–1956) – американский художник-абстракционист.

Дзэн (*япон*), дхьяна (*санскр*), чань (*ит.*) – возникшее в VI в. течение буддизма, проповедующее постижение истины через созерцание и самопогружение и абсолютное пренебрежение к любой внешней форме бытия.

Ускоритель, в котором осуществляется столкновение встречных пучков заряженных частиц высоких энергий.

Стонхендж – мегалитическая культовая постройка 2-го тысячелетия до н. э. в Великобритании.

Эдвин Пауэлл Хаббл (1889–1953) – американский астроном. Установил, в частности, закономерность разлета галактик. Жорж Анри Лемэтр (1894–1966) – бельгийский астрофизик и математик. Магистр теологии.

Нанограмм – миллиардная часть грамма.

Аргонавты – род головоногих моллюсков из отряда осьминогов.

Капитан Джеймс Т. Кёрк – командир межгалактического крейсера «Энтерпрайз» из американского фантастического телевизионного сериала «Звездный путь».

Хватит болтать! (ит.)

Быть вне себя (*фр., вульг.*).

Крытый внутренний двор (от латинского atrium).

Международный аэропорт Рима.

Мариус Корнелис Эшер (1898–1972) – голландский художник-график.

Гея – в греческой мифологии богиня земли, от которой произошли горы и море, первое поколение богов, циклопы и гиганты.

Новый курс – экономическая политика президента Ф.Д. Рузвельта, направленная на смягчение последствий экономического кризиса 1930-х гг.

Линии Наска – огромные изображения геометрических фигур, животных и растений на столовых холмах в горных долинах южного Перу. Полностью видны лишь с воздуха.

Обман зрения, иллюзия (фр.).

Камерарий – личный помощник и, как правило, доверенное лицо папы.

Внимание! (ит.)

Командир приказал доставить их немедленно (ит.).

Донатто Браманте (1444–1514) – архитектор и скульптор Высокого Возрождения.

- Продолжайте поиск!
- Проверьте музей! (ит.)

Выйди (ит.).

Здесь: Время, начальник (ит.).

Подметать капеллу (ит.).